

№ 92

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КАБИНЕТЪ
В. Д.

1860.

НОЯБРЬ.

МАН 2008

Проектно 1994 г.

СПБГУ

1994 г.

СЛБГУ

Проверено 1948 г.

С 17617

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ноябрь 1860

ОТДѢЛЪ І.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. І.

*І. Высочайше утвержденныя положенія
комитета гг. министровъ.*

1) О сокращеніи переписки (Извлечение).

23-го Августа 1860 г. Высочайше утверждено и 21-го сентября обнародовано положеніе комитета гг. министровъ о сокращеніи переписки. Положеніемъ этимъ между прочимъ постановлено:

а. по предметамъ, относящимся до всехъ министерствъ и главныхъ управленій.

І. Въ представляемыхъ въ І отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи вѣдомостяхъ о послѣдовавшихъ по министерству или главному управленію Высочайшихъ повелѣній: а, показывать только такія дѣла, кои

Ж. М. Ю. Т. VI. Ч I.

заключаютъ въ себѣ особенную важность, предоставивъ непосредственному усмотрѣнію министра или главноуправляющаго опредѣлять, какія на семъ основаніи дѣла должны быть вносимы въ вѣдомость; б, объяснять распоряженія, какія сдѣланы по Высочайшимъ повелѣніямъ, а если Высочайшее повелѣніе не исполнено, то почему именно; в, вносить въ вѣдомость лишь дѣла новыя и тѣ, по коимъ произошла какая либо перемѣна, а затѣмъ дѣлать оговорку, что по прочимъ дѣламъ, въ предшествовавшей вѣдомости показаннымъ, перемѣнъ нѣтъ, и г, отмѣнить показаніе въ вѣдомости такихъ дѣлъ, по коимъ окончательныя распоряженія министерства или главнаго управленія сдѣланы и дальнѣйшій ходъ отъ онаго не зависить. Означенныя вѣдомости представлять не ежемѣсячно, а по третямъ года, т. е. чрезъ каждыя 4 мѣсяца. На томъ же основаніи составлять и въ тѣже сроки представлять вѣдомости по департаментамъ Правительствующаго Сената, кромѣ уголовныхъ департаментовъ, для которыхъ оставить въ своей силѣ нынѣ существующій порядокъ представленія сихъ вѣдомостей ежемѣсячно. II. Отмѣнить доставленіе въ I отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи копій съ Высочайшихъ грамотъ и указовъ, удостоенныхъ подписанія его императорскаго величества. III. Отмѣнить представленіе его императорскому величеству ежегодныхъ вѣдомостей о поступающихъ на службу въ губерніи молодыхъ дворянахъ и прочихъ лицахъ, пользующихся по учебнымъ аттестатамъ правомъ на классныя чины отъ 14 до 10-го включительно. IV. Замянить отношенія, при коихъ препровождаются для свѣдѣнія или возвращаются какія-либо бумаги и документы, записками въ третьемъ лицѣ. V. Департаментамъ и канцеляріямъ, и вообще учрежденіямъ, къ составу министерствъ и главныхъ управленій принадлежащимъ, по такимъ дѣламъ, которыя не требуютъ особенныхъ соображеній, не составлять для представленія министрамъ и главноуправляющимъ записокъ, установленныхъ ст. 91 учр. минист. св. зак. т. I

(изд. 1857 г.), а представлять подлинныя отношенія, представленія или прошенія, безъ письменныхъ докладовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ нужна справка, прикладывать оную за подписью начальника отдѣленія и скрѣпою столоначальника, а когда по роду дѣлъ требуется, то присовокуплять къ справкѣ и проектъ заключенія. Затѣмъ письменные доклады представлять собственно по дѣламъ важнымъ или сложнымъ. VI. По дѣламъ, которыя не восходятъ до министра или главноуправляющаго, вносить въ общія присутствія департаментовъ, вмѣсто особыхъ докладовъ, подлинныя представленія и прошенія, департаментами получаемыя, съ присовокупленіемъ мнѣнія начальника отдѣленія и дополнительной справки, если она по существу дѣла будетъ необходима. Справки съ мнѣніемъ подписывать на самой подлинной бумагѣ, или, смотря по удобству, на особомъ листѣ, который пришивать къ бумагѣ. VII. Съ бумагахъ, составляющихъ собственно повторенія, не оставлять въ дѣлахъ отпусковъ, а только дѣлать на первоначальныхъ бумагахъ отмѣтки, когда и за какимъ № посланы повторенія, не распространяя однако этой мѣры на судебныя мѣста и Правительствующій Сенатъ.

В. ПО ПРЕДМЕТАМЪ, ОТНОСЯЩИМСЯ ДО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА И МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

I. Отмѣнить представленіе его императорскому величеству а, еженедѣльной вѣдомости о присутствіи членовъ римско-католической духовной коллегіи; б, краткой вѣдомости или такъ называемаго экстракта объ именныхъ указахъ и копій съ объявляемыхъ Высочайшихъ повелѣній, и в, ежемѣсячной вѣдомости о движеніи дѣлъ по всѣмъ департаментамъ и общимъ собраніямъ Правительствующаго Сената. II. Отмѣнить донесенія оберъ-прокуроровъ Правительствующаго Сената Министерству Юстиціи о переносѣ въ общее собраніе Сената

каждаго дѣла, по которому послѣдовали разныя мнѣнія, не примиренныя согласительнымъ предложеніемъ оберъ-прокурора.

III. Отмѣнить посылку министрамъ статсъ-секретарямъ царства польскаго и великаго княжества финляндскаго Министерствомъ Юстиціи копій съ Высочайшихъ указовъ, печатаемыхъ въ сенатскихъ вѣдомостяхъ; а затѣмъ сообщать копіи только съ такихъ указовъ, которые почему либо не будутъ помѣщаемы въ сенатскихъ вѣдомостяхъ.

IV. Оставивъ безъ измѣненія нынѣ существующій порядокъ сношенія Правительствующаго Сената съ мѣстами и лицами, въ общемъ порядкѣ государственнаго устройства ему не подчиненными, посредствомъ копій съ опредѣленій Сената, передавать сіи копіи тѣмъ мѣстамъ и лицамъ чрезъ посредство оберъ-прокуроровъ, а не Министерства Юстиціи, подобно тому, какъ по учрежденію Сената предоставлено оберъ-прокурорамъ сноситься со всеми министрами и главноуправляющими по предмету истребованія отъ нихъ отзывовъ на резолюціи Сената, состоявшіяся несогласно съ ихъ мнѣніемъ.

V. Существующія узаконенія относительно порядка составленія журналовъ въ Правительствующемъ Сенатѣ дополнить постановленіемъ: въ первой части журнала, въ которой заключаются дѣла, разрѣшаемыя по существу, прописываются только соображенія и резолюціи сенаторовъ и тѣ мнѣнія, которыхъ внесеніе въ журналъ закономъ установлено. Записка и журналъ служатъ основаніемъ къ составленію опредѣленія.

VI. Постановитъ по предмету дѣлопроизводства канцеляріи Правительствующаго Сената: Дѣла, по коимъ должны быть требованы мнѣнія министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, или министра статсъ-секретаря царства польскаго и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, препровождаются симъ лицамъ изъ Правительствующаго Сената не иначе, какъ по дополненіи дѣла, установленнымъ въ законахъ порядкомъ, во всехъ отношеніяхъ и предварительно окончательнаго разрѣшенія.

VII. Отмѣнить посылку особыхъ указовъ Правительствующаго Сената о чиновикахъ, присужденныхъ къ исключенію изъ

службы или къ отрѣшенію отъ должности, съ воспрещеніемъ впредь исправлять подобныя должности, или вообще къ наказаніямъ, влекущимъ за собою потерю права вступать въ государственную и общественную службу, а оставить одно опубликованіе чрезъ припечатаніе въ вѣдомостяхъ.

2) *По дѣлу помѣщика Тышковскаго.*

По опредѣленію Правительствующаго Сената, управляющій министерствомъ юстиціи входилъ въ комитетъ гг. министровъ съ представленіемъ объ отнесеніи на отвѣтственность Кіевскаго губернскаго правленія убытковъ, могущихъ произойти для помѣщика Тышковскаго отъ неправильнаго назначенія имѣнія его въ продажу по претензіи помѣщика Козаковскаго.

Неправильное распоряженіе Кіевскаго губернскаго правленія по дѣлу Тышковскаго заключалось въ отміѣ собственнаго своего постановленія и въ наложеніи на Тышковскаго денежнаго взысканія, которому онъ могъ быть подвергнутъ не иначе, какъ по рѣшенію судебного мѣста.

Комитетъ полагалъ: на приведеніе въ исполненіе опредѣленія Сената испросить Высочайше его императорскаго величества соизволеніе.

Государь императоръ на сіе Высочайшее соизволилъ. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи предложено Правительствующему Сенату къ исполненію 5 октября 1860 года.

II. Высочайшіе именные указы, данныя Правительствующему Сенату.

1) *О передачѣ имѣнія умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Полетика въ пожизненное владѣніе вдовы его.*

«Списходя на всеподданнѣйшее прошеніе вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Идалии Полетика, Всемилостивѣй-

ше дозволяемъ: согласно всеподданнѣйшей просьбѣ покойнаго ея мужа, принадлежавшее послѣдному родовое имѣніе, состоящее Тамбовской губерніи и уѣзда въ сельцѣ Александровскомъ, Столовая тожъ, населенное по 10-й ревизіи 520 крестьянами, со всѣми принадлежащими къ сему имѣнію землями и угодьями, принять въ пожизненное ея владѣніе въ замѣнъ слѣдующей ей изъ сего имѣнія указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы-то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія, и съ обязанностію уплачивать лежащія на ономъ казенные и частныя долги изъ доходовъ сего имѣнія; только въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется ей залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который будетъ признанъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти Идалии Полетика означенное имѣніе должно перейти къ наслѣдникамъ мужа ея на точномъ основаніи законовъ.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною ея императорскаго величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

29-го іюля 1860 г.

2) *О передачі имѣнія князя Варшавскаго въ пожизненное владѣніе жены его.*

«Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе генераль-адъютанта князя Варшавскаго графа Федора Паскевича-Эриванскаго, Всемилостивѣйше дозволяемъ: состоящее во владѣніи его въ Могилевской губерніи заповѣдное имѣніе, подъ общимъ

названіемъ Гомельскаго, передать послѣ смерти его въ пожизненное владѣніе супруги его княгини Ирины Варшавской, рожденной графини Воронцовой-Дашковой, со всѣми правами и обязанностями, присвоенными владѣльцамъ означеннаго имѣнія указомъ въ Бозѣ почивающаго родителя нашего императора николая павловича, даннымъ Правительствующему Сенату въ 24 день декабря 1847 года, о дозволеніи генераль-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Ивану Паскевичу-Эриванскому обратить сіе имѣніе въ заповѣдное. По смерти же княгини Варшавской, означенное имѣніе должно поступить къ наследникамъ мужа ея, согласно установленному означеннымъ указомъ порядку.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ**.

21-го августа 1860 года.

III. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

О денежной претензіи поручика Невядомскаго къ коллежскому регистратору Тютчеву (30 мая 1860 года).

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ внесенное за разногласіемъ изъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената дѣло о денежной претензіи поручика Невядомскаго къ коллежскому регистратору Тютчеву, мнѣніемъ положилъ: утвердить заключеніе по сему дѣлу управляющаго министерствомъ юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ.

Заключение управляющаго министерствомъ юстиціи состояло въ слѣдующемъ:

Орловскій помѣщикъ Тютчевъ, коему отдано было въ 1851 году, по Высочайшему повелѣнію, во временное управленіе Батуринское князя Разумовскаго имѣніе, выдалъ коллежскому секретарю Золотницкому довѣренность, 16-го ноября 1851 года въ Конотопскомъ уѣздномъ судѣ засвидѣтельствованную, на продажу продуктовъ и фабричныхъ произведеній, изъ того имѣнія отправляемыхъ, равно на заключеніе контрактовъ и условій какъ съ казною, такъ и съ частными лицами.

На основаніи означенной довѣренности, Золотницкій заключилъ съ поручикомъ и Одесскимъ 2-й гильдіи купцомъ Невядомскимъ четыре контракта на поставку конопляннаго масла, овса и дровъ.

Въ іюніѣ 1853 года Невядомскій обратился въ Одесскій коммерческій судъ съ просьбою о дозволеніи ему купить на счетъ Тютчева продукты, не доставленные въ сроки, назначенные въ контрактѣ.

Коммерческій судъ 14 іюля 1853 года заключилъ: предоставить Невядомскому купить на счетъ администратора Тютчева, при бытности повѣреннаго и поручителя по немъ Золотницкаго, недоставленное по контрактамъ количество масла, овса и дровъ, съ тѣмъ, чтобы о деньгахъ, какія имъ будутъ употреблены на покупку означенныхъ продуктовъ,—онъ, Невядомскій, въ случаѣ перасчетовъ, вошелъ съ искомъ, представивъ надлежащія доказательства, особо и независимо отъ сего дѣла.

По закупкѣ означенныхъ продуктовъ, Невядомскій объявляя, что онъ понесъ при семъ убытка на 30,137 руб. 40 коп., просилъ коммерческій судъ истребовать оныя отъ Золотницкаго, и, въ случаѣ отказа, снестись съ кѣмъ слѣдуетъ о взысканіи означенныхъ денегъ съ Батуринскаго имѣнія, состо-

ящаго въ администраціи Тютчева; до совершенной же уплаты денегъ обезпечить эту сумму на самомъ имѣніи и доходахъ съ онаго.

По предъявленіи всего вышензложеннаго Золотницкому онъ далъ подписку въ томъ, что представленный Невядомскимъ счетъ признаеть точнымъ, и какъ помянутыя закупки произведены при бытности его и съ его вѣдома, то онъ, Золотницкій, противъ Невядомскаго никакого спора не имѣеть.

Коммерческій судъ рѣшеніемъ 12 августа 1853 года заключилъ: взыскать съ администратора имѣнія князя Разумовскаго, Тютчева, въ пользу Невядомскаго 24,500 руб. 80 коп.; въ случаѣ же неплатежа, взысканіе сихъ денегъ произвести на законномъ основаніи съ доходовъ имѣнія князя Разумовскаго, переданнаго Тютчеву, какъ видно изъ данной имъ Золотницкому довѣренности, на правѣ помѣщичьемъ, по надлежащемъ въ этомъ удостовѣреніи; относительно же причитающихся отъ него за недоставленные по контракту отъ 15 сентября, остальные 1115 пудъ коноплянаго масла, съ куртажнымъ 1,636 руб. 60 коп. и задаточныхъ 4,000 руб., всего 5,636 руб. 60 коп. предоставить Невядомскому искать съ Тютчева, гдѣ слѣдуетъ, по мѣсту жительства его, не возражая впрочемъ ему, Невядомскому, по этому контракту начать искъ въ коммерческомъ судѣ съ Золотницкаго, какъ поручителя по Тютчевѣ.

На рѣшеніе сіе тяжущіеся въ узаконенный срокъ неудовольствія не объявили, и при исполненіи рѣшенія Конотопскій земскій судъ донесъ, что Тютчевъ отъ администраціи имѣнія князя Разумовскаго по Высочайшему повелѣнію удаленъ, и гдѣ находится, суду неизвѣстно; самое же имѣніе находится въ вѣдѣніи Конотопской дворянской опеки. И засишь настоящему дѣлу, въ слѣдствіе указа Сената, данъ былъ ходъ слѣдственнымъ порядкомъ.

Херсонская казенная палата, принявъ въ основаніе, что по ст. 96 и 97 уст. хоз. упр. казен. насел. имѣн. временному владѣльцу воспрещается продавать и обременять долгами состоящее въ содержаніи его казенное имѣніе или часть онаго, и что засимъ администраторъ Тютчевъ не имѣлъ права подвергать ответственности имѣніе князя Разумовскаго въ частныхъ сдѣлкахъ,—полагала предоставить Невядомскому взысканіе присужденной въ пользу его за неустойку по контрактамъ суммы отыскивать съ самаго Тютчева или съ его имущества.

Начальникъ Херсонской губерніи, представляя настоящее дѣло въ Сенатъ при рапортѣ отъ 30-го іюля 1856 года, изъясняетъ, что администраторъ Тютчевъ, или представлявшій его повѣренный, заключивъ условіе о поставкѣ изъ ввѣреннаго ему по Высочайшему повелѣнію на помѣщичьемъ правѣ и по личному къ нему довѣрію, имѣнія князя Разумовскаго разныхъ продуктовъ, нисколько не вышелъ изъ предѣловъ предоставленнаго ему права, а только исполнялъ свою обязанность, извлекая изъ имѣнія доходы, которыми, между прочимъ, обезпечивалось существованіе Орловскаго института благородныхъ дѣвицъ, и что продажа эта не составляла отчужденія имѣнія или части онаго, запрещаемого 96 и 97 стат. VIII т. уст. о хоз. упр. казен. насел. имѣн. Согласно сему, Херсонскій гражданскій губернаторъ находитъ справедливымъ, въ случаѣ неплатежа Тютчевымъ суммы, присужденной Невядомскому, удовлетворить его изъ доходовъ съ имѣнія князя Разумовскаго, по надлежащемъ удостовѣреніи, въ предѣлахъ предоставленной Тютчеву по этому имѣнію власти.

Министръ финансовъ, къ коему настоящее дѣло послалось на заключеніе, полагаетъ, что претензія Невядомскаго должна быть удовлетворена самимъ Тютчевымъ. А министръ государственныхъ имуществъ, принимая во вниманіе, что Батуриное князя Разумовскаго имѣніе по Высочайшей волѣ

обращено въ казну, и отдано въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, съ обязанностію уплаты одного лишь казеннаго долга, а не какихъ-либо еще частныхъ взысканій, признаетъ, что заслуженное удовлетвореніе претензіи Невядомскаго къ бывшему администратору Тютчеву не можетъ быть отнесено на означенное имущество.

Совокупноерасмотрѣніе вышесказанныхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла обнаруживаетъ, что въ ономъ возникаетъ слѣдующій, подлежащій нынѣ разрѣшенію Правительствующаго Сената вопросъ:

Можетъ ли быть обращено на имѣніе Батурицкое взысканіе, присужденное съ бывшаго администратора того имѣнія Тютчева?

Поводомъ къ присужденію означеннаго взысканія послужило неисполненіе Тютчевымъ условій, определенныхъ заключенными имъ чрезъ повѣреннаго своего Золотницкаго съ поручикомъ Невядомскимъ контрактами.

Послѣдствія такого неисполненія положительно определены въ самыхъ контрактахъ, въ конхъ именно постановлено, что если бы запроданное количество продуктовъ не было доставлено вѣрителемъ Золотницкаго къ определенному сроку, или же доставленные продукты будутъ не соответствовать условленному качеству, то предоставляется покупателю право таковыя закупать на счетъ продавца, хотя съ передачею въ дѣлѣ; каковую передачу денегъ, какъ и полученную имъ, Золотницкимъ, впередъ сумму, вѣритель его обязанъ заплатить Невядомскому безъ малѣйшаго отлагательства.

Кромѣ того Золотницкій при заключеніи контрактовъ отъ своего лица поручился въ исправномъ и вѣрномъ исполненіи вѣрителемъ его Тютчевымъ всѣхъ условій контрактовъ на срокъ.

Тютчевъ противу дѣйствій повѣреннаго своего, во время

производства настоящаго дѣла, не спорилъ. Золотницкій созналъ дѣйствительность сдѣланныхъ Невядомскимъ передачъ при закупкѣ продуктовъ на счетъ исправнаго поставщика Тютчева, а количество присужденнаго съ Тютчева Одесскимъ коммерческимъ судомъ взысканія осталось со стороны тяжущихся необжалованнымъ, и должно быть первоначально обращено на Тютчева, какъ то и поставлено рѣшеніемъ коммерческаго суда.

Вмѣстѣ съ сѣмъ судомъ опредѣлено: въ случаѣ неплатежа Тютчевымъ присужденнаго съ него взысканія, оно должно быть обращено на доходы съ имѣнія князя Разумовскаго, состоявшаго въ управленіи Тютчева.

По закону (ст. 70 т. X ч. 2 изд. 1857 г.) удовлетвореніе кредитора доставляется изъ движимаго и недвижимаго имущества должника.

Батуринское князя Разумовскаго имѣніе состояло временно по Высочайшему повѣленію въ управленіи Тютчева, но собственности его никогда не составляло, и потому самому, за силою означенной 70 ст., и не можетъ быть подвергнуто отвѣтственности за долги Тютчева.

Въ семь случаѣ коммерческой судъ обратилъ взысканіе на Батуринское имѣніе, принявъ на видъ, что Тютчевъ въ довѣренности своей, выданной Золотницкому, объяснялъ, что означенное имѣніе передаво было ему на правѣ помѣщичьемъ.

Между тѣмъ изъ отношенія бывшаго министра финансовъ къ Тютчеву, отъ 14 ноября 1850 года, видно что Батуринское имѣніе передано было ему въ администрацію подъ условіемъ опредѣленныхъ изъ доходовъ съ имѣнія ежегодныхъ платежей на погашеніе долга государственному казначейству и на содержаніе Орловскаго института, съ тѣмъ, что если онъ, Тютчевъ, или другой администраторъ, вмѣсто него избранный, въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ не исполнитъ означенныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи условій, то имѣніе будетъ обращено въ казенное вѣдомство на общемъ основаніи.

Во время управления Тютчева, имѣніе оставалось подъ наблюдениемъ министерства финансовъ, и Тютчевъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ былъ давать отчетъ Черниговской казенной палатѣ; и за симъ по докладу министра финансовъ 15 мая 1853 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ устраненіи Тютчева отъ управления Батуринымъ имѣніемъ. Такимъ образомъ Тютчевъ былъ не болѣе какъ временный администраторъ имѣнія; и ежели даже онъ и управлялъ онымъ на правѣ помѣщичьемъ, то все-таки не могъ обременять управляемое имѣніе долгами, и допустить противное, значило бы дозволить администратору имѣнія, дѣйствія, положительно воспрещенныя закономъ (ст. 67 и 68 т. VIII).

Договоръ, заключенный Невадомскимъ съ Золотницкимъ въ силу данной ему отъ Тютчева довѣренности, былъ договоромъ личнымъ, имѣя предметомъ своимъ дѣйствія Тютчева по предмету поставки продуктовъ.

Договоръ сей не былъ обезпеченъ имѣніемъ Батуринымъ, не былъ даже заключенъ по поводу того имѣнія, и касался лишь продуктовъ, произведенныхъ въ означенномъ имѣніи, завися отъ личныхъ дѣйствій Тютчева, какъ поставщика.

Въ самыхъ контрактахъ не было поставлено, чтобы отвѣтственность могла быть обращена на Батуриное имѣніе, и Невадомскій удовольствовался въ семь случаевъ поручительствомъ Золотницкаго въ исправномъ исполненіи Тютчевымъ всѣхъ контрактныхъ условій.

Изъ вышензложеннаго явствуетъ, что дѣйствія Невадомскаго, при заключеніи контрактовъ, основывались на личной довѣренности его къ Тютчеву и повѣренному его, Золотницкому, принявшему на себя обязанность поручителя, и что Одесскій коммерческій судъ, постановляя рѣшеніе 12 августа 1853 года, отступилъ отъ силы 1536 и 1838 ст. т. X ч. I. коими предписано, что договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму, и изъясляемы по словесному ихъ смы-

слу; пбо, устранивъ отъ всякой отвѣтственности поручителя Золотницкаго, судъ возложилъ оную на доходы съ Батуринаскаго имѣнія въ совершенную противность словесному смыслу контрактовъ.

По симъ основаниямъ управляющей министерствомъ юстиціи полагалъ: отмѣнить рѣшеніе Одесскаго коммерческаго суда относительно взысканія 24,500 руб. 80 коп. изъ доходовъ съ Батуринаскаго имѣнія, обращеннаго въ казну, съ обязанностью уплатить одни лишь казенные долги, и предоставить Невдомскому, въ случаѣ несостоятельности Тютчева, отыскивать, если онъ того пожелаетъ, причтенные ему убытки съ поручителя по Тютчеву, Золотницкаго.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

(Высоч. прик. отъ 27-го сентября № 16 и прик. по М-ву Юстиціи отъ 13-го и 25-го сентября и 7-го октября за №№ 29, 30 и 31).

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА.

Назначенъ: Младшій помощникъ секретаря 1-го отдѣленія 3-го департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь *Беренсъ*—чиновникомъ особыхъ порученій VIII класса при департаментѣ министерства.

Причисленъ къ департаменту: Бывшій предѣдатель С.-Петербургскаго коммерческаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ *Корфъ*.

Уволенъ отъ службы, по болѣзни: Состоящій при департаментѣ, надворный совѣтникъ *Пейкеръ*.

2) по 2-му ДЕПАРТАМЕНТУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Назначенъ: Старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ *Кузнецовъ*—секретаремъ.

3) по ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНИЯМЪ:

Назначенъ: Товарищъ предсѣдателя Курской палаты уголовного суда, коллежскій ассесоръ *Панафидинъ*—Гродненскимъ губернскимъ прокуроромъ.

Утверждены въ должностяхъ: Исправляющіе должности: Енисейскаго губернскаго прокурора, коллежскій совѣтникъ *Семеновъ*, и товарища предсѣдателя С.-Петербургской палаты уголовного суда, надворный совѣтникъ *Погорельскій*.

Утверждены по выборамъ: Предсѣдатель 2-го департамента С.-Петербургской палаты гражданского суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фришъ*—предсѣдателемъ С.-Петербургскаго коммерческаго суда, на шесть лѣтъ (31-го августа 1860 года).

Титулярный совѣтникъ *Соколовъ*—предсѣдателемъ Ярославской палаты уголовного суда (20 сентября 1860 года).

Уволены отъ должностей: Товарищъ предсѣдателя Харьковской палаты гражданского суда, коллежскій ассесоръ *Штрингеръ* и исправляющій должность Виленскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, губернский секретарь фонъ-*Базъ*, съ причисленіемъ къ департаменту министерства юстиціи: первый 10-го, а послѣдній 17-го сентября 1860 года.

Дозволено носить мундиръ въ отставку: Бывшему предсѣдателю Олопецкой палаты уголовного и гражданского суда, дѣйствительному статскому совѣтнику *Шкалину*, дозволяется носить въ отставку мундиръ, означенной должности присвоенный.

II. ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

О ТЕОРИИ

СУДЕБНО-УГОЛОВНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ

ВЪ СВЯЗИ СЪ СУДОУСТРОЙСТВОМЪ И СУДОПРОИЗВОДСТВОМЪ.

(Публичныя лекціи проф. Спасовича).

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

(Сентября 27 дня 1860 г.)

М. м. Г. г. Предметъ, о которомъ я буду имѣть честь бесѣдовать съ вами—теорія доказательствъ въ процессѣ уголовномъ. Приступаю къ нему съ сильнымъ безпокойствомъ и смущеніемъ, потому что вообще публичныя бесѣды о законовѣдѣніи у насъ дѣло небывалое, совсѣмъ новое, а избранный мною предметъ составляетъ притомъ одну изъ крайнихъ спеціальностей въ наукѣ законовѣдѣнія. Пачну съ того, что постараюсь объяснить, почему я считаю вопросъ о доказательствахъ достойнымъ вашего вниманія; потомъ опредѣлю въ краткихъ словахъ задачу, которую я себѣ поставилъ и намѣренъ выполнить.

Учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей 8 іюня текущаго года законодательство русское вступило въ области судопроиз-

водства на путь преобразований, которыя должны кончиться тѣмъ, что вся вторая часть XV т. свода законовъ выйдетъ изъ употребленія и замѣнена будетъ уставами, совершенно противоположными ей по духу и направленію. Новыя начала, составляющія сущность учрежденія судебныхъ слѣдователей: предоставленіе слѣдственной части судамъ, строгое отдѣленіе суда отъ администраціи,— не могутъ уместиться въ екатерининскомъ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года, въ екатерининской, по нынѣ существующей системѣ судоустройства. Съ поставленіемъ судовъ въ положеніе болѣе самостоятельное должна неминуемо обнаружиться и несостоятельность тяжелой, неудобной теоріи доказательствъ временъ Петра Великаго. Единоновременно придется похоронить множество сложныхъ формъ и обрядовъ русскаго уголовного процесса, которые только и обусловливались петровскою теоріею доказательствъ и екатерининскимъ судоустройствомъ. Такъ какъ мы стоимъ какъ разъ на рубежѣ двухъ эпохъ, между отходящими старыми порядками, которыхъ несостоятельность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и еще неустановившимся новымъ устройствомъ, то намъ всего удобнѣе сдѣлать расчетъ съ прошедшимъ, разобрать по частямъ и повѣрить всѣ пружины настоящаго механизма судебныхъ властей, дабы опредѣлить, какія изъ выработанныхъ исторически формъ должны уцѣлѣть, и какія должны измѣниться. Я убѣжденъ, что простой критическій разборъ свода законовъ въ настоящее время могъ бы быть несравненно полезнѣе ученыхъ разсужденій объ иностранныхъ законодательствахъ, объ устройствѣ судовъ, администраціи и вообще формахъ юридическаго быта Великобританіи, Франціи или Германіи. Критика научная закона положительнаго нисколько не противурѣчитъ уваженію къ этому закону въ жизни практической и прочности общественнаго порядка.

Если мы въ самомъ дѣлѣ желаемъ стать на твердую почву закона, и не зависѣть въ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ

отъ случая, отъ произвола, то мы должны стараться осмыслить законъ положительный; подложить подъ этотъ законъ логическія основанія, провести сквозь него разумныя начала. При томъ намъ не зачѣмъ и отстаивать непогрѣшимость и безошибочность нашего кодекса. Едва ли могли бы мы въ настоящее время разложить это законодательство на составныя его элементы, сказать точнымъ образомъ, что въ немъ родное, коренное, и что напосное, что въ немъ московское и что иностранное, что въ немъ неизмѣнное и существенное и что переходное и случайное. Оно своеобразно въ отрицательномъ только смыслѣ, по отсутствію въ немъ опредѣленности. Оно весьма далеко отъ совершенства и никакъ не можетъ считаться святынею народнаго духа, народныхъ преданій. Смиреніе начало мудрости, говоритъ пословица. Мы такъ расположены къ этому смиренію и далеки отъ самоувѣренности, что готовы и нынѣ заимствовать отъ иностранцевъ многія учрежденія и порядки. Между нами и эпохою Петра Великаго та только разница, что мы разборчивѣе, что мы не думаемъ, чтобы всякая заимствованная форма могла на нашей почвѣ утвердиться, что мы требуемъ заимствованія сознательнаго, а не безсознательнаго подражанія. И такъ, я буду заниматься преимущественно постановленіями свода законовъ съ ихъ догматической стороны. Къ исторіи и примѣрамъ изъ иностранныхъ законодательствъ я буду прибѣгать только мимоходомъ, для объясненія того, что существуетъ у насъ. Я остановился на нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ, въ которомъ законодательная дѣятельность правительства готовитъ нынѣ значительныя реформы. Теорію же доказательствъ я избралъ потому, что она составляетъ центральный узелъ всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса, начало движущее, образующее, статью процесса самую существенную, которая обуславливаетъ и устройство судовъ, и всѣ главныя формы судопроизводства. Оставляю пока, на нѣкоторое время, это положеніе, безъ подкрѣпленія его доказательствами. Оно будетъ доказано, надѣюсь,

всѣмъ тѣмъ, что я намѣренъ сказать въ моихъ лекціяхъ. Перехожу прямо къ дѣлу.

Когда мы познаемъ извѣстныя явленія, когда изъ созерцанія связи и отношеній между предметами мы приходимъ къ извѣстному убѣжденію, то мы называемъ тѣ данныя, которыя породили въ насъ это убѣжденіе, *доказательствами*. Всякое убѣжденіе держится на доказательствахъ и прочно до тѣхъ только поръ, пока его основанія—доказательства не пошатнулись. Коль скоро есть малѣйшее сомнѣніе на счетъ ихъ устойчивости и прочности, то они сами должны быть провѣрены и доказаны. Этотъ процессъ критической повѣрки оканчивается только тогда, когда, продолжая его, мы дойдемъ до такихъ простыхъ положеній, которыя сами по себѣ очевидны и не требуютъ никакихъ доказательствъ, которыя сами въ себѣ носятъ характеръ неопровержимой достовѣрности. Доказательства *судебныя* суть одинъ изъ видовъ доказательствъ вообще. Доказательствами *судебными* называемъ мы основанія *судейскаго* убѣжденія при рѣшеніи спорнаго вопроса, подлежащаго *судебному* разбирательству, убѣжденія, на которомъ основывается приговоръ суда. Судъ, какъ извѣстно, бываетъ гражданскій и уголовный. Доказательства *уголовными* называются основанія убѣжденія судьи о виновности или невинности подсудимаго, заподозрѣннаго въ извѣстномъ преступленіи, убѣжденія, которымъ обусловливается примѣненіе къ подсудимому *уголовнаго* закона. Лицо юридическое—судъ убѣждается точно такимъ же образомъ, какъ и отдѣльный физическій человѣкъ; онъ почерпаетъ свое познаніе изъ тѣхъ же источниковъ, онъ употребляетъ тѣ же приемы; онъ тѣми же путями стремится къ раскрытію истины, какъ и всякое другое лицо, какъ натуралистъ изъ опытовъ надъ веществомъ выводящій законы жизни, какъ философъ изъ глубины сознанія извлекающій отвлеченныя начала разума идеи. Онъ еще болѣе походитъ на историка, который пытается возстановить со всею точностію свершившееся событіе, давно минувшее и извѣстное только по слѣдамъ, которые оно

оставило въ мірѣ внѣшнемъ. Разница между дѣятельностію судьи и дѣятельностію всякаго пнаго изыскателя истины заключается не въ цѣли дѣйствія,—цѣль у нихъ одна: раскрытіе истины; и не въ образѣ дѣйствій,—образъ ихъ дѣйствій одинъ: они дѣйствуютъ по логическимъ, необходимымъ, неизмѣннымъ законамъ всякаго человѣческаго мышленія; разница только въ результатахъ судейскаго убѣжденія, въ вытекающихъ изъ него юридическихъ послѣдствіяхъ. Ошибсь естествоиспытатель,—другіе, на основаніи опытовъ, исправятъ его ошибку. Ошибсь историкъ и заклеими онъ для потомства ѣдкимъ упрекомъ или клеветою память великаго человѣка,—не велика бѣда. На такой приговоръ всегда допускается апелліція безъ опредѣленнаго срока къ потомству, къ непрерывной, такъ сказать, ассизѣ грядущихъ поколѣній; найдутся ревнители истины, которые освободятъ отъ историческаго осужденія несправедливо зачисленныхъ въ виновные. Но отъ приговора судейскаго непосредственно, прямо, зависятъ честь, свобода, имущество и даже жизнь подсудимаго; за ошибку, за опрометчивость невинный можетъ заплатить слезами, страданіями, кровью. Судья не имѣетъ возможности остановиться въ своей дѣятельности на полъ-дорогѣ, не можетъ сказать сторонамъ: дѣло не ясно, я не вполне убѣжденъ, откладываю мое рѣшеніе до будущаго времени. Стороны и общество гражданское требуютъ отъ него категорическаго отвѣта, требуютъ отъ него рѣшительнаго: да или нѣтъ; ему же трудноѣе, чѣмъ кому нибудь другому дать этотъ отвѣтъ, потому что истины онъ можетъ добиться лишь отъ участниковъ событія, а эти участники, волнуемые страстью, заинтересованные въ исходѣ дѣла, сознательно и безсознательно затемняютъ эту истину событія, дѣйствуютъ на убѣжденіе судьи, вовлекаютъ его въ заблужденіе.

Если судъ при разбирательствѣ дѣла дѣйствуетъ по тѣмъ же логическимъ законамъ, по которымъ дѣйствуетъ и всякій единичный человѣкъ, то вопросъ о судебныхъ доказательствахъ

собственно не юридическій. Онъ принадлежитъ къ области логики и антропологии, онъ корнями своими упирается на почву философіи; его слѣдуетъ прежде всего изучать въ единичномъ человѣкѣ. Опредѣливъ, какъ убѣждается въ истинѣ единичный человѣкъ, мы сличимъ его познавательную дѣятельность съ познавательною дѣятельностью суда, опредѣляемую законами положительными, и рѣшимъ, насколько послѣдняя изъ нихъ сообразна съ существомъ природы человѣка и здравымъ человѣческимъ смысломъ.

Источниковъ человѣческаго познанія только два: *опытъ* и *разумъ*, иными словами прямое наблюденіе познаваемого и умозаключеніе.

1). Разсмотримъ первый изъ этихъ источниковъ—опытъ, наблюденіе. Человѣкъ способенъ наблюдать и то, что происходитъ въ его душѣ, посредствомъ внутренняго самосознанія, и то, что происходитъ внѣ его въ мірѣ внѣшнемъ, посредствомъ чувствъ. Путемъ внутренняго самосознанія (*évidence interne*) мы можемъ слѣдить за каждымъ движеніемъ нашей мысли, за каждымъ волненіемъ нашего чувства, за каждымъ толчкомъ нашей воли съ полною раздѣльностью, отчетливостью и такою увѣренностью въ истинѣ познаваемого, которая исключаетъ возможность сомнѣваться въ дѣйствительности наблюдаемыхъ явленій. Однако, хотя при этой работѣ психическаго анализа наблюдатель и наблюдаемое совпадаютъ между собою, хотя между ними нѣтъ, такъ сказать, никакихъ промежутковъ, все таки и здѣсь случаются ошибки. Какъ часто заблуждаемся мы на счетъ мотива нашихъ дѣйствій; какъ часто мы воображаемъ, что мы только справедливы, а мы просто жестоки; какъ часто наше сознаніе долга сбивается на корысть, наша дружба на самолюбіе или тщеславіе; какъ часто оказывается, что наша любовь, чистая, безпредѣльная, проникавшая все существо наше и долженствовавшая по видимому наполнить всю нашу будущую жизнь, была просто мно-

венною прихотью, переходящимъ волненіемъ крови, отразившимся въ игрѣ воображенія.

Еще менѣе довѣрія впускаетъ второй видъ эмпирическаго познанія: *чувственный опытъ*, потому что наше пониманіе не проникаетъ въ существо познаваемыхъ предметовъ міра внѣшняго, а скользитъ только по ихъ поверхности. Наши чувства отражаютъ только внѣшнія формы этихъ предметовъ; эти впечатленія передаются мозгу, повѣряются и усваиваются познаніемъ. Какъ ни мгновененъ этотъ процессъ, а все таки онъ сложенъ; при немъ возможны ошибки, самообольщенія, галлюцинаціи, такъ что собственно наблюдатель можетъ быть вполне убѣжденъ только въ томъ, что онъ получилъ известное чувственное впечатленіе, но никогда не можетъ быть совершенно увѣренъ, вполне ли сообразно это впечатленіе съ дѣйствительностію или нѣтъ. Впрочемъ, такъ какъ чувственный обманъ случается рѣдко, такъ какъ свидѣтельство чувствъ оправдывается ежеминутно на дѣлѣ, то мы привыкли вѣрить ему безусловно, больше нежели какому бы то ни было иному источнику познанія, полагаться на него, дѣйствовать сообразно съ нимъ и называть добытое этимъ путемъ убѣжденіе *очевидностію* (*évidence*) по преимуществу.

Кромѣ этого дѣленія опыта на внутреннее самознаніе и чувственное ощущеніе есть еще и другое дѣленіе. Этотъ источникъ можетъ быть подраздѣленъ на а) *опытъ непосредственный* самаго изыскателя, и в) *опытъ посредственный* или *преданіе*, иными словами усвоеніе себѣ изыскателемъ убѣжденій другихъ лицъ, добытыхъ однимъ изъ двухъ предыдущихъ способовъ, то есть внутреннимъ самосозерцаніемъ или чувственнымъ наблюденіемъ. Объемъ явленій, наблюдаемыхъ каждымъ изъ насъ отдѣльно взятымъ, столь ограниченъ и малъ, что наши знанія были бы ничтожны, еслибы мы не вѣрили тому, что передаютъ намъ другіе, если бы мы не черпали полными руками въ этомъ богатомъ источникѣ преданія. Вся исторія ничто иное, какъ преданіе. Преданію порою мы го-

товы давать предпочтеніе передъ выводами нашего разума и передъ свидѣтельствомъ нашихъ чувствъ. Преданіе еще въ бѣльшей степени нуждается въ критикѣ, нежели чувственный непосредственный опытъ, потому что истина, передаваемая преданіемъ, искажается часто, проходя сквозь призму чужаго убѣжденія и окрашивается свойственнымъ этой призмѣ цвѣтомъ. Передающій свои личныя впечатленія очевидецъ можетъ или самъ ошибиться и совершить это наблюдение неточно, или умышленно его измѣнить, выдумать, изукрасить. Шансы ошибки удваиваются, когда истина пройдетъ сквозь двѣ такія среды, учетверяются, когда черезъ четыре, и такъ далѣе; наконецъ изъ двадцатыхъ устъ слышится безобразный мифъ, уродливое сказаніе, въ которомъ бесконечно малая доля правды исчезаетъ почти совершенно въ растворѣ обмана, выдумокъ и лжи.

2) Второй источникъ познанія—*разумъ*. Огромное большинство нашихъ познаній происходитъ изъ этого источника. Умъ нашъ дѣйствуетъ въ двоякомъ направленіи: а) путемъ анализа, логическаго *вывода* (*deductio*), переходя отъ общаго къ частному, умъ нашъ изъ достоверно извѣстнаго положенія извлекаетъ всѣ необходимыя, содержащіяся въ немъ послѣдствія, изъ извѣстной причины опредѣляетъ всѣ неизвѣстныя еще ея результаты; в) путемъ синтеза, *наведенія* (*inductio*), обобщенія, умъ нашъ переходитъ отъ извѣстной частности къ неизвѣстному еще общему закону, отъ извѣстныхъ послѣдствій къ неизвѣстной еще вѣроятной ихъ причинѣ, угадываетъ фактъ, который нѣтъ возможности повѣрить опытомъ непосредственнымъ по связи его съ другими фактами достоверными, которые только посредствомъ этого предположенія могутъ быть объяснены. Методъ *аналитическій* торжествуетъ въ математикѣ, въ наукахъ отвлеченныхъ, въ законодѣвствіи, гдѣ нужно иногда по всему организму даннаго законодательства провести извѣстное разумное начало и приложить его ко всѣмъ случайностямъ жизни практической.

Наведеніе преобладаетъ въ наукахъ естественныхъ, въ исторіи. Ему мы одолжены самыми блистательными открытіями. Посредствомъ него Ньютонъ по паденію яблока открылъ законъ тяготѣнія міровъ, Кювье создалъ палеонтологію, Нибуръ возстановилъ по отрывочнымъ обломкамъ бытъ древняго Рима. Всѣ науки общественныя и политическія основаны на наведеніи, построены на гипотезѣ, превратившейся въ непреложное убѣжденіе о томъ, что общество своего рода организмъ. Вся философія исторіи держится на предположеніи безконечной усовершенствованности рода человѣческаго, которое все таки гипотеза, догадка, потому что изъ наблюденій, дѣлаемыхъ надъ прошедшимъ, относительно постепеннаго совершенствованія рода человѣческаго, еще никакъ нельзя съ математическою очевидностью доказать неминувость прогресса въ будущемъ.

Всѣ исчисленные мною источники или пути познанія врождены уму, суть различные виды одной и той же познавательной способности. Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ предъ другими преимуществъ. У каждаго человѣка и у каждаго народа они въ различной степени развиты. Иной одаренъ способностью необыкновенно тонкаго анализа внутреннихъ явленій души; другой отличается удивительнымъ совершенствомъ чувственныхъ органовъ и воспріимчивостью чувственныхъ впечатленій; иной замѣчателенъ крѣпкою приверженностью къ преданію; наконецъ у иныхъ сила соображенія столь могущественна, что доходитъ до ясновидѣнія, что по ничтожному признаку, никѣмъ не подмѣченному, они способны угадать, возстановить цѣлое, недоступное опыту явленіе. Такъ какъ уголовное судопроизводство занимается не явленіями внутри души слѣдователя, но событіями, совершившимися въ мірѣ ви́шнемъ, то очевидно, что оно не употребляетъ способа *внутренняго самосозерцанія*. Равнымъ образомъ не употребителенъ въ немъ логическій *анализъ*, выводъ частныхъ, заключающихся въ извѣстномъ общемъ положеніи. Вся дѣятельность судьи

главнымъ образомъ направлена къ тому, чтобы изъ частныхъ слѣдовъ, изъ послѣдствій возстановить вѣроятную ихъ причину. За устраненіемъ этихъ двухъ способовъ познанія, для уголовного судопроизводства остаются три остальные, а именно: 1, *чувственный опытъ*; 2, *преданіе*, или воспріятіе чужихъ убѣжденій и 3, *наведеніе*, или умственное прониканіе въ изслѣдуемый предметъ чрезъ указующія на него обстоятельства. Подъ эти три статьи подходят всевозможныя уголовныя доказательства. Эти доказательства могутъ быть уставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первый способъ познанія, — *чувственный опытъ*, совмѣщаетъ въ себѣ: I, *личный осмотръ* судьей слѣдовъ преступленія и II, дополненіе этого осмотра: *сужденіе экспертовъ*, разборъ и рѣшеніе знатоками такихъ вопросовъ, которые требуютъ особыхъ техническихъ познаній.

Ко второму способу познанія, — *преданію*, принадлежатъ: III, *собственное признаніе* обвиняемаго; IV, *показанія свидѣтелей*, подраздѣляющіяся на весьма разнообразныя виды. Къ числу такихъ видовъ принадлежатъ: *оговоръ*, то есть обвиненіе лицомъ, уличеннымъ въ преступленіи, другихъ его соучастниковъ въ томъ же преступленіи; *повальный обыскъ* или свидѣтельство окольныхъ жителей, сосѣдей; *показаніе истца* и т. д.; V, *письменные документы*. Письменный документъ содержитъ большею частію или собственное сознаніе обвиняемаго, или свидѣтельское показаніе матеріализированное, отверженное, облеченное въ форму, которая способна передавать на будущія времена безъ искаженія результаты убѣжденія писавшихъ; VI, *очистительная присяга подсудимаго*.

Наконецъ третій способъ познанія, — *наведеніе*, умственное прониканіе въ предметъ посредствомъ указующихъ обстоятельствъ, заключаетъ въ себѣ: VII, многообразный и многочислѣннѣйшій классъ всевозможныхъ *уликъ*.

Я рассмотрѣлъ виды судебныхъ доказательствъ. Каждое изъ нихъ вліяетъ на наше сознаніе, но вліяетъ различно, имѣетъ различную убѣждающую силу. Иныя доказательства сообщаютъ нашему сознанію движеніе только колебательное, рождаютъ только сомнѣніе, предположеніе, догадку о существованіи извѣстнаго факта, но не исключаютъ возможности доказанія противнаго. Такое состояніе колебанія нашего сознанія, въ которомъ оно, склоняясь въ пользу одного предположенія, готово и отрицать его, называется *подозрѣніемъ*, а само предположеніе, обставленное породившими его данными, *вѣроятностью*. Вѣроятность эта допускаетъ безчисленное множество степеней, оттѣнковъ. Другія доказательства производятъ полную, рѣшительную увѣренность въ дѣйствительности извѣстнаго факта. Это состояніе полной, сознательной увѣренности есть *убѣжденіе*, а убѣждающее свойство свидѣтельствующихъ о немъ данныхъ есть *достоувѣрность* факта. Вся задача судопроизводства и состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть этого результата, чтобы дойти до положительнаго или отрицательнаго убѣжденія въ виновности подсудимаго. Изъ несовершенствъ нашего наблюдательнаго снаряда, изъ недостаточности нашихъ органовъ познавательныхъ слѣдуетъ, что эта достовѣрность, которой человѣкъ добивается изъ всѣхъ своихъ силъ, не можетъ быть безусловная, а только относительная. Намъ обольщаютъ не разъ наши чувства; умъ нашъ близорукій, ограниченный и помышлять о томъ не можетъ, чтобы объять всю истину, совмѣстить въ себѣ необъятное, безпредѣльное. Въ наукѣ мы обращаемъ большую часть времени на расчистку почвы отъ развалинъ опрокинутыхъ теорій. Наша достовѣрность только гадательная. Наше искусство состоитъ только въ томъ, чтобы изъ многихъ золь выбрать меньшее, изъ многихъ ошибочныхъ путей, ведущихъ къ открытію истины, избрать относительно вѣрнѣйшій, относительно меньше уклоняющійся отъ истины, представляющій меньше шансовъ

заблужденіямъ. Каждый вѣкъ, каждый народъ въ различные періоды своего возраста пытаются рѣшить по своему эту многотрудную задачу, давая, по мѣрѣ своихъ силъ, по мѣрѣ своего разумѣнія, иной строй системъ доказательствъ, выдвигая пѣкоторые изъ нихъ на первый планъ, оставляя другія въ тѣни. Система судебныхъ доказательствъ данной эпохи есть вѣрнѣйшій масштабъ умственного развитія народа въ данный моментъ, признакъ его младенчества и немощи или его возмужалости и зрѣлости въ дѣлѣ изслѣдованія важнѣйшаго вида правды, правды юридической. Исторія судебныхъ доказательствъ есть исторія народнаго ума. Обратимся же теперь къ этой исторіи и поищемъ въ ней ключа для уразумѣнія настоящаго, для объясненія нынѣ существующей въ нашемъ законодательствѣ системы уголовныхъ доказательствъ.

Намъ тѣмъ легче сдѣлать этотъ историческій очеркъ, что въ небогатой русской юридической литературѣ многія спеціальныя монографіи посвящены вопросу о доказательствахъ. Я преимущественно буду ссылаться на послѣдній изъ ученыхъ трудовъ, на превосходное сочиненіе Г. Дмитриева: «исторія судебныхъ инстанцій».

Общая черта всякаго первобытнаго общества заключается въ неспособности отвлекать, умозаключать, мыслить, путемъ критическаго мышленія доходить до убѣжденія въ достовѣрности какой-либо истины: отличительный кромѣ того признакъ древнеславянскаго родоваго быта есть совершенная неопредѣленность юридическихъ отношеній и слабость общественной связи. Мелкимъ общиннымъ союзамъ, образовавшимся изъ разросшихся и развѣтвившихся родовъ не доставало внутренняго цемента. Они распадаются отъ внутреннихъ распрей и усобицъ; они держались только добровольнымъ подчиненіемъ общинѣ отдельныхъ членовъ, но каждая личность пользовалась полною свободою выйти изъ подчиненія общинѣ, уособиться. При такомъ состояніи общества естественнымъ способомъ рѣшенія

споровъ являлась частная война, самоуправство; когда же стороны прибѣгали къ суду общины, то этотъ судъ имѣлъ значеніе только третейскаго разбирательства, простаго посредничества въ судебной борьбѣ между двумя сторонами. Община относится къ сторонамъ пассивно. Она не управляетъ ходомъ процесса, не вмѣшивается въ судоговореніе. Обычай не опредѣлялъ, которая сторона должна вести доказательство, не отдавалъ ни одной изъ сторонъ преимущества въ этомъ отношеніи, да и представленіе каждою изъ сторонъ ея доказательствъ обуславливалось принятіемъ ихъ, согласіемъ на нихъ, неотклоненіемъ ихъ противною стороною. Отсюда совершенная условность доказательствъ въ древнерусскомъ процессѣ. Ни одно изъ нихъ не обладало полною убѣждающею силою. Наконецъ даже и по допущеніи стороною извѣстнаго доказательства, когда оно оказывалось для этой стороны неблагопріятнымъ, эта сторона могла, какъ увидимъ вскорѣ, отвергнуть его, прибѣгая къ другому суду, къ суду Божію, поединку, присягѣ, жребію. Этотъ посредническій, третейскій характеръ суда сохранился и послѣ пришествія варяговъ, въ теченіи всего удѣльнаго періода. Княжескій намѣстникъ, волостель, посельскій, тиунъ заботятся только о судебныхъ продажахъ, пошлинахъ, доходахъ съ суда. По выраженію древнихъ грамотъ, каждый изъ нихъ *идеть* за истцемъ или отвѣтчикомъ, «своего *прибытка смотритъ*». Онъ не вліяетъ на самый ходъ процесса; судебнымъ разбирательствомъ занимаются по старому обычаю *судные мужи, лучшіе люди*, преобразившіеся въ XVI вѣкѣ въ цѣловальниковъ, въ которыхъ нельзя не видѣть остатка древняго общиннаго вѣчеваго суда.

Какимъ же образомъ, посредствомъ какихъ пріемовъ преступникъ изобличаемъ былъ въ винѣ? (само собою разумѣется, что въ то время не было еще особаго уголовного судопроизводства и дѣла о преступленіяхъ рѣшались точно также, какъ, и всякіе споры гражданскіе).

Когда дѣло касалось событія, которое было общеизвѣстно

которое случилось передъ глазами самаго суда, всего міра, то вѣроятно никакихъ доказательствъ и не требовалось. Тутъ была очевидность, исключавшая возможность всякаго опроверженія. Точно такое же убѣжденіе производили, кажется, нѣкоторыя вещественныя доказательства преступленія, напримѣръ раны, знаменія (статья Русской правды о *мужь кровавь*). Найденное у кого-нибудь поличное рождало такое подозрѣніе въ татьбѣ въ отношеніи къ лицу, у котораго это поличное было опознано, что онъ не иначе могъ очистить себя, какъ *сводомъ*, то есть указаніемъ на того, отъ кого онъ ее получилъ. Изъ дѣлъ уголовныхъ весьма немногія совершаются публично; въ весьма немногихъ вещественныя слѣды уже прямо указываютъ на виновника, такъ что въ ббльшей части случаевъ достовѣрность вины и рѣшеніе дѣла обусловливались собственнымъ признаніемъ обвиняемаго. Признаніе было тоже, что согласіе отвѣтчика удовлетворить иску, суррогатомъ судебного рѣшенія, самоосужденіемъ обвиняемаго, превращающимъ спорное дѣло въ безспорное. Оно могло быть явное или подразумѣваемое, послѣднее—въ случаѣ отказа отвѣтчика отъ крестнаго цѣлованія, или неявки его въ судъ. Но предположимъ, что это добровольное признаніе не послѣдовало, что, замѣтимъ, должно было случаться несравненно чаще признанія. Тогда надобно было прибѣгнуть къ другимъ лицамъ, знающимъ предметъ спора, къ *послухамъ*,—свидѣтелямъ. Каждая сторона ставила своихъ свидѣтелей. Здѣсь именно и обнаруживается огромная разница между тогдашнимъ обществомъ и нынѣшнимъ. Нынѣ государство само вызываетъ къ отвѣту свидѣтелей, оно требуетъ отъ нихъ отвѣта какъ повинности; оно полагается на этотъ отвѣтъ; оно вѣритъ добросовѣстности и правдивости свидѣтелей, коль скоро нѣтъ особыхъ причинъ предполагать, что они могутъ покривить душою. Но въ то время преслѣдованіе преступника было дѣло совершенно частное и судъ къ личности свидѣтелей не пыталъ никакого довѣрія. Являясь по ссылкѣ сторонъ, они считались участниками дѣла, людьми принадлежащими къ од-

ной изъ двухъ борющихся партій, состоящими съ одною изъ сторонъ въ стачкѣ, въ заговорѣ. Сила ихъ показаній зависѣла отъ сторонъ, противу которыхъ они были представляемы. При ссылкѣ одной стороны на извѣстныя доказательства, напримѣръ на послуховъ, судья обыкновенно спрашивалъ другую сторону, шлется ли она на этихъ же послуховъ, т. е. допускаетъ ли ихъ къ свидѣтельству. Наконецъ, и по допущеніи послуховъ къ свидѣтельству, отъ сторонъ зависѣло согласиться съ ихъ показаніями или опровергнуть эти показанія. Это согласіе могло быть дано до вызова свидѣтеля, то есть ссылаясь на свидѣтеля, сторона могла прямо поставить исходъ дѣла въ зависимость отъ показанія этого свидѣтеля, обѣщать, что она подчинится тому, что окажется изъ словъ свидѣтеля. Это называлось *ссылкою съ виноватаго*. Если обѣ стороны ссылались на одного и того же свидѣтеля, то это называлось *общою ссылкойю*. Въ обоихъ этихъ случаяхъ показанія свидѣтелей приобретаютъ безусловную силу, но только потому, что стороны напередъ отказались оспаривать ихъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сторона, даже и допустивъ послуха къ свидѣтельству, могла уничтожить силу его показанія, прибѣгая къ средству послѣднему, крайнему, которое собственно судебнымъ доказательствомъ названо быть не можетъ, а есть ничто иное, какъ особенная форма суда:—къ суду Божию, поединку, полю. Большая часть исковъ приходила къ этому исходу; большая часть спорщиковъ досуждалась до поля.

Вездѣ, у всѣхъ народовъ, ордадь или судъ Божій есть признакъ ребяческой немощи умственной. Не надѣясь дойти до истины путемъ естественнымъ мышленія, человекъ ищетъ ея внѣ себя, въ мірѣ виѣшнемъ, посредствомъ гаданія, заклинаній, вопрошанія демоническихъ силъ природы, тѣхъ безчисленныхъ духовъ, которыми полны земля, и воздухъ, и всѣ стихіи. Чистые суды Божіи,—испытанія водою и желѣзомъ, исчезаютъ рано въ Россіи; народный обычай выбралъ изъ судовъ Божіихъ ту именно ордадь, которая всего болѣе соотвѣтствовала неугомон-

ной удали, склонности къ расправѣ кулакомъ, къ самоуправству—поле. Судебный поединокъ былъ ничто иное, какъ старинный, доисторическій бой кулачный, возведенный въ значеніе Божія приговора. Религіозную его сторону составляло *крестное цѣлованіе*, которое совершали предъ поединкомъ оба польщика. Къ поединку прибѣгали обѣ стороны. Истець могъ, минуя всѣ другія доказательства, требовать поля, — тоже и отвѣтчикъ. Отвѣтчики говорятъ въ одной правой грамотѣ 1510 года: «вѣдомо то, господине, людемъ добрымъ, волостнымъ, а на нихъ ся не шлемъ, а дайте намъ Божию правду, цѣловавъ крестъ животворящій, да лѣземъ на поле биться». — Но всего чаще бой происходилъ между одною стороною и послухами другой стороны или между послухами одной и другой стороны. Законодательство старалось только уравнивать шансы боя, дозволяя слабымъ, немощнымъ, женщинамъ, попамъ ставить вмѣсто себя наймитовъ. — Поединокъ держался необыкновенно долго въ законодательствѣ. Онъ исчезаетъ послѣ Іоанна Грознаго, въ самомъ концѣ XVI вѣка; онъ былъ искорененъ совокупнымъ дѣйствіемъ законодательной власти свѣтской и церкви, которая не могла терпѣть его равнодушно, потому что ей вообще противны были убійство, насиліе, свирѣпый бой дубинами и ослопами, что изъ двухъ присягающихъ польщиковъ очевидно одинъ былъ неправъ и слѣдовательно совершалъ клятвенное преступленіе, и то часто не тотъ, который оставался побитымъ; наконецъ потому, что польщики прибѣгали часто къ волшебству, чарованіямъ. Поединокъ выведенъ былъ наконецъ изъ употребленія, а на мѣсто его поставлена просто присяга (крестное цѣлованіе, вѣра), таже ордадь, но только въ смягченномъ видѣ, основанная на убѣжденіи, что Богъ, котораго имя призывалъ клянущійся, покоряетъ лжеприсяжника. Вопросъ о томъ, которая изъ сторонъ ближе къ присягѣ, т. е. должна быть допущена къ присягѣ преимущественно передъ другою, рѣшаемъ былъ посредствомъ того же случая, въ которомъ народъ видѣлъ руку Божию — метаніемъ *жребія*. Такова была постепенность до-

казательствъ въ древней формѣ процесса, которая до послѣднихъ временъ московскаго періода русской исторіи носила техническое названіе *суда*.

Между тѣмъ складывался постепенно новый порядокъ вещей, порядокъ государственный, котораго средоточіемъ являются цари московскіе. Этотъ порядокъ былъ прямымъ контрастомъ, обратною стороною первобытной славянской разсыпчатости, необщительности. Онъ былъ отрицаніемъ всякаго личнаго произвола, взятіемъ всѣхъ личностей въ тиски крѣпкаго государственнаго строя, безусловнымъ подчиненіемъ ихъ государственной власти. Между кровною мстью и окупами съ одной стороны, и Соборнымъ Уложеніемъ, которое считаетъ преслѣдованіе преступленій дѣломъ царскимъ и земскимъ,—или Кошкинымъ, который говоритъ: «а не будетъ въ смертномъ дѣлѣ челобитчика, а такимъ дѣламъ бываетъ истецъ самъ Царь»—цѣлая пропасть; это двѣ крайнія точки пройденнаго обществомъ пути. Этотъ переворотъ отразился въ области судопроизводства въ томъ, что для дѣлъ собственно уголовныхъ или такъ называемыхъ *губныхъ*, въ которыхъ государство считало себя непосредственно заинтересованнымъ, возникла система судопроизводства чисто инквизиціонная, которая въ противоположности съ прежнимъ чисто обвинительнымъ судомъ носитъ названіе *розыска, сыска*. Въ *судѣ*—судья былъ пассивнымъ посредникомъ между сторонами: предъ нимъ боролись двѣ стороны до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не уступала, или пока они не досудились до поля или до крестнаго цѣлованія. Въ *сыскѣ* судья—непосредственный органъ центральной власти, самъ собственнымъ своимъ начинаніемъ добивается раскрытія истины матеріальной; онъ долженъ *сыскать допряма*, онъ подвергаетъ обвиняемаго распросу, онъ сводитъ обвиняемаго на очныя ставки съ обвинителемъ, заставляетъ ихъ уличать другъ друга. Судъ обращалъ вниманіе только на объективную сторону преступленія, на матеріальное правонаруше-

піе. Въ розыскѣ государство, поставивъ себѣ въ обязанность водвореніе безопасности, порядка, правосудія, предупрежденіе преступленій въ самомъ ихъ зародышѣ—злой волѣ, озадачено преимущественно субъективною стороною преступления, отысканіемъ и истребленіемъ воровъ, разбойниковъ, всякихъ вѣдомыхъ *лихихъ* людей, то есть злонамѣренныхъ, наклонныхъ къ злодѣяніямъ, занимающихся преступленіями въ видѣ ремесла. Но какъ отыскать лихихъ людей? какъ ихъ обнаружить? Верховная власть для достиженія этой цѣли прибѣгла къ двумъ средствамъ: къ *повальному обыску* и къ *пыткѣ*.

Повальный обыскъ есть свидѣтельство цѣлой общины, міра. Его мы встрѣчаемъ въ средневѣковой Германіи. Оно является и въ Англіи подъ названіемъ *jurata*. Изъ него въ этой странѣ и выросло знаменитое учрежденіе присяжныхъ. Между большою или обвинительною *джюри* и нашимъ повальнымъ обыскомъ есть поразительныя черты сходства, которыя заслуживали бы самаго тщательнаго изученія и разбора. Община существовала искони, но повальный обыскъ появляется поздно, а именно въ моментъ, когда эта община превращается въ административную, когда она пропитывается государственнымъ элементомъ, когда центральная власть пытается обратитъ ее въ органъ дѣйствія. Известно, что общины приобрѣтаютъ такое значеніе съ Иоанна IV Грознаго, съ учрежденія этимъ государемъ земскаго и губнаго управленія посредствомъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ началѣ XVII столѣтія община опять мертвѣетъ, теряетъ большую часть предметовъ своего вѣдомства потому, что между нею и центральною властью образовался новый посредствующій составъ въ организмѣ государственномъ—воеводское управленіе, которое притянуло къ себѣ, такъ сказать, всѣ жизненные соки. Повальный обыскъ раздѣляетъ судьбу общины. Онъ появляется вмѣстѣ съ административною общиною: онъ и перестаетъ пользоваться прежнимъ довѣріемъ съ замѣною администраціи общинной воеводскимъ управленіемъ. Повальный обыскъ есть повинность, кото-

рую государство, въ видахъ благоустройства, возложило на общины: выдавать государству на казнь всѣхъ вѣдомыхъ лихихъ людей, злодѣевъ. Повальный обыскъ существенно отличается и отъ стариннаго послушества и отъ нынѣшняго уголовного свидѣтельства подъ присягою; онъ былъ переходною ступеню отъ одного къ другому.

Принятіе свидѣтельскаго показанія въ полное доказательство, даже и при заперательствѣ обвиняемаго, обусловливается возможностью повѣрить критически это свидѣтельское показаніе и отличить достовѣрное показаніе отъ недостовѣрнаго, иными словами устранить отъ свидѣльствованія всѣ тѣ лица, которыя имѣютъ какой-нибудь, хотя отдаленный интересъ въ исходѣ дѣла, слѣдовательно въ искаженіи истины, и положитьсь только на тѣхъ, которыя по всему вѣроятію расположены сказать правду. Подобная повѣрка предполагаетъ такую степень умственнаго развитія, которой еще не достигли въ то время ни судьи, ни законодатель. Отвлекать, мыслить, умозаключать они еще не умѣли. Они только вѣрили очевидности или собственному признанію обвиняемаго. Но община, гдѣ жилъ подсудимый, его сосѣди, люди одного съ нимъ сословія могли однакоже знать объ его характерѣ, объ образѣ его дѣйствій, о родѣ его занятій, о его поступкахъ, получившихъ огласку, хорошихъ или худыхъ, хотя бы никто изъ нихъ не былъ лично очевидцемъ этихъ поступковъ. Государство только и добивалось отъ нихъ удостовѣренія, добрый-ли человекъ обвиняемый или лихой. Противу возможныхъ ошибокъ оно старалось заручиться многочисленностью привлекаемыхъ къ обыску людей и страшными наказаніями, постигавшими ихъ за утайку истины. Обыскъ шелъ на всѣ четыре стороны версты по двѣ и по три и по шести и больше; допрашивалось сряду, а не по выбору, человекъ двадцать, пятьдесятъ, сто; запрещалось принимать показанія отъ семей и заговоровъ, а за солганіе или утайку вѣдомыхъ лихихъ людей пятый или шестой изъ обыскныхъ подвергался сѣченію кнутомъ.

Впрочемъ какъ бы тщательно ни былъ производимъ обыскъ и какъ бы правдивы ни были показанія обыскныхъ, этому обыску чего-то не доставало. Обыскъ былъ голосъ народной молвы, молва же по своему существу неопредѣленна; она можетъ только указать на неблагонамѣренность человѣка, она можетъ установить только общее подозрѣнiе, простую вѣроятность вины. Какъ бы ни было общество грубо и неразвито, все таки чувство врожденной справедливости будетъ въ немъ вооружаться противу казни по одному лишь подозрѣнiю; совѣсть будетъ протестовать противу осужденiя по одной лишь догадкѣ. Надлежало дополнить этотъ пробѣлъ въ достовѣрности вины. До полной достовѣрности не доставало собственного признанiя обвиняемаго; надлежало добыть это признанiе во что бы то ни стало. Тогдашнее законодательство, не разборчивое въ средствахъ и не умѣвшее никакъ доискаться истины, минуя собственное признанiе, для полученiя этого признанiя употребило тѣлесныя истязанiя—пытку. Облихованнаго поднимали на високъ, сѣкли кнутомъ, жарили угольями, рвали клещами, до тѣхъ поръ, пока онъ не сознавался въ винѣ.

Весь этотъ розыскной процессъ былъ весьма незатѣйливъ и простъ. Слѣдствiе начиналось поимкою кого-нибудь въ разбоѣ или съ поличнымъ, оговоромъ или повальнымъ обыскомъ. Привели кого-нибудь съ поличнымъ,—тотчасъ судья дѣлалъ о немъ повальный обыскъ, а назвали его при обыскѣ лхнмъ человѣкомъ,—тотчасъ судья подвергалъ его пыткѣ; повинился онъ съ пытки,—его и казнили; не повинился,—его ввергали въ тюрьму до смерти. Если онъ съ пытки оговаривалъ другихъ въ соучастiи (такой оговоръ назывался *язычною молвою*), то оговореннаго ставили съ очей на очи съ языкомъ и о поведенiи его дѣлали повальный обыскъ. Если на обыскѣ онъ былъ облихованъ, то и его пытали. Наконецъ слѣдствiе могло быть начато прямо съ обыска, производимаго правительственнымъ начинанiемъ съ полицейскою цѣлью. Отъ времени до времени губный староста или воевода, созвавъ уѣздныхъ

жителей, допрашивалъ, кто у нихъ лихіе люди, и если они указывали на кого-нибудь, даже не обвиняя его въ извѣстномъ преступленіи, его брали тотчасъ и подвергали пыткѣ. Вскорѣ этотъ порядокъ подвергся еще большему упрощенію. Вскорѣ оказалось, что не смотря на всѣ угрозы закона, повальный обыскъ испортился, опошлѣлъ, пересталъ пользоваться довѣріемъ. Повинность эта исполнялась недобросовѣстно, стороны задабривали обыскныхъ угощеніями и подарками; государству не доставало средствъ карать обыскныхъ за недобросовѣстность, которая сдѣлалась обыденною. Дошло до того, что Посошковъ писалъ: «А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божіей правды ни слѣда нѣтъ; всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно, а и попы и дяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался; на словахъ, не слыша, къ обыскамъ руки прикладываютъ». — Тогда законодательство отодвинуло обыскъ на второй планъ. Вмѣсто того, чтобы начинать обыскомъ и кончать пыткою, судья и начиналъ и кончалъ пыткою. Достаточно сравнить Судебники съ Уложеніемъ Соборнымъ, чтобы убѣдиться, какіе успѣхи сдѣлала пытка. При веденнаго съ поличнымъ, оподозрѣннаго язычною молкою прямо уже пытаются, не дѣлая повального обыска. Несознаннымъ шагомъ съ пытки не держатъ уже въ тюрьмѣ до смерти, только до царскаго указа. Истцы и отвѣтчики, даже въ дѣлахъ гражданскихъ, шлются, по живописному выраженію тогдашнихъ челобитенъ, прямо «на кожу» противниковъ, просятъ, чтобы от велѣно было противную сторону «кровью пытать». Начавшись съ дѣлъ губныхъ (разбоя, душегубства, татьбы съ поличнымъ), розыскъ распространенъ былъ въ послѣдствіи на всѣ тѣ дѣла спорныя, въ которыхъ государство имѣло какой-нибудь интересъ; если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые розыскныя средства: распросъ, очныя ставки, обыскъ и даже пытка употребляемы были въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ, холопскихъ, въ дѣлахъ объ обманѣ, подлогѣ, насиліи, по жалобамъ на судей въ лихоимствѣ. Такъ какъ всѣ отношенія, да-

же частныя, имѣютъ связь съ государствомъ, то по мѣрѣ того, какъ они пронитывались государственнымъ характеромъ, розыскъ сталъ примѣняться къ нимъ и подкопалъ такимъ образомъ въ самомъ основаніи старинную обвинительную форму *суда*.

Перехожу ко временамъ Петра Великаго. Когда Петръ Великій появился, старинный судъ былъ уже настоящимъ анахронизмомъ. Его главное доказательство—присяга,—веловъ большей части случаевъ къ клятвопреступленію; его тяжелыя формальности и обряды были приносомъ для нескончаемыхъ ябедъ. Съ другой стороны розыскъ, предающій челоуѣка въ жертву государственнымъ цѣлямъ, былъ грубымъ, полицейскимъ произволомъ. Нигдѣ, ни въ судѣ, ни въ розыскѣ нельзя было найти правды. Общество томилось, страдало, но не могло доискаться корня зла. Водворить правду въ судѣ—такова была великая задача, которую пытался разрѣшить Петръ Великій, какъ ее пытается рѣшить и настоящій вѣкъ. Онъ и рѣшилъ ее какъ могъ, пересадивъ на русскую почву цѣлую систему законныхъ искусственныхъ доказательствъ, которая должна была ограничить произволъ судей и сдѣлать судопроизводство справедливымъ. Въ западной Европѣ онъ нашелъ процессъ инквизиціонный,—одинъ изъ тѣхъ боевыхъ снарядовъ, посредствомъ которыхъ западный монархизмъ поборолъ феодальную анархію. На выработаніе этого процесса слагались цѣлыя вѣка неутомимой работы. Тутъ есть и доля римскаго права временъ дряхлѣющей имперіи, и весьма многое изъ права каноническаго, и масса случайныхъ, средневѣковыхъ наростовъ. Весь этотъ процессъ направленъ къ тому, чтобы дойти до полиѣйшаго раскрытія истины матеріальной. Весь онъ основанъ на отвлеченной теоріи вѣроятностей, на вѣрѣ въ безошибочность объективныхъ правилъ, выведенныхъ разумомъ изъ долговременнаго опыта и основанныхъ на глубокомъ знаніи свойствъ челоуѣческаго ума и сердца, на вѣрѣ въ воз-

возможность разрѣшить посредствомъ ихъ всевозможные случаи жизни практической. Отличительный характеръ этой системы заключается въ томъ, что законъ ничего рѣшительно не предоставляетъ произволу судьи, но опредѣляетъ а priori, какую силу должно имѣть каждое доказательство, такъ что судья оставалось только механически взвѣшивать эти доказательства объективною, закономъ данною мѣркою, и быть простымъ орудіемъ и исполнителемъ закона, не принимая ничего на свою совѣсть. Если противу подсудимаго были налицо данныя, которыя законъ считаетъ несомнѣнными признаками вины, то судья долженъ былъ присудить его къ наказанію; если нѣтъ то освободить. Притомъ инквизиціонное судопроизводство должно было имѣть въ глазахъ Петра Великаго одно весьма важное преимущество: оно допускало пытку, безъ которой тогдашняя Россія не могла обойтись. Изъ западноевропейскихъ законодательствъ Петръ обратился къ нѣмецкому, къ практикѣ судебной саксонской (*die Sächsischen Rechte*), о которой такъ часто упоминается въ Воинскомъ Уставѣ; въ 1716 г. 30 марта издавъ былъ *Воинскій Уставъ*, въ который вошло краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжбебъ. Этотъ кодексъ, котораго настоящій текстъ нѣмецкій, но который для большинства судей былъ доступенъ только въ своемъ мѣстами лишенномъ смысла русскомъ переводѣ, велѣно было примѣнять и въ судахъ обыкновенныхъ гражданскихъ. Онъ, съ немногими исключеніями, составляетъ основу нынѣ дѣйствующаго законодательства. Существенныя черты его системы доказательствъ заключались въ слѣдующемъ:

Петръ старается ограничить пытку, поставить ее на задній планъ, допускаетъ ее только при недостаткѣ иныхъ доказательствъ. Доказательствами считаются: 1) собственное добровольное признаніе; когда оно дано, то преступникъ безъ пытки, прямо приговаривается къ наказанію; 2) если преступникъ не сознался, то онъ можетъ быть изобличенъ дру-

гпмъ полнымъ доказательствомъ, имѣющимъ безусловную силу— свидѣтелями. Свидѣтелей должно быть по крайней мѣрѣ два, они должны быть достовѣрные; нѣмецкая наука помогла законодателю рѣшить вопросъ о томъ, какіе свидѣтели должны считаться достовѣрными, устраняя отъ свидѣтельства цѣлыя разряды лицъ, которыя или по своему характеру, или по прикосновенности къ дѣлу должны были считаться подозрительными. Свидѣтели эти существенно отличаются и отъ древнихъ послуховъ и отъ повальнаго обыска; отъ послуховъ тѣмъ, что, свидѣтельствуя, они отправляютъ государственную должность (*das Amt des Zeugen ein öffentliches Amt ist*, говоритъ Воинскій Уставъ); отъ повальнаго обыска тѣмъ, что они очевидцы и что воспрещено не очевидцу свидѣтельствовать по молвѣ, по слуху. 3) За свидѣтелями слѣдуютъ всѣ полудоказательства и всѣ улики, которыя навлекаютъ подозрѣніе на обвиняемаго. Тутъ опять уголовная нѣмецкая криминалистика помогла законодателю формулировать въ видѣ примѣровъ главные виды уликъ; какъ бы много ихъ ни было, всѣ улики, въ совокупности взятыя, не могутъ составить полного доказательства, но онѣ важны тѣмъ, что наличностью ихъ обуславливалось употребленіе двухъ послѣднихъ, самыхъ крайнихъ средствъ судебныхъ: а) въ дѣлахъ гражданскихъ—очистительной присяги; б) въ дѣлахъ уголовныхъ—пытки (впрочемъ въ законодательствѣ петровскомъ дѣла гражданскія не отдѣлены строго отъ уголовныхъ и отношеніе присяги къ пыткѣ не совсемъ ясно). Пытка допускалась только при наличности слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ: а) когда самое преступленіе несомнѣнно; б) когда противу подсудимаго есть сильныя улики или полудоказательства, и в) когда подсудимый не сознается въ преступленіи.

Вся эта искусная и въ свое время весьма полезная система доказательствъ направлена къ стѣсненію произвола судей, къ ограниченію злоупотребленія пыткой, но именно по-

тому она предполагает пытку; пытка ея главный нервъ, безъ пытки она немислима.

Между тѣмъ въ Европѣ происходили событія, которыя сильно подкопали инквизиціонный процессъ, уголовную систему устрашенія и вѣру въ цѣлесообразность пытки. Пылая святымъ негодованіемъ къ средневѣковымъ учрежденіямъ, философія XVIII вѣка высоко поднимала свое знамя, на которомъ написано было: *личность*. Сѣмена европейской мысли западали и на русскую почву. Елисавета отмѣняетъ смертную казнь, Екатерина II-ая пишетъ свой Наказъ, наконецъ Александръ I-ый указомъ 27 сентября 1801 г. отмѣняетъ совершенно и окончательно пытку. Съ отмѣною пытки вся система уголовныхъ доказательствъ пошатнулась. Послѣ паденія главнаго столба, поддерживавшаго эту систему, остались только два другіе; далеко не столь благонадежные: свидѣтельскія показанія и улики; собственное же признаніе, не вынуждаемое пыtkoю, сдѣлалось рѣдкимъ исключеніемъ. Образовавшіеся отъ этой перемѣны пробѣлы въ законодательствѣ были пополняемы, но безъ радикальныхъ преобразованій самой системы доказательствъ. Обзору этой системы доказательствъ въ настоящемъ видѣ намѣренъ я посвятить слѣдующую, ближайшую нашу бесѣду.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

(4 Октября 1860 г.)

М.м. Г.г. Въ прошедшій разъ, когда я имѣлъ честь бесѣдовать съ вами, я старался представить историческій ход развитія системы доказательствъ въ правѣ русскомъ. Этотъ очеркъ былъ необходимымъ введеніемъ къ главному предмету моихъ чтеній, къ предмету, которымъ я намѣренъ заняться сегодня, а именно къ теоріи доказательствъ по своду законовъ.

Теорія доказательствъ по своду законовъ имѣетъ одно великое достоинство: между судьей и подсудимымъ она ставитъ законъ, такъ что подсудимый не зависитъ отъ произвола судьи, отъ его личнаго, безотчетнаго впечатленія? Но прямо отъ закона. Законъ говоритъ (ст. 304 ч. 2 XV т. св. зак.) «никто не можетъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи».—Законъ самъ опредѣлилъ эти доказательства для руководства судьямъ. Онъ ихъ подраздѣляетъ на совершенныя и несовершенныя. Наличие совершенныхъ доказательствъ равняется достовѣрности вины; наличие несовершенныхъ навлекаетъ только подозрѣніе на подсудимаго.— На выработаніе этого великаго начала зависимости подсудимаго прямо отъ закона трудилось много вѣковъ и нѣсколько цивилизацій. Оно—звѣно, связующее Россію съ Европою. Вдали за нами осталась Азія, страна безсознательнаго бытія, страна безусловной зависимости человѣка отъ человѣка, съ ея судомъ по прихоти личной, о которомъ нельзя сказать, справедливъ ли онъ или несправедливъ, потому что сущность

его составляет отсутствіе логическихъ основаній въ приговорѣ. Азіатское правосудіе тоже, что вѣтеръ, что волна, что стихійныя силы, движущія веществомъ: движеніе есть, но изъ него не выходитъ ничего органическаго. Правда въ этомъ судѣ—счастливая случайность. Лучше имѣть дѣло въ самомъ низшемъ изъ нашихъ судилищъ, нежели у умнѣйшаго изъ восточныхъ кади.

Теорія доказательствъ по своду законовъ имѣетъ одинъ весьма важный недостатокъ: она не репрессивна. Отъ нея ускользаютъ искусные и опытные злодѣи. Я не говорю здѣсь объ исключеніяхъ,—можетъ быть и у насъ нѣкоторые судьи, отступая отъ предписаній закона, присуждаютъ къ наказаніямъ по однимъ полудоказательствамъ или подозрѣніямъ. Я беру большинство нашихъ судилищъ и, предполагая, что они замѣщены людьми честными, законниками, строго соблюдающими всѣ предписанія свода, утверждаю, что, при нынѣшней системѣ доказательствъ, освобожденіе отъ наказанія встрѣчается гораздо чаще, нежели при сужденіи къ наказанію. Законодательство, начиная съ Петра Великаго, до того заботилось о предотвращеніи всякихъ ко вреду подсудимыхъ промаховъ и ошибокъ судебныхъ установленіемъ разныхъ болѣе и болѣе сложныхъ формъ и обрядовъ, до того старалось ограничить всякій произволь судей, что судьи не имѣютъ нынѣ необходимой въ кругѣ ихъ дѣйствія самостоятельности.—«Лучше есть десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить», сказано въ Воинскомъ Уставѣ 1716 года (ч. II гл. V § 9). Ту же мысль, но общее повторяетъ сводъ законовъ (311 ст. II ч. XV т), примѣняя ее ко всѣмъ вообще наказаніямъ. Такъ постановленный вопросъ не допускаетъ, конечно, отрицанія. Конечно, лучше освободить 10 и 100 виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго, но если законодательство, нисколько не уменьшая гарантій судебныхъ, которыми пользуется невинность, уменьшить только шансы без-

наказанности настоящихъ злодѣевъ, то нельзя не желать, чтобы оно измѣнило въ этомъ направленіи свою систему. Если теперь, положимъ, на каждый десятокъ обвиненныхъ, 2 освобождаются отъ наказанія, потому что они невинны, 5 потому что хотя вина ихъ несомнѣнна, но нѣтъ противу нихъ законныхъ доказательствъ, а 3 только приговариваются къ наказанію, то нельзя не желать, чтобы законодательство такимъ образомъ устроило судопроизводство, чтобы 7 или 8 преступниковъ были наказываемы, а 2 или 3 невинныхъ освобождались по прежнему отъ наказанія. Ничто такъ не способствуетъ къ сохраненію правосостоянія, какъ неизбежность наказанія, хотябы самаго умѣреннаго. Она прямо или вѣрнѣе ведетъ къ цѣли, она лучше защищаетъ общественный порядокъ, нежели жестокія казни.

Разберемъ теорію доказательствъ свода законовъ по частямъ. Она вся составлена изъ нѣсколькихъ различныхъ, по времени происхожденія, наслоенныхъ одна на другую системъ. Начнемъ раскапывать эти напластованія. Внизу, въ пласту древнѣйшемъ, который можемъ назвать домосковскимъ, мы найдемъ двѣ окаменѣлости: *общую ссылку* и *очистительную присягу*.

Общая ссылка истпа и отвѣтчика на одного и того же свидѣтеля имѣетъ то послѣдствіе (ст. 330), что сообщаетъ полную, совершенную достовѣрность разказу свидѣтеля, между тѣмъ какъ безъ общей ссылки для удостовѣренія факта необходимы два по крайней мѣрѣ свидѣтельскія показанія. Общая ссылка есть очевидно учрежденіе частнаго права, записное, неизвѣстно почему, на почву уголовного права. Я понимаю, что въ процессѣ гражданскомъ, въ которомъ *pacta dant leges contrahentibus*, въ которомъ долженъ быть данъ сторонамъ самый широкій просторъ договариваться, соглашаться, взаимными соглашениями и уступками давать то или другое направленіе ходу дѣла, общая ссылка умѣстна и сообразна съ цѣлію правосудія. Общій свидѣтель есть нѣчто въ родѣ присяж-

наго третчика, рѣшающаго окончательно извѣстный спорный фактическій вопросъ и рѣшающій его неопровержимо, потому что, положившись на его совѣсть, стороны тѣмъ самымъ отказались отъ права оспаривать его рѣшеніе. Но въ уголовномъ правѣ положеніе сторонъ иное. Настоящій истецъ не тотъ жалобщикъ, который извѣстилъ правосудіе о преступленіи, а само государство, собственнымъ своимъ начинаніемъ преслѣдующее преступника; государство же не можетъ входить съ отвѣтчикомъ въ какія бы то ни было соглашенія относительно свидѣтелей: оно шцетъ полнѣйшаго раскрытія правды матеріальной. То обстоятельство, что на свидѣтеля сослался отвѣтчикъ, должно скорѣе заподозрить правдивость свидѣтеля, нежели усугубить силу его словъ, ссылка же жалобщика на тогоже свидѣтеля есть обстоятельство случайное, которому бы не слѣдовало давать никакого вліянія на исходъ дѣла. Если и можно защищать примѣняемость общей ссылки въ процессѣ уголовномъ, то только въ отношеніи къ тѣмъ немногимъ преступленіямъ уголовно-частнымъ, въ которыхъ дозволено жалобщику мириться съ отвѣтчикомъ и прекращать дѣло посредствомъ мировой.

Очистительная присяга есть старинная *рота*, *впра*, *крестное цѣлованіе*, значительно измѣненное въ своемъ значеніи законодательствомъ Петра Великаго. Древнерусскій обвинительный процессъ зналъ только собственно гражданскую присягу, добровольную, договорную. При всеобщемъ недоверіи, которому въ XVII столѣтіи подвергся этотъ процессъ и въ особенности главная его форма—присяга, она бы была вѣроятно совсѣмъ исключена изъ ряда доказательствъ, тѣмъ болѣе что свободное, договорное начало имѣетъ весьма мало простора въ уголовномъ судопроизводствѣ, въ которомъ истецъ—само государство. Но Петръ Великій въ своемъ Воинскомъ Уставѣ 1716 года подложилъ подъ присягу совершенно новое основаніе. Онъ усвоилъ себѣ взглядъ Карцова и другихъ нѣмецкихъ криминалистовъ—практиковъ, которые употребляли ее въ ви-

дѣ правственной пытки въ отношеніи къ подсудимымъ, опоздѣннымъ такими данными, которыя однако недостаточны для изобличенія ихъ въ винѣ. Присяга предлагаема была имъ какъ средство очиститься отъ подозрѣнія.

Нѣмецкіе криминалисты выходили изъ того предположенія, что преступникъ, поставленный въ необходимость или сознаться въ преступленіи или сдѣлать ложную клятву, и обречь себя тѣмъ на муку вѣчную, предпочтетъ первое второму, если въ немъ есть какая нибудь боязнь Бога и страшнаго суда. Но даже и въ этомъ видѣ нельзя одобрить присяги подсудимаго въ смыслѣ процессуальнаго средства, такъ какъ она тогда только оказывается дѣйствительною, когда не употребляется, то есть когда подсудимый откажется отъ присяги. По законодательству Петра Великаго отклоненіе подсудимымъ предложенной ему очистительной присяги было равносильно признанію въ винѣ и влекло за собою наказаніе. Составители свода законовъ смягчили послѣдствія отказа отъ присяги и тѣмъ умалили его значеніе до простой только улики. Отказавшійся отъ присяги оставляется только въ подозрѣніи, то есть точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ до отказа отъ присяги. Законодательство до того не довѣряетъ этому средству, что говоритъ: «если судъ увидитъ, что подсудимый намѣренъ учинить преступленіе клятвы, тогда дѣло предать волѣ Божіей «и положиться въ томъ весьма на Бога, пока дѣло само собою объявится». (Воинск. Уставъ 1716 г. часть 3-я глава V § 10; св. зак. ст. 347, 2 ч. XV т.). Такимъ образомъ употребленіе очистительной присяги предоставлено еще Петромъ дискреціональной власти судей, личному ихъ благоусмотрѣнію. Но личное благоусмотрѣніе судьи вообще не въ духѣ нашей практики, придерживающейся буквы закона. Отъ этого очистительная присяга исчезла, она не употребляется. Можно положительно сказать, что хотя она и упоминается въ сводѣ законовъ, но въ дѣйствительности она вышла изъ обычая, какъ судъ по формѣ 1723 года, какъ множество дру-

гихъ учреждений; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Я никогда не слыхалъ о назначеніи нашими судами по какому бы то ни было дѣлу уголовному присяги очистительной.

Второй слой узаконеній въ системѣ доказательствъ свода законовъ можно назвать *московскимъ*. Къ нему принадлежатъ два полудоказательства: *оговоръ* и *повальный обыскъ*.

Оговоръ есть остатокъ старинной язычной молки, — обвиненіе преступникомъ другихъ его соучастниковъ въ содѣянномъ преступленіи. Во времена былыя, оговоръ имѣлъ то послѣдствіе, что оговореннаго ставили съ очей на очи съ языкомъ и, если онъ не повинился, то его пытали. Нынѣ оговоръ упалъ въ своемъ значеніи, но все таки законъ (336 ст.) приписываетъ ему силу доказательства несовершенного, что явно противорѣчитъ 1-му пункту 334 ст., по которому показаніе свидѣтеля, допрошеннаго не подѣ присягою, не имѣетъ вовсе силы доказательства, слѣдовательно, по точному смыслу закона, оно даже не улика.

Повальный обыскъ нынѣшній есть только тѣнь того грознаго обыска, на которомъ построенъ былъ старинный розыскъ губный и посредствомъ котораго правительство московское отдѣляло плевелы отъ пшеницы, вѣдомыхъ лыхихъ людей отъ добрыхъ. Обойденный Петромъ Великимъ въ Воинскомъ Уставѣ обыскъ былъ возстановленъ обычаемъ и практикою и доживаетъ свой вѣкъ въ формахъ современнаго судопроизводства. Впередъ пошли нравы, общество стало твердою ногою на юридическую почву. Съ развитіемъ личности укоренилось понятіе, что благонамѣренность или злонамѣренность лица суть предметы, сторонніе для правосудія и что оно караетъ только за настоящее положительное нарушеніе закона. Повальный обыскъ есть допросъ оковыхъ жителей (ст. 258) на мѣстѣ ихъ жительства (ст. 261) по евангельской заповѣди, то есть подѣ присягою (ст. 262), о происшествіи, которое можетъ быть извѣстно всѣмъ имъ или многимъ изъ нихъ, какъ то: о поведеніи подсудимаго. Повальный обыскъ дѣлится на *боль-*

ший и *малый*. На практикѣ въ дѣлахъ уголовныхъ употребляется одинъ только малый обыскъ, и то, почти исключительно, только для разузнанія о поведеніи подсудимаго. Большею частью, по указанію самаго подсудимаго, спрашиваютъ чело-
вѣкъ 10 или 12 сосѣдей или людей того же званія, того же околотка; а въ городахъ, гдѣ при столпленіи разнородныхъ элементовъ, люди, живущіе рядомъ, отдѣляющіеся другъ отъ друга только стѣною, часто не знаютъ о своемъ существованіи, берутъ чело-
вѣка четыре, пять, шесть. Отъ свидѣтельскихъ показаній обыскъ отличается тѣмъ, что подсудимый не имѣетъ права отводить обыскныхъ. Уже по самому существу своему, показанія обыскныхъ могутъ имѣть весьма малое вліяніе на установленіе достовѣрности преступленія. Дурное поведе-
ніе подсудимаго есть только улика и то довольно слабая, довольно сомнительная, изъ которой опасно дѣлать какой ли-
бо выводъ, и то только о нравственной способности обвиняемаго къ совершенію преступленія, а не о дѣйствительности совершенія этого преступленія. Нельзя не сознаться, что ан-
гличане мастера въ искусствѣ устанавливать юридическую до-
стовѣрность преступленія. Если бы въ англійскомъ процессѣ истецъ въ числѣ другихъ доводовъ сослался на свидѣтелей, могущихъ удостовѣрить о дурномъ поведеніи подсудимаго, то судья англійскій не допуститъ подобныя лица къ свидѣль-
ствованію (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда гласность дурнаго поведенія подсудимаго или лица участвовавшаго въ дѣлѣ входитъ въ составъ преступленія). Законъ чув-
ствуетъ шаткость повальнаго обыска; вотъ почему онъ гово-
ритъ (ст. 339), что обыскъ не есть доказательство совершенное, а принимается только въ подкрѣпленіе другихъ доказа-
тельствъ, а такъ какъ онъ не имѣетъ нынѣ никакой особен-
ной важности, то превратился въ обрядъ, въ формальность, которая исполняется слѣдователемъ при окончаніи слѣдствія на скорую руку, и на которую ни слѣдователь, ни судья не обращаютъ особаго вниманія.

Оставимъ въ сторонѣ общую ссылку и очистительную присягу, которыя не употребляются, равно какъ и оговоръ и повальный обыскъ, которые не имѣютъ доказательной силы. Всѣ остальные доказательства, въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ, водворены въ нашѣмъ процессѣ Воинскимъ Уставомъ Петра Великаго. Распредѣлимъ ихъ по тремъ источникамъ познанія, которые суть: очевидность, преданіе и умозаключеніе.

А *Очевидность*. На очевидности основаны два доказательства: *личный осмотръ* и *сужденія экспертовъ*.

1) *Личный осмотръ* слѣдователемъ или судьбою видимыхъ предметовъ, состоящихъ въ связи съ изслѣдуемымъ преступленіемъ: мѣстности, гдѣ преступленіе совершено, тѣла человека убитаго, отравленнаго, поврежденнаго, наконецъ всѣхъ такъ называемыхъ вещественныхъ доказательствъ, или служившихъ орудіями преступленія, или испорченныхъ или добытыхъ посредствомъ преступленія, однимъ словомъ того, что въ обширномъ смыслѣ называется *полнымъ*. Результаты личнаго осмотра основаны на одномъ изъ самовѣрнѣйшихъ источниковъ познанія—опытѣ чувственномъ, который во многихъ случаяхъ можетъ быть многократно повѣренъ. Но на практикѣ 1) не во всѣхъ преступленіяхъ возможно его примѣненіе, потому что есть многія преступленія, не оставляющія послѣ себя слѣдовъ вещественныхъ (*delicta facti transeuntis?*), напримѣръ обида словомъ, обманъ или мошенничество; 2) даже и въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя оставляютъ послѣ себя слѣды вещественные (*delicta facti permanentis*), личный осмотръ служитъ почти исключительно для раскрытія объективной лишь стороны преступленія, того, что называется въ процессуальномъ смыслѣ *corpus delicti*, т. е. для установленія достовѣрности факта преступленія (что человекъ зарѣзанъ и притомъ зарѣзанъ другимъ, а не самоубійца, что женщина изнасилована, что взломъ совершенъ). Но личный осмотръ

недостаточенъ для объясненія связи между фактомъ преступленія и предполагаемымъ его виновникомъ. Эта связь должна быть восстановлена посредствомъ другихъ источниковъ: собственнаго признанія, свидѣтельскихъ показаній или цѣпи умозаключеній, выводимыхъ изъ уликъ.

2.) *Сужденія экспертовъ* суть только дополненіе личнаго осмотра. Когда при изслѣдованіи факта преступленія возникнутъ такіе вопросы, которыхъ рѣшеніе требуетъ особыхъ техническихъ познаній и оытности въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, то судъ уголовный по своей некомпетентности къ рѣшенію этихъ вопросовъ прибѣгаетъ къ техникамъ, людямъ свѣдущимъ, требуетъ отъ нихъ мнѣнія, заставляетъ присяжныхъ цѣновщиковъ рѣшить, какая стоимость похищеннаго предмета, заставляетъ учителей чистописанія или секретарей рѣшить, рукою ли подсудимаго писанъ подложный актъ, заставляетъ медиковъ рѣшить, живымъ ли родился ребенокъ, котораго трупъ, отысканъ, произошла ли смерть отъ раны и т. под. Эксперты не свидѣтели, — они только повѣрщики сомнительнаго факта. Они не передаютъ суду своихъ личныхъ впечатлѣній, но сообщаютъ свои мнѣнія, основанныя на строго-логическихъ соображеніяхъ. Наконецъ, между тѣмъ какъ свидѣтели отвѣчаютъ за правдивость своихъ показаній передъ закономъ, эксперты отвѣчаютъ за свое мнѣніе только передъ своею совѣстью, потому что правосудіе, прибѣгая къ авторитету искусства, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свою некомпетентность рѣшить извѣстный вопросъ, слѣдовательно оно некомпетентно также судить, правильно ли рѣшенъ этотъ вопросъ экспертами или нѣтъ. Въ случаѣ сомнѣнія на счетъ правильности сужденія экспертовъ, правосудіе можетъ прибѣгнуть къ другимъ экспертамъ, болѣе свѣдущимъ въ томъ же дѣлѣ.

Въ судилищахъ, судящихъ по внутреннему убѣжденію, отношенію экспертовъ къ судьямъ весьма просто: мнѣніе экспертовъ для суда необязательно, судъ его принимаетъ, когда

оно ему кажется убѣдительнымъ. Въ нашемъ процессѣ не дается убѣжденію судьи простора, а рѣшеніе техническихъ вопросовъ, въ особенности по части медицины, принадлежитъ цѣлой системѣ представителей науки. Отъ неопредѣленности отношеній между тѣми и другими рождаются иногда забавныя столкновенія. Разборъ подробный подобныхъ столкновеній слишкомъ далеко отклонилъ бы меня отъ главной цѣли моей бесѣды. Перехожу ко второму источнику познанія— преданію.

Б.) *Преданіе.* Къ нему относятся три вида доказательствъ; письменные документы, собственное признаніе и свидѣтели.

1.) О *документахъ* скажу лишь нѣсколько словъ.— По содержанію своему, документъ подходитъ всегда подъ одинъ изъ остальныхъ разрядовъ доказательствъ. Онъ можетъ быть разсматриваемъ или какъ доказательство вещественное (напримѣръ, поддѣльный актъ, поддѣльная ассигнація), или какъ признаніе подсудимаго; напримѣръ, переписка, захваченная у прелюбодѣя съ женщиною, съ которою онъ состоялъ въ любовной связи, или какъ свидѣтельское показаніе. По большей же части документъ есть только улика, изъ которой посредствомъ умозаключенія, можно прийти къ догадкѣ о виновности подсудимаго. Съ другой стороны всѣ доказательства, за исключеніемъ приобщаемаго обыкновенно къ дѣлу, хранимаго при немъ и пересылаемаго вмѣстѣ съ нимъ полицнаго, доходятъ до свидѣнія судьи въ нашемъ письменномъ процессѣ не иначе, какъ чрезъ посредство писемъ, облеченные въ форму слѣдственныхъ или судебныхъ протоколовъ. Такимъ образомъ, повѣрка всякаго доказательства должна предшествовать повѣрка того акта, той бумаги, въ который скопированы, такъ сказать, эти доказательства. Но законъ не даетъ никакихъ положительныхъ правилъ для повѣрки и критической оцѣнки силы актовъ, протоколовъ, документовъ, предоставляя ихъ практикѣ судебной.

Въ большей части случаевъ и письменные документы, равно какъ личный осмотръ и сужденія экспертовъ не даютъ достаточныхъ элементовъ для рѣшенія вопроса: кто виноватъ? Остаются еще два доказательства, самыя существенныя, два главнѣйшіе устоя, на которыхъ держится вся система доказательствъ: собственное признаніе и показанія свидѣтелей.

2) *Собственное признаніе*. Средневѣковые юристы называли его *drobatio liquidissima, regina probationum*. Они говорили: достовѣрнѣйшій изъ свидѣтелей—это самъ сознающійся виновнымъ (*optimus testis confitens reus*). Оно превращаетъ дѣло спорное въ безспорное. Въ англійскомъ процессѣ, когда подсудимый повинился (*plead ed guilty*), то не нуженъ и вердиктъ присяжныхъ,—судья безъ нихъ примѣняетъ уголовный законъ. Взглядъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ юристовъ на признаніе совпадалъ разительнымъ образомъ съ практикою судебною московскою. И въ Германіи и въ Москвѣ судья имѣлъ вѣрнѣйшій способъ добиться признанія—пытку. Эта старинная основа отчасти и до сихъ поръ удержалась въ сводѣ законовъ, въ которомъ сказано (ст. 316) «собственное признаніе подсудимаго есть лучшее доказательство всего свѣта».

Сомнѣнія, родившіяся на счетъ цѣлесообразности пытки, поколебали безусловную вѣру и въ признаніе, хотя бы оно было сдѣлано не по принужденію. Но уничтоженіи пытки центръ, тяжести въ системѣ доказательствъ перешелъ съ собственного признанія, которое стало гораздо рѣже, на свидѣтелей. Явилась надобность обусловить собственное признаніе такими признаками, при наличности коихъ оно могло бы считаться полнымъ доказательствомъ вины. Такихъ условій три (ст. 317): а) оно должно быть учинено добровольно, безъ истязаній, угрозъ, побоевъ; б) оно должно быть согласно съ обстоятельствами дѣйствія, съ объективною стороною преступленія, такъ что по одному только признанію безъ всякихъ другихъ данныхъ, подсудимый не можетъ быть присужденъ къ наказанію,

онъ могъ оклеветать самъ себя напрасно по заблужденію пли умышенно по какому либо мотиву); в) оно должно быть судебное, а не вѣѣ судебное (внѣ судебное составляетъ только полудоказательство, если оно удостовѣрено свидѣтелями, заслуживающими вѣроятія). Подъ судомъ разумѣется здѣсь и судъ, и производящая слѣдствіе полиція.

Само собою разумѣется, что признаніе, совмѣщающее въ себѣ всѣ эти условія, явленіе рѣдкое, что сколько ипбудь опытный злодѣй начнетъ съ полного заширательства и заширательства будетъ до конца. Даже и повинившійся при предварительномъ полицейскомъ розыскѣ можетъ отозвать это признаніе при слѣдствіи формальномъ. Практика наша, развившаяся въ направленіи благопріятномъ для подсудимыхъ, не считаетъ предварительнаго розыска полицейскаго дѣйствіемъ судебнымъ; слѣдовательно, протоколъ признанія, даже и подписанный подсудимымъ у пристава исполнительныхъ дѣлъ, не будетъ имѣть силы доказательной, когда подсудимый отречется отъ него передъ приставомъ слѣдственныхъ дѣлъ, когда онъ отзовется, что подписалъ его не читая, или что къ подписанію его онъ былъ принужденъ угрозами или насиліемъ.

3) Остаются *свидѣтели*—очевидцы происшествія, которыхъ убѣжденіе судъ себѣ усвоиваетъ и на основаніи его рѣшить дѣло. Весь московскій періодъ прошелъ, не выдвинувъ на первый планъ доказательства посредствомъ свидѣтелей. Законодательство предчувствовало, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно могло бы и обойтись безъ признанія подсудимаго, положиться на чужую совѣсть, на совѣсть добрыхъ стороннихъ людей (повальный обыскъ), но оно никакъ не могло прійти къ разграниченію стороннихъ людей отъ участниковъ, достовѣрныхъ людей отъ недостовѣрныхъ и подозрительныхъ. Тутъ были необходимы общія теоретическія начала науки, правила выведенныя изъ философскаго изслѣдованія сердца человѣческаго, вѣроятныхъ мотивовъ дѣйствій че-

ловѣка, источниковъ его познанія, однимъ словомъ такіа данныя, которыя законодательству московскому были совершенно чужды. Заслуга Петра Великаго состоитъ именно въ томъ, что онъ перенесъ въ русское законодательство главные результаты ученія нѣмецкихъ криминалистовъ о свидѣтеляхъ, опредѣлилъ требуемыя отъ свидѣтельскихъ показаній условія, вооружилъ эти показанія силою полного доказательства, равносильнаго признанію подсудимаго, и такимъ образомъ открылъ возможность въ будущемъ отмѣненія пытки, потому что на мѣсто признанія, если бы оно не послѣдовало, могли бы быть поставлены свидѣтельскія показанія.

Ясныя удобопонятныя опредѣленія Вонсекаго Устава 1716 г. усвоены были русскою судебною практикою, которая стала примѣнять ихъ съ буквальною точностію, не входя въ ихъ внутренній смыслъ, въ ихъ основанія и причины. Практика была очевидно не способна развить, усовершенствовать, дополнить ученіе о свидѣтеляхъ. Оно осталось до послѣднихъ почти подробностей тоже, какъ при Петрѣ Великомъ. Главныя черты его заключаются въ слѣдующемъ.

Сила свидѣтельскихъ показаній обуславливается тремя обстоятельствами: а) свидѣтели должны быть люди, достойные довѣрія; б) показанія ихъ должны быть торжественныя, присяжныя; и в) этихъ показаній должно быть, по крайней мѣрѣ, два. Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій.

Первое условіе—личныя качества свидѣтелей. Ст. 213 (2 ч. XV т.) говоритъ: «Всякое лицо, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, можетъ быть допрошено какъ свидѣтель, когда оно имѣетъ здравыя физическія чувства и разсудокъ и когда нѣтъ причины предполагать, что показаніе его будетъ невѣрно».—Опредѣленіе прекрасное, но вся трудность въ его примѣненіи. Въ странахъ, гдѣ болѣе развита судебная практика, гдѣ процвѣтаетъ наука, законодатель могъ бы этимъ опредѣленіемъ и ограничиться, возложивъ его при-

мъненіе на судей, на ихъ опытность и навѣкъ. Практика и опредѣлила, какіе свидѣтели достойны вѣроятія, какіе совсѣмъ неспособны являться въ качествѣ свидѣтелей; она бы пришла наконецъ къ тому результату, что между вполне способными и совершенно неспособными къ свидѣтельствуванію есть дѣлйй огромный, промежуточный классъ людей ни то способныхъ, ни то неспособныхъ, а подозрительныхъ (*verdächtige Zeugen, презрительные*—какъ ихъ называетъ Воинскій Уставъ), которыхъ личныя свойства или близкія отношенія къ предмету спора хотя и возбуждаютъ сомнѣніе, но не исключаютъ однако возможности правдиваго, безпристрастнаго съ ихъ стороны сказанія. Судья долженъ бы былъ только съ двойною осторожностію критически взвѣсить ихъ рѣчи, но если содержаніе этихъ рѣчей до малѣйшихъ подробностей согласно съ обстоятельствами дѣла, и если при томъ нѣтъ причины предполагать, чтобы свидѣтель не хотѣлъ показать истину, то судья долженъ бы дать этому показанію вѣру. Но критическая оцѣнка сомнительнаго доказательства и принятіе или непринятіе не принадлежать судѣ по нашей системѣ, въ которой самъ законъ все предвидѣлъ, все предопредѣлилъ. Нѣмецкая теорія доказательствъ именно потому и вводилась Петромъ Великимъ, что на судей того времени нельзя было полагаться. Петръ Великій всѣхъ сомнительныхъ свидѣтелей зачислилъ въ неспособные и тѣмъ, конечно, предотвратилъ множество будущихъ промаховъ и ошибокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ослабилъ дѣйствіе правосудія, лишивъ его большей половины сильнѣйшихъ орудій къ открытію истины.

Неспособность имѣеть по своду законовъ весьма многочисленныя отѣнки:

1-й классъ—*Безусловно неспособность къ свидѣтельствуванію по какому бы то ни было дѣлу.* Сюда причислены по недостатку физическихъ чувствъ и разсудка: безумные и сумасшедшіе, глухонѣмые, малолѣтніе, не достигшіе 15 лѣтъ.

Глухоньмые поставлены наряду съ безумными и сумасшедшими. Органъ зрѣнія едва ли еще не важнѣе органа слуха. Глухоньмой тѣлодвиженіями, жестами можетъ передать совершенно вразумительно то событіе, котораго онъ былъ очевидцемъ, а если онъ надлежащимъ образомъ воспитанъ, то можетъ даже письменно изложить свои впечатлѣнія. Въ Германіи былъ недавно случай, что глухоньмая дѣвочка, на которую никто не обращалъ вниманія, бывшая свидѣтельницею того, какъ жена зарѣзала мужа и закопала его кости, указаніемъ на мѣсто, гдѣ зарыты были эти кости, изобличила виновную въ мужеубійствѣ. Если допускаются къ свидѣтельству слѣпые о томъ, что они слышали, то надобно бы допускать и глухоньмыхъ къ свидѣтельству о томъ, что они видѣли. Одно вытекаетъ логически изъ другаго: слѣпой глухаго стоитъ.

Устраненіе дѣтей отъ свидѣтельства можетъ быть основано или на томъ, что наблюдательныя способности дитяти слишкомъ слабы, или на томъ, что дитя не сознаетъ всей важности присяги.—Но что касается до наблюдательной способности, то она пріобрѣтается дѣтми весьма рано. Восемилѣтнее или девятилѣтнее дитя можетъ часто съ такою обстоятельностью разсказать событіе, какъ взрослый человѣкъ, а тринадцати или четырнадцатилѣтній отрокъ даже не дитя и не только можетъ передать обстоятельно внѣшнюю обстановку событія, но большею частію очень хорошо понимаетъ и отношенія дѣйствующихъ лицъ между собою и внутреннія побудительныя причины ихъ дѣйствій. Кто былъ во Франціи и присутствовалъ при столь частыхъ процессахъ о *attentats à la pudeur*, знаетъ, что присяжные, не усумнясь, приговариваютъ къ наказанію за насильственный развратъ или растлѣніе по простому безприсяжному разсказу малютки, бывшей даже и не свидѣтелемъ, а прямо предметомъ преступленія. Отвергать показаніе дитяти въ подобныхъ случаяхъ и не давать ему никакой силы, значитъ почти тоже, что отказаться отъ наказыванія растлителей и насиль-

щиковъ дѣтей, не достигшихъ 15 лѣтъ. Что касается до возраженія, что дитя не сознаетъ, всей важности присяги, то опять можно положительно сказать, что оно приходитъ къ этому сознанию гораздо ранѣе узаконеннаго срока. Далеко до этого срока оно уже знаетъ, что на небѣ Богъ, что душа бессмертна, что ложь грѣхъ, что Богъ караетъ грѣшниковъ и награждаетъ добрыхъ. Чего же еще желать? тутъ всѣ элементы религіозно правственнаго закона. Значительное большинство взрослыхъ въ массѣ народа не знаетъ ничего больше, кромѣ этихъ основныхъ данныхъ, а предъ взрослыми дитя имѣетъ еще то преимущество, что оно еще непорочно, что оно еще не научилось въ школѣ жизни хитрить и лицемерить, и продавать свою совѣсть и заператься упорно, не краснѣя, не смотря ни на какія улики. Заимствую у Беста примѣръ изъ англійской практики (*W. M. Best's—Grndzüge des Englischen Beweisrechts* въ переводѣ *Marquardsen'a*, Heidelberg 1851). Передъ судомъ присяжныхъ стоитъ девятилѣтній мальчикъ и озирается боязливо. Судья ободряетъ его ласковымъ словомъ, заставляетъ его сказать Отче Нашъ; потомъ спрашиваетъ его: а знаетъ ли, мой малый, куда идутъ тѣ люди, которые лгутъ?—Мальчикъ отвѣчаетъ съ трепетомъ: во огонь адскій. Тогда судья немедленно привелъ мальчика къ присягѣ и на его показаніи присяжные основали свой вердиктъ.

Кромѣ безумныхъ и дѣтей, въ числѣ безусловно неспособныхъ къ свидѣтельствуванію, поставлены иностранцы, которыхъ поведеніе неизвѣстно, т. е. вѣроятно тѣ, о которыхъ, по кратковременности ихъ пребыванія въ Россіи, нельзя сдѣлать новальнаго обыска, и преступники, которые, бывъ изобличены въ тяжкихъ преступленіяхъ, считаются недостойными довѣрія по своему характеру: смертоубійцы, разбойники, воры, люди, портившіе тайно межевые знаки, люди, учинившіе прежде въ судѣ лживую присягу или склонившіе другихъ къ лжесвидѣтельству, вообще всѣ лишенные чести или правъ состоянія или публично на-

казанные на площади рукою палача; кроме того люди изгнанные из государства. Замѣтимъ, что это опредѣленіе не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ въ законѣ уголовномъ имѣтъ даже и наказанія, которое бы состояло въ изгнаніи за границу; его можно объяснить только тѣмъ, что оно какъ было введено Военскимъ Уставомъ, такъ и осталось безъ всякаго измѣненія, но и безъ всякаго примѣненія на практикѣ.

Какъ смотрѣть на это устраненіе злодѣевъ отъ свидѣльствованія? Можетъ быть оно одна изъ составныхъ частей наказанія, видимый признакъ непризнанія со стороны государства личности, которая запятнала себя позорнымъ поступкомъ?—Но если оно наказаніе, то оно должно бы быть личное, то есть оно бы должно было поражать именно преступника, между тѣмъ на дѣлѣ оно—наказаніе не для преступника, а для третьихъ лицъ, для публики, для государства, у которыхъ ускользаетъ изъ рукъ одно изъ средствъ изобличенія нарушителей ихъ правъ въ преступленіи. Меня, положимъ, ограбили при двухъ бывшихъ арестантахъ, которые судились и наказаны за воровство, а потомъ выпущены изъ рабочаго дома или арестантскихъ ротъ. Чѣмъ же я виноватъ? а между тѣмъ на мнѣ отражаются послѣдствія ихъ вины, я лишаюсь возможности доказать фактъ грабежа, потому что мои свидѣтели не могутъ быть допущены къ свидѣльствованію. Правосудіе не можетъ быть расточительно относительно средствъ своихъ, оно даже въ душѣ злодѣя должно искать элементовъ достовѣрности. Злодѣи можетъ исправиться; въ душѣ разбойника и вора таится чувство достоинства человѣческаго, которое ни у кого не можетъ совершенно погаснуть. Смертоубійство изъ мести, изъ зависти, изъ страстной любви или въ порывѣ гнѣва не исключаетъ присутствія въ душѣ преступника нѣкотораго благородства. Вотъ почему, въ 1857 году, закономъ постановлено въ Англии, что никто, по причинѣ понесеннаго имъ какого бы то ни было наказанія, отъ свидѣльствованія устраненъ быть не можетъ.

Наконецъ къ разряду безусловно неспособныхъ отнесены тяжкіе грѣшники, въ которыхъ очевиденъ недостатокъ религіознаго чувства; законодательство же считаетъ это чувство главнымъ ручательствомъ правдивости показанія: отлученные отъ церкви и проклятые, явные прелюбодѣи, небывшіе никогда у Святаго Причастія.

2 классъ неспособныхъ можно назвать относительно неспособными къ свидѣтельствуванію по извѣстному дѣлу. Сюда можно включить неочевидцевъ происшествія, знающихъ о немъ только по слуху, людей подкупленныхъ къ свидѣтельствуванію, лицъ прикосновенныхъ дѣлу, лицъ находящихся съ подсудимымъ въ родствѣ, или свойствѣ, или дружбѣ, или имѣвшихъ съ нимъ когда нибудь вражду, хотя бы они потомъ и помирились (ст. 216). Этимъ словамъ можно давать по произволу множество различныхъ толкованій.

И такъ родство до безконечности, свойство безъ означенія степеней, но только близкое, а о близости судить судья или слѣдователь по произволу. Не могутъ быть свидѣтелями ни въ какомъ случаѣ дѣти противъ родителей, ни жены противъ мужей. Но родители отъ свидѣтельствуванія противъ дѣтей никакимъ образомъ устранены быть не могутъ. Родительское слово, хотя бы одного только родителя, значить тоже, что два свидѣтельскія показанія, и составляетъ полное доказательство вины, каковы бы ни были личные свойства родителя. Устраняя женъ отъ свидѣтельствуванія противъ мужей, законъ ничего не говоритъ о свидѣтельствуваніи мужей противъ женъ, слѣдовательно оно допускается на общемъ основаніи. Какъ объяснить это неравенство между мужемъ и женою, равныхъ по достоинству и различныхъ только по способностямъ?

Перейдемъ къ прикосновенности. Въ этомъ отношеніи наказъ судебнымъ слѣдователямъ 8 іюня 1860 года слѣдовалъ важную и обильную послѣдствіями перемену, предписавъ

въ 93 статьѣ своей слѣдователямъ допрашивать подъ присягою въ качествѣ свидѣтелей лица, распорядившіяся поимкою или задержаніемъ преступника или тому содѣйствовавшія. Но наказъ есть законъ новый, еще не вошедшій въ силу и дѣйствіе, еще не примѣняемый въ настоящую минуту властями, производящими слѣдствіе, которыя, придерживаясь прежняго ученія, руководствуются совершенно иными понятіями о прикосновенности къ дѣлу. Собственно прикосновенными къ дѣлу слѣдовало бы считать только тѣ лица, которыя непосредственно заинтересованы въ исходѣ дѣла, которымъ осужденіе подсудимаго можетъ доставить непосредственно какую нибудь прибыль или которые, при освобожденіи подсудимаго, могутъ чего нибудь опасаться. Слѣдовательно, въ прикосновенные можно бы зачислить: а) обвиняемыхъ въ извѣстномъ преступленіи по дѣлу объ этомъ преступленіи, потому что, сваливая вину на другихъ, они могутъ надѣяться избѣгнуть наказанія; б) доносчиковъ, которые, дѣлая доносы, подвергаются отвѣтственности въ случаѣ недоказанія этихъ доносовъ; в) наконецъ истцевъ, жалобщиковъ, отыскивающихъ вознагражденія за причиненный имъ посредствомъ преступления вредъ. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы считать прикосновенными къ дѣлу лица, просто только извѣщающія правосудіе о совершившемся преступленіи. Большая часть дѣлъ уголовныхъ начинается просто такимъ извѣщеніемъ, а не доносомъ и не жалобою. Возьмемъ примѣръ изъ обыкновенной жизни. А поймалъ вора, когда сей послѣдній, проникнувъ въ его квартиру, пытался его обокрасть, но ничего еще похитить не успѣлъ. А и представляетъ этого вора въ полицію и дѣлаетъ объявленіе о случившемся. Въ этомъ случаѣ А не истецъ; онъ ничего не поспкиваетъ, ему воръ не причинилъ никакого матеріальнаго ущерба; онъ просто только извѣтчикъ, исполняющій обязанность, возлагаемую на него 36 статьею 2 ч. XV т. св. зак., въ которой сказано, что всякій долженъ доводить до свѣдѣнія начальства объ извѣстныхъ ему пре-

ступленіяхъ, тѣмъ и отличается доносъ отъ извѣта, что по смыслу тойже 36 статьи извѣтъ не подвергаетъ извѣщающаго обязанности доказывать преступленіе, ни отвѣтственности въ случаѣ, если оно не будетъ доказано.

Наша практика смотритъ на дѣло иначе. Въ ней продолжали жить и живутъ донинѣ преданія стариннаго обвинительнаго процесса, совершенно несогласныя съ преобладающимъ въ судопроизводствѣ уголовномъ, со времени Петра Великаго, розыскнымъ началомъ, по которому истецъ въ дѣлахъ уголовныхъ—само государство. Практика наша считаетъ стороною и истца, поискивающаго вознагражденіе за ущербъ, и доносчика, и извѣтчика, и даже просто людей, содѣйствовавшихъ поимкѣ преступника, хотя бы они были совершенно посторонніе. Этотъ взглядъ на прикосновенность, утвердившійся въ нижнихъ инстанціяхъ, вошелъ даже и въ самый своѣтъ законовъ. По ст. 216 (2 ч. XV т.) только намѣстнику кавказскому разрѣшено, въ видѣ исключенія, по указу 4 февраля 1853 года, допускать къ свидѣтельствуванію въ закавказскомъ краѣ постороннихъ поимщиковъ въ дѣлахъ о грабежѣ и разбоѣ, когда они не суть въ то же время истцами, понесшими отъ преступленія убытокъ. *L'exception confirme la règle*, говорятъ французы. Что въ закавказскомъ краѣ дозволено въ видѣ исключенія, то въ остальныхъ частяхъ имперіи недозволено, запрещено.—И такъ два полицейскіе, положимъ, поймали человека, который совершалъ поджогъ; его привели въ полицію, онъ заперся; его освобождаютъ потому, что поимщики не свидѣтели, а, кромѣ показаній поимщиковъ, нѣтъ противъ него другихъ доказательствъ. Случается видѣть на практикѣ другіе еще болѣе замѣчательные примѣры. Дворникъ поймалъ на дворѣ дома вора, съ похищеннымъ на чердакѣ этого же дома бѣльемъ. Воръ пробовалъ вырваться, но на крикъ дворника сбѣжались жильцы дома въ числѣ семи человекъ. Они помогли связать вора. Полиціе оказалось похищеннымъ у одного изъ живущихъ въ домѣ, но неучаствовавшаго въ поимкѣ. Судьи

оставляютъ вора только въ подозрѣнїи, потому что поимщики не свидѣтели, а только улики. Мыѣ могутъ возразить: никто не долженъ свидѣтельствовать, кто можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по поводу дѣла, по которому отъ него требуется показаніе. Поимщики могли задержать неосновательно подсудимаго, могутъ быть имъ обжалованы. Легко отвѣчать возражателямъ: будьте послѣдовательны вашему началу до самаго конца. Вы доказываете, что никто не можетъ быть свидѣтелемъ, кто можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по тому же дѣлу. Въ такомъ случаѣ вычеркните свидѣтелей въ законахъ изъ ряда доказательствъ. Я утверждаю, что въ такомъ случаѣ никто не долженъ быть приводимъ къ присягѣ и допрашиваемъ какъ свидѣтель, потому что по поводу того же дѣла онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности стороною, противъ которой было направлено его показаніе, какъ лжесвидѣтель, а въ законѣ есть наказанія за лживую присягу. Законодатель не только вѣрить въ возможность лжесвидѣтельства, но постоянно озабоченъ предупрежденіемъ преступленія клятвы. Стѣсненіе понятія прикосновенности въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ 8 іюня 1860 года есть явленіе, которому нельзя не радоваться. Оно знаменуетъ несомнѣнный успѣхъ въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ.

Наконецъ *прїязнь* или *непрїязнь*—это такія уиругія понятія, которыя растягиваетъ до крайнихъ предѣловъ наша практика. Относительно этихъ понятій я думаю, что постановленія свода законовъ менѣе опредѣлительны, нежели постановленія Воинскаго Устава 1716 г., изъ котораго заимствованы эти понятія. Воинскій Уставъ не допускалъ къ свидѣтельствуванію только лица, состоящія или состоявшія во враждѣ съ которымъ нибудь изъ тяжущихся. Сводъ законовъ идетъ дальше: причиною отвода онъ считаетъ не только вражду, но и дружбу, но не съ обѣими тяжущимися сторонами, а только съ подсу-

димымъ (2 п. 216 ст.). Практика, ядя еще далѣе свода, устраняеть отъ свидѣтельства не только друзей и недруговъ подсудимаго, но и друзей и недруговъ истцевыхъ. Но что такое дружба? какими признаками ее опредѣлить? между простымъ знакомствомъ и тою крѣпкою связью, которая основывается на единствѣ интересовъ и понятій, на взаимной любви и уваженіи, есть безчисленное множество оттънковъ, которые уловить ни законодатель, ни судья не въ силахъ. Живутъ иногда два лица въ одномъ домѣ, даже общимъ хозяйствомъ встрѣчаются ежедневно, а между тѣмъ сердцами они далеки другъ отъ друга. Наши слѣдователи и судьи дружбою считаютъ даже простое знакомство, хлѣбосоольство, бываніе другъ у друга въ гостяхъ.

Легче, кажется, опредѣлить что такое вражда; это—положительное столкновение двухъ лицъ между собою; но сколько же и она допускаеть произвольныхъ толкованій, если подъ нее станемъ подводить всякія малѣйшія ссоры, и то не только въ настоящемъ, но и въ давно минувшемъ прошедшемъ. Наша практика не требуетъ часто даже и доказательства положительной ссоры; она вражду предполагаетъ даже тамъ, гдѣ былъ только какой нибудь поводъ ко враждѣ, хотя бы обвиненный ничѣмъ не обнаружилъ желанія требовать удовлетворенія за обиду. Есть на свѣтѣ субъекты, которые ни съ кѣмъ не могутъ ужиться, которые и родныхъ надуютъ, и знакомыхъ проведутъ, и такъ опротивѣютъ всѣмъ, что сколько у нихъ знакомыхъ, столько и враговъ. Я полагаю, что въ уголовномъ отношеніи положеніе одного изъ подобныхъ субъектовъ самое лучшее. Посредствомъ драгоценнаго для него понятія о враждѣ онъ ускользаетъ отъ заслуженнаго наказанія. Онъ всѣхъ свидѣтелей отведеть, и самъ докажетъ, что Петра онъ обманулъ, съ Иваномъ когда то поругался, съ Алексѣемъ имѣлъ ябедническій искъ и т. д. Говорятъ, что одно лицо поймано было въ какомъ то законопротивномъ поступ-

къ въ присутствіи двухъ другихъ лицъ; пойманный, не долго думая, засучилъ рукава и далъ одному и другому очевидцамъ пощечину, потомъ сказалъ: извините господа, я долженъ былъ это сдѣлать, — теперь вы не свидѣтели. Онъ былъ вдвойнѣ правъ. Оба очевидца сдѣлались неспособны къ свидѣтельствуванію, и какъ недруги его, и какъ прикосновенные къ дѣлу. Положимъ, они не начали иска о пощечинахъ, но все таки они могли бы начать этотъ искъ и имѣють причину враждовать, претендовать къ обидчику. Если же они начали искъ, то этотъ искъ о пощечинѣ, возникшій по поводу другаго дѣла, по судебному обычаю соединенія въ одно дѣло десяти разнородныхъ происшествій, соединяется съ тѣмъ другимъ дѣломъ и производится съ нимъ вмѣстѣ; истцы превращаются въ прикосновенныхъ къ главному дѣлу; кромѣ того искъ есть уже явное доказательство ихъ вражды.

5. *Классъ неспособныхъ къ свидѣтельствуванію можно называть неспособными при наличности другихъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей.* Къ числу ихъ отнесены: крѣпостные подсудимыхъ люди, и получающіе отъ нихъ пропитаніе и находящіеся у нихъ въ услуженіи. Касательно вольноотпущенныхъ, которыхъ показанія могутъ быть тоже пристрастны по дѣламъ бывшихъ ихъ господъ, то постановленія о семъ закона находятся между собою въ нѣкоторомъ противорѣчій. Въ 216 ст. 2 ч. XV т. безусловно устранены вольноотпущенные противъ прежнихъ своихъ помѣщиковъ и дѣтей ихъ, а въ 222 статьѣ сказано, что они допускаются только при недостаткѣ другихъ свидѣтелей. О помѣщикахъ сказано (222 ст.), что они не устраняются отъ свидѣтельства по дѣламъ о воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, учиненныхъ ихъ крѣпостными людьми. Такъ какъ здѣсь упомянуты только три эти преступленія, то можно было бы предполагать, что по всѣмъ остальнымъ дѣламъ помѣщики не свидѣтели противъ своихъ крѣпостныхъ. Практика однако, сколько мнѣ

извѣстно, не держится подобнаго толкованія, которое было бы буквально точно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не вполне основательно.

Наконецъ послѣдній 4-й классъ *неспособныхъ*, это *неспособные къ свидѣтельствуванію въ некоторыхъ только мѣстностяхъ*. Въ губерніяхъ, гдѣ евреямъ дозволено имѣть постоянное мѣстопробываніе, они допускаются къ свидѣтельствуванію и противъ христіанъ, но въ мѣстахъ, гдѣ имъ не дозволено имѣть мѣстопробываніе, они къ свидѣтельствуванію противъ христіанъ не допускаются и только свидѣлствуютъ по дѣламъ своихъ единовѣрцевъ. И такъ, предположимъ, что здѣсь, въ С. Петербургѣ, гдѣ евреямъ не дозволено имѣть постоянное мѣстопробываніе, но гдѣ весьма недавно дозволено имъ открыть синагогу, гдѣ многіе изъ нихъ живутъ, то занимаясь промыслами и торговлею, то учась въ учебныхъ заведеніяхъ, нашелся какой-нибудь фанатикъ, который насильственно ворвался въ синагогу во время богослуженія, учинилъ помѣшательство этому богослуженію и поруганіе ихъ святынь. Будь сто евреевъ очевидцами происшествія, но самъ преступникъ запрется предъ судомъ, то его освободятъ, потому что еврей не свидѣтели.

Я разсмотрѣлъ первое главное условіе доказательной силы свидѣтельскаго удостовѣренія: личную способность; перейдемъ къ двумъ другимъ условіямъ. *Второе условіе—свидѣтельскія показанія должны быть присяжныя*. Нельзя не сознаться, что обрядъ присяги сильно дѣйствуетъ на умы большинства людей и что эта религіозная гарантія, вмѣстѣ съ гражданскою, состоящею въ наказаніяхъ за лжеприсягу, склоняетъ многихъ къ правдивости. Существенно въ присягѣ призваніе имени Бога, а не внѣшній ея обрядъ. Чѣмъ присяга проще, тѣмъ она доступнѣе всякому. Она и должна быть такова, чтобы ее могъ произнести, не нарушая своихъ убѣжденій, и христіанинъ, и еврей, и магометанинъ и даже язычникъ. Мнѣ кажется, что вполне достаточно присяга, принимаемая англійскими и французскими судьями. Въ Англій она отбирается въ слѣдую-

щихъ словахъ. Судья говоритъ: «вы должны присягнуть, что скажете правду, всю правду, одну только правду, да поможетъ вамъ Богъ!»—свидѣтель отвѣчаетъ: «присягаю». Эта формула тѣмъ болѣе достаточна, что присяга все таки признакъ достовѣрности весьма невѣрный, неточный; у иного чело-вѣка обѣщаніе—золото, а одно слово лучше десяти клятвъ. Другому, сколько онъ ни кляпсь, а вѣрить не хочется, потому что онъ лжець и чело-вѣкъ продажный. Достовѣрность кроет-ся не въ присягѣ, а въ личномъ характерѣ свидѣтели и въ содержаніи показанія, то есть въ согласіи его со всѣми об-стоятельствами дѣла. Законодательство иначе смотритъ на этотъ предметъ. Оно ставитъ достовѣрность показанія въ прямой зависимости отъ присяги. По 334 статьѣ «безприсяжные показанія не имѣютъ вовсе силы доказательства».

Такъ какъ присяжное показаніе есть главный, а иногда и единственный путь установить достовѣрность преступленія, то изъ сего слѣдуетъ, что для успѣшнаго дѣйствія правосудія необходимо, чтобы всѣ тѣ, которые способны свидѣтельство-вать подъ присягою, были допрошены подъ присягою. такъ что если слѣдователь или судъ низшей инстанціи упустилъ это сдѣлать, высшему суду надлежало бы пополнить это опущеніе, допросивъ подъ присягою того же свидѣтеля. Такъ и дѣлается во всѣхъ иностранныхъ судопроизводствахъ. Слѣдственный судья французскій (*juge d' instruction*) допрашиваетъ свидѣтелей безъ присяги; тѣже свидѣтели подъ присягою повторяютъ свои по-казанія предъ судомъ. У насъ хотя законъ рѣшительно умал-чиваетъ объ этомъ предметѣ, но установившійся въ практикѣ обычай воспрещалъ свидѣтельствовать подъ присягою тому, кто разъ уже при слѣдствіи безъ присяги былъ допрошенъ. Этотъ обычай, не основанный ни на одной статьѣ закона, проистекалъ отъ излишняго опасенія клятвеннаго преступленія. Ес-либы въ послѣдующемъ допросѣ свидѣтеля открылись проти-вурѣчія въ словахъ свидѣтеля съ прежнимъ безприсяжнымъ его показаніемъ, то онъ подвергся бы отвѣтственности за разнорѣчіе

въ показаніяхъ. Практика и предполагала, что вторичное показаніе не могло быть свободно, потому что допрашиваемый, если онъ солгалъ при предварительномъ допросѣ, побойлся высказать истину и повторить прежнюю ложь. Этотъ обычай ставилъ исходъ дѣла въ прямой зависимости отъ слѣдователя, то есть отъ производящей слѣдствіе полиціи: Онъ просуществовалъ до послѣднихъ временъ, а именно до наказа судебнымъ слѣдователямъ 8 іюня сего года, въ которомъ (ст. 102 и 103) дано слѣдователямъ право спрашивать подъ присягою лица, которыя были уже допрошены безъ присяги и передопрашивать лица, уже спрошенныя подъ присягою. Эти постановленія наказа слѣдователямъ составляютъ второе важное нововведеніе въ системѣ доказательствъ.

Третье условіе доказательной силы свидѣтельскаго удостовѣренія—*число свидѣтелей*. Одинъ свидѣтель достаточенъ, когда онъ отецъ или мать подсудимаго и чинить показаніе противъ дѣтей, или когда на свидѣтеля общою ссылкой сослались и истецъ и отвѣтчикъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ для установленія полной достовѣрности извѣстнаго факта необходимы по крайней мѣрѣ два свидѣтельскія показанія. *Testis unus testis nullus*, говоритъ каноническое право. Изъ каноническаго права это опредѣленіе перешло въ законодательства свѣтскія, изъ Германіи оно заимствовано Россією. Законодательство предполагаетъ, что одинъ свидѣтель могъ солгать, могъ исказить истину изъ пристрастія къ одной изъ сторонъ, но если два свидѣтельскія показанія согласны, то они повѣряются взаимно и дополняются. Знать, что оба свидѣтеля, дѣлавшіе одновременно наблюденія, говорятъ правду, потому что ихъ показанія совпадаютъ между собою, слѣдовательно согласны съ наблюдаемымъ событіемъ (ст. 329).

Изъ этого общаго правила сводъ законовъ дѣлаетъ однако исключеніе. Есть лица, которымъ по причинѣ ихъ лич-

ныхъ качествъ, законодатель меньше вѣрить и потому удваиваетъ число показаній, необходимыхъ для составленія полнаго доказательства. Такія лица магометане въ Закавказьи и киргизы въ Сибири (ст. 219 и 220). Когда по общему закону достаточно свидѣтельство двухъ человекъ, изъ магометанъ или киргизовъ должно быть не меньше четырехъ. Здѣсь видна попытка регламентировать то, что не подлежитъ регламентаціи, взвѣшивать невѣсомое и чувственнымъ образомъ опредѣлять сверхчувственное. Религія Христіанская несравненно выше ислама, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всякій христіанинъ былъ честнѣе и правственнѣе всякаго магометанина. Кромѣ того замѣтимъ, что это законоположеніе чисто мѣстное и что правоспособность магометанъ зависитъ не только отъ религіозныхъ условій, но и отъ географическихъ. Въ Закавказьи магометанину вѣрятъ вдвое менѣе нежели христіанину, но когда онъ переѣхалъ Кавказскій хребтъ и вступилъ въ предѣлы Россіи Европейской, то тамъ судъ вѣритъ ему столько же, сколько всякому христіанину.

Таковы условія достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Упростивъ работу судьи до простаго ариметическаго счета, законодатель не могъ однако не предвидѣть, что иногда судья можетъ быть поставленъ въ затрудненіе, когда свидѣтели взаимно себя противорѣчатъ, такъ что согласить ихъ нѣтъ никакой возможности. Очевидно, одни изъ нихъ правы, другіе лгутъ. Какъ прійти въ этомъ случаѣ къ положительному результату? Очевидно, судья долженъ употребить въ дѣло свою критическую способность и оцѣнить и характеръ cadaго свидѣтеля и согласіе или несогласіе его показанія съ обстоятельствами дѣла, послѣ чего онъ долженъ болѣе вѣроятное пріять, а менѣе вѣроятное отвергнуть (ст. 332). Но законъ не предоставляетъ этого судѣ и самъ даетъ наставленіе, на какомъ основаніи судья долженъ рѣшить сомнѣніе въ

случаѣ разнорѣчія свидѣтелей Основаніе это состоитъ въ признакахъ чисто наружныхъ. Оно содержится въ статьѣ 333: «при равной степени достовѣрности законныхъ свидѣтелей и въ случаѣ ихъ противорѣчія давать преимущество мужинамъ предъ женщиною, знатному предъ незнатнымъ, ученому предъ неученымъ, духовному предъ свѣтскимъ». . . . .

В.) Миѣ остается сказать нѣсколько словъ о 3-мъ и послѣднемъ *источникѣ* познанія судейскаго: *умозаключеніи*. Сюда относятся всевозможныя такъ называемыя *улики*, то есть всѣ тѣ многообразнѣйшія, многочисленнѣйшія, не подчиняющіяся никакой классификаціи обстоятельства, состоящія въ связи съ совершеннымъ преступленіемъ, которыя прямо указываютъ на извѣстное лицо, какъ на вѣроятнаго преступника, изъ которыхъ логически слѣдуетъ выводъ, что это онъ, а не кто либо другой виноватъ. Они лучи свѣта, проясняющіе для судьи темный вопросъ о винѣ. Они ложатся на извѣстномъ лицѣ подозрѣніемъ; чѣмъ ихъ больше, тѣмъ подозрѣніе сильнѣе; чѣмъ менѣе можетъ отклонить ихъ отъ себя подсудимый, тѣмъ вѣроятнѣе становится подозрѣніе; наконецъ эта вѣроятность превращается въ полную достовѣрность, когда подсудимый не имѣетъ никакой возможности оправдаться. Подсудимый былъ, положимъ, во враждѣ съ убитымъ, онъ грозилъ, что убьетъ его; подсудимаго видѣли близъ мѣста совершенія убійства и вскорѣ послѣ совершенія съ окровавленнымъ ножомъ, на немъ самомъ нашли кровавыя пятна; въ его карманѣ наконецъ отысканъ бумажникъ, принадлежавшій убитому: всѣ эти обстоятельства только улики, но совокупность ихъ можетъ составлять основаніе, столь же прочное для присужденія виновнаго къ наказанію, какъ и собственное признаніе или свидѣтельскія показанія.

Но допущеніе уликъ въ рядъ доказательствъ требуетъ со стороны судьи особой силы соображенія. Подъ словомъ *улики* сводъ законовъ вообще разумѣтъ всѣ несовершенныя доказа-

тельства, которымъ для полной силы ихъ чего-нибудь не достаетъ. Такимъ образомъ и повальный обыскъ, не одобренный подсудимаго—улика, и оговоръ—улика, и присяжное показаніе одного только свидѣтеля—улика, и собственное внѣ судебное признаніе подсудимаго и поличное—улики (ст. 343). Улики сами по себѣ взятыя, сколько бы ихъ ни было, не могутъ составить совершеннаго доказательства (ст. 241); онѣ навлекаютъ только подозрѣніе по статьѣ 341. Я знаю, что практика отступаетъ отъ этого правила, я знаю, что судьи наши приговариваютъ иногда къ наказанію, когда съ однимъ какимъ нибудь несовершеннымъ доказательствомъ соединяется множество уликъ, но онѣ дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ не на основаніи постановленій закона.

Я кончилъ, милостивые государи. Я разобралъ весь механизмъ нашей системы доказательствъ. Когда строить домъ, то ставить обыкновенно лѣса, втыкаютъ столбы, соединяютъ ихъ перекладинами, и эти внѣшнія сооруженія остаются до тѣхъ поръ, пока не выстроено зданіе. Петровская система доказательствъ можетъ быть превосходно уподоблена этимъ лѣсамъ. Ее нужно было поставить, нужно было дать судьямъ механическія средства и пособія, которыя бы имъ содѣйствовали къ болѣе правильному творенію суда и расправы. Полтора ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, обстоятельства перемѣнились, зданіе подвинулось впередъ, стѣны выведены и держатся сами своею собственною устойчивостію и держатся будутъ даже и по снятіи лѣсовъ, по разобраніи искусственныхъ внѣшнихъ подпорокъ. Судъ сдѣлался возможенъ на болѣе рациональныхъ основаніяхъ. Какія могутъ быть эти основанія,—это постараюсь я изъяснить въ будущей моей бесѣдѣ.

В. СПАСОВИЧЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

О ПОСТАНОВЛЕНИИ ВОПРОСОВЪ

И ПОРЯДКЪ СОБИРАНИЯ ГОЛОСОВЪ

ПРИ РѢШЕНИИ ДѢЛЪ.

Въ 1859 году, во второй книгѣ Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, помѣщены замѣчанія г. Заруднаго объ отдѣленіи вопросовъ о фактѣ и правѣ въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ.

Въ статьѣ этой г. Зарудный, принимая 122 ст. учр. Сен. (св. 1857 г. т. I ч. II) за указаніе на отдѣленіе вопросовъ о спорныхъ обстоятельствахъ дѣла отъ вопросовъ о примѣненіи закона, выводитъ необходимость отдѣльнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ изъ самаго значенія судебного рѣшенія, какъ силлогизма, въ которомъ первая часть есть событіе, вторая законъ, а третья—положеніе суда.

По мнѣнію его, вопросъ о фактѣ долженъ быть разрѣшенъ прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ разсмотрѣнію вопроса о приложеніи закона. При этомъ г. Зарудный, объясняя примѣрами, что могутъ быть случаи, въ коихъ отдѣльное разсмотрѣніе факта и права даетъ въ выводѣ рѣшеніе въ пользу отвѣтника, а совокупное ихъ разсмотрѣніе приведетъ къ рѣшенію въ пользу истца, заключаетъ, что при смѣшеніи вопросовъ о фактѣ и правѣ, положительное или отрицательное разрѣшеніе иска можетъ зависѣть отъ произвола предсѣдателя суда, постановляющаго вопросы.

Въ текущемъ году, въ первомъ выпускѣ Юридическаго Вѣстника, появилась статья г. Рѣпинскаго, заключающая въ себѣ возраженія противъ указаннаго г. Заруднымъ порядка постановки вопросовъ и собиранія голосовъ при рѣшеніи дѣлъ. Возраженія эти сводятся къ слѣдующимъ доводамъ:

1) Хотя графъ Сперанскій, какъ видно изъ записки, писанной имъ въ 1827 году, держался тогда того мнѣнія, что, при постановленіи судебныхъ рѣшеній, вопросы, относящіеся къ существу дѣла (*au fait*), должны быть предлагаемы и разрѣшаемы прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ разсмотрѣнію тѣмъ же порядкомъ вопросовъ, относящихся къ приложенію закона (*au droit*); но впоследствии, вѣроятно, отступилъ отъ этого мнѣнія, потому что въ изданныхъ, въ 1832 году, правилахъ о порядкѣ сужденія и рѣшенія дѣлъ въ Сенатѣ не упоминается объ отдѣльномъ разрѣшеніи вопросовъ о фактѣ и правѣ, а сказано только, что вопросы о существѣ дѣла должны съ одной стороны обнять всѣ главные обстоятельства, раскрывающія его сущность, а съ другой опредѣлить, какое должно быть сдѣлано примѣненіе къ нимъ закона (ст. 122 учред. Сен.).

2) Со времени изданія этихъ правилъ, Правительствующій Сенатъ примѣнился къ предписанному ими порядку предложенія вопросовъ и собиранія голосовъ, и ни сомнѣнія въ правильности этого порядка, ни затрудненія въ его приложеніи, сколько извѣстно г. Рѣпинскому по служенію его въ канцеляріи Сената,—не возникало, не смотря на то, что въ Сенатѣ по существу дѣла предлагается обыкновенно одинъ общій вопросъ: не слѣдуетъ ли признать искъ правильнымъ или неправильнымъ, и вслѣдствіе того присудить то или то?

3) Во всякомъ гражданскомъ дѣлѣ какъ для тяжущихся, такъ и для правительства, единственно важнымъ представляется вопросъ: кто правъ—истецъ или отвѣчикъ? Поэтому непремѣннымъ условіемъ правильности рѣшенія суда есть то, что оно должно заключать въ себѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ,

а не на одни отдѣльные, безъ всякой связи между собою, вопросы, выставляемые съ одной стороны тяжбою, а съ другой существующими на извѣстные случаи законамъ. Гдѣ нѣтъ ни логической связи между вопросами, ни логическаго вывода изъ этой связи, тамъ и рѣшеніе не есть, какъ предполагаетъ г. Зарудный, силлогизмъ, въ которомъ бы первая часть была событіе, вторая—законъ, а результатъ—положеніе суда; напротивъ того, оно заключаетъ въ себѣ какъ бы два совершенно отдѣльныя рѣшенія. Для всякаго участвующаго въ тяжбѣ нѣтъ никакой необходимости знать, разномыслятъ ли судьи по отдѣльнымъ вопросамъ, вытекающимъ изъ его дѣла, или ихъ мнѣнія вполне согласны; ему пужно лишь, чтобы предметъ тяжбы былъ разрѣшенъ, чтобы ему логически доказали, что онъ правъ или неправъ, а потому—то онъ имѣетъ полное право требовать: 1) чтобы сверхъ отдѣльнаго разрѣшенія помянутыхъ вопросовъ, они были бы рассмотрѣны и въ совокупности, т. е. чтобы была опредѣлена связь ихъ между собою, и 2) чтобы въ основаніе положенія суда приняты были не суммы голосовъ судей, составившіяся по отдѣльнымъ вопросамъ, а сумма ихъ по одному общему вопросу: на чьей сторонѣ право? Въ способѣ отдѣльнаго рассмотрѣнія вопросовъ заключается полная свобода выказаться тому произволу, котораго такъ опасается г. Зарудный. Тутъ предсѣдатель суда имѣетъ полную возможность направить разрѣшеніе дѣла согласно своему желанію, и чрезъ раздѣленіе вопросовъ докажетъ, что хотя вы и правы, но все таки проигрываете процессъ.

Вотъ два совершенно различныя мнѣнія о порядкѣ составленія судебныхъ рѣшеній. Мнѣнія эти различны какъ въ толкованіи существующаго по этому предмету закона (122 ст. учр. Сен.), такъ и въ сужденіяхъ о томъ, какой изъ двухъ разсматриваемыхъ порядковъ собиранія голосовъ болѣе соответствуетъ истинному значенію судебного рѣшенія.

Оставляя въ сторонѣ всѣ догадки о степени участія графа Сперанскаго въ изданіи правилъ о постановленіи вопросовъ и порядкѣ собиранія голосовъ, при рѣшеніи дѣлъ въ Сенатѣ, остановимся лишь на содержаніи этихъ правилъ.

Въ этомъ отношеніи изъ самаго текста ихъ оказывается: а., что вопросы о существѣ дѣла должны съ одной стороны обнять всѣ главныя обстоятельства, раскрывающія его сущность, а съ другой опредѣлить, какое должно быть сдѣлано примѣненіе къ нимъ законовъ; б., что голоса подлежатъ собирать по вопросамъ, и направлять отвѣты къ рѣшительному слову (положительному или отрицательному) и в., что по собраніи голосовъ по всѣмъ вопросамъ, первоприсутствующій долженъ объявить по каждому изъ нихъ перечень отвѣты положительные или отрицательные, и по всѣмъ вопросамъ—принятое заключеніе (учр. Сен. ст. 122 п. 3, 9, 10, 12, 14, 16 и 17).

По нашему крайнему разумѣнію, въ этихъ положеніяхъ нельзя не признать совершенно яснаго указанія на отдѣльное разрѣшеніе каждаго изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣломъ, а тѣмъ болѣе основныхъ вопросовъ о фактѣ и правѣ, которые прямо противопоставлены одинъ другому. Поэтому мы не находимъ въ законѣ, изданномъ въ 1832 году, существеннаго измѣненія первоначальныхъ предположеній графа Сперанскаго о порядкѣ сужденія и рѣшенія дѣлъ въ Сенатѣ. Правда, что въ предположеніяхъ графа Сперанскаго фактическая сторона процесса называлась существомъ дѣла, а сторона юридическая приложеніемъ закона; въ приведенномъ же выше текстѣ понятія о фактѣ и правѣ подведены подъ высшее о существѣ дѣла понятіе, которому дано значеніе обѣихъ сторонъ дѣла,—и фактической, представляющей главныя обстоятельства дѣла, и юридической, состоящей въ примѣненіи къ нимъ закона.

Но здѣсь обнаруживается только измѣненіе редакціи, которая въ текстѣ закона приведена къ болѣе простому способу изложенія, усвоенному себѣ нашимъ законодательствомъ. Нельзя

притомъ сказать, чтобы это измѣненіе было неудачно, потому-что существо дѣла дѣйствительно объемлетъ обѣ стороны его, и фактическую, и юридическую, а не состоитъ въ однихъ фактахъ, которымъ на юридическомъ языкѣ нашей судебной практики усвоено названіе обстоятельствъ дѣла. Если бы даже дѣйствительно, при рѣшеніи дѣлъ въ гражданскихъ департаментахъ Сената, предлагаемо было обыкновенно только одинъ общій вопросъ объ уважительности иска, въ чемъ г. Рѣпинскій не представляетъ никакихъ удостовѣреній, кромѣ своего личнаго служебнаго опыта, то и въ такомъ случаѣ не возникновеніе изъ этого порядка составленія рѣшеній никакихъ сомнѣній или затрудненій ничего не доказывало бы противъ замѣчаній г. Заруднаго.

Въ департаментахъ Сената рѣшенія тогда только считаются окончательными, когда они единогласны и когда приняты оберъ-прокуроромъ (учр. Сен. ст. 237), а этими условіями устраняются указанные г. Заруднымъ случаи неправильной комбинаціи голосовъ, которая не можетъ не обнаружиться при повѣркѣ сенатскаго рѣшенія оберъ-прокуроромъ, какъ лицомъ, подающимъ свое мнѣніе самостоятельно и независимо отъ большинства голосовъ. При томъ замѣчанія г. Заруднаго касались порядка составленія рѣшеній не въ Правительствующемъ Сенатѣ исключительно, но вообще въ судебныхъ мѣстахъ, изъ коихъ уѣздныя и губернскія, какъ извѣстно, рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ.

Въ настоящее время, въ виду законодательныхъ работъ по составленію новаго устава гражданскаго судопроизводства, заслуживаетъ особеннаго вниманія не только точное опредѣленіе смысла существующаго закона о порядкѣ постановленія судебныхъ рѣшеній, но и всякое изслѣдованіе, касающееся этого порядка. Вотъ почему статьи г.г. Заруднаго и Рѣпинскаго имѣютъ вполне современный интересъ, увеличивающійся еще отъ противоположности ихъ мнѣній на счетъ разсматриваемаго ими предмета. Дѣйствительно, если могутъ быть случаи,

въ конхъ разрѣшеніе дѣла въ пользу истца или отвѣтчика зависить исключительно отъ того, будутъ ли вопросы о фактѣ и правѣ разсматриваемы раздробительно или совокупно, то не страннымъ ли покажется, что мнѣнія юристовъ еще не установились на счетъ постановленія рѣшеній тѣмъ или другимъ порядкомъ? Казалось бы, что на предметъ, могущій имѣть столь безусловное вліяніе на исходъ процесса, должно бы существовать несомнѣнное правило, въ родѣ юридической аксіомы.

Впрочемъ приведенныя выше статьи нашихъ юристовъ писаны ими, какъ кажется, въ видѣ летучихъ замѣтокъ, и потому далеко не исчерпываютъ предмета ихъ спора. Читая эти статьи, невольно задаешь себѣ вопросы: 1) чѣмъ объясняется то явленіе, что судьи, не измѣняя своихъ убѣжденій, рѣшаютъ одно и то же дѣло въ противоположномъ смыслѣ, смотря по тому, какимъ порядкомъ разсматриваютъ фактъ и право, раздробительно или совокупно? 2) Неужели такое поразительное явленіе никакъ не было замѣчено до указація на него въ 1859 году, въ одномъ изъ нашихъ юридическихъ журналовъ, и вовсе не обращало на себя вниманіе иностранныхъ юристовъ, на мнѣнія которыхъ гг. Зарудный и Рѣшинскій не ссылаются? 3) если оба порядка составленія рѣшеній, приводящіе къ противоположнымъ результатамъ, не могутъ быть правильными, какъ не могутъ быть правыми обѣ тяжущіяся стороны въ одномъ и томъ же дѣлѣ, то въ чемъ же заключается критерій правильности одного и неправильности другаго порядка?

Мы постараемся дать отвѣтъ на эти вопросы по мѣрѣ нашихъ силъ и свѣдѣній, не принимая на себя обязательства представить полный обзоръ мнѣній извѣстныхъ юристовъ о порядкѣ собиранія голосовъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

Начнемъ съ примѣровъ, обнаруживающихъ то явленіе, на которое обращалъ вниманіе русскихъ юристовъ г. Зарудный.

Возьмемъ слѣдующій случай:

По смерти бездѣтнаго вотчинника осталось благопріобрѣтенное имѣніе, во владѣніе которымъ былъ введенъ родной его братъ; но, до истеченія установленнаго срока для предъявленія правъ къ наслѣдству, нѣкто, называя себя единокровнымъ братомъ умершаго, открываетъ тяжбу о принадлежности ему половины того имѣнія, на томъ основаніи, что въ боковыхъ линіяхъ имѣніе благопріобрѣтенное поступаетъ въ родъ отца умершаго владѣльца, а въ этомъ родѣ онъ, истецъ, состоитъ въ одной линіи и въ той же степени родства съ умершимъ, какъ и родной братъ послѣдняго. Отвѣтчикъ оспариваетъ притязанія истца, какъ въ фактѣ, доказывая, что истецъ рожденъ внѣ брака, и потому не есть законный единокровный братъ умершему владѣльцу, такъ и въ правѣ, объясняя, что въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имущества братья и сестры единокровные и одноутробные предпочитаютъ прочимъ родственникамъ умершаго владѣльца, не оставившаго родныхъ братьевъ и сестеръ, но не могутъ наслѣдовать при сихъ послѣднихъ.

По содержанію доводовъ истца и отвѣтника, разрѣшенію суда подлежатъ два вопроса: 1) существуетъ ли спорный фактъ, т. е. доказалъ ли истецъ, что онъ есть законный единокровный братъ умершаго владѣльца? 2) Проистекаетъ ли изъ этого факта то право, котораго домогается истецъ,—право участія его въ наслѣдствѣ на одинаковомъ основаніи съ отвѣтникомъ?

Положимъ, что въ судѣ, состоящемъ изъ трехъ членовъ, при собираніи голосовъ по каждому вопросу отдѣльно, отзывались: по вопросу о фактѣ, первый судья отрицательно, прочіе—утвердительно, а по вопросу о правѣ, первый и второй судьи—утвердительно, третій—отрицательно.

Такимъ образомъ составилось бы большинство: по фактическому вопросу—изъ голосовъ втораго и третьяго, а по вопросу юридическому—изъ голосовъ перваго и втораго су-

дей. Слѣдовательно, мнѣніе втораго судьи вошло бы въ составъ обѣихъ частей рѣшенія, а мнѣніе каждаго изъ двухъ другихъ судей принято было бы въ составъ только одной части рѣшенія. Какъ бы то ни было, но изъ опредѣленія большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного: во первыхъ, что истецъ есть дѣйствительно законный единокровный братъ умершаго владѣльца, а во вторыхъ, что такое родство даетъ ему право на участіе въ наслѣдствѣ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ и на одинаковомъ основаніи, слѣдовало бы вывести заключеніе, что тяжба истца подлежитъ удовлетворенію.

Теперь положимъ, что тѣмъ же судьямъ предложень одинъ общій вопросъ: заслуживаетъ ли тяжба истца уваженія? Оставаясь при прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ, они стали бы разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Первый судья: такъ какъ истецъ не доказалъ, что онъ законный единокровный братъ умершаго владѣльца, то, не смотря на равенство правъ единокровнаго и роднаго братьевъ въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, истцу слѣдуетъ отказать въ тяжбѣ.

Второй судья: истецъ представилъ достаточныя доказательства въ томъ, что онъ законный единокровный братъ умершаго владѣльца, а въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ братья единокровный и родной имѣютъ одинаковыя права, почему тяжбу истца слѣдуетъ уважить.

Третій судья: хотя истецъ доказалъ, что онъ законный единокровный братъ умершаго владѣльца, но въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ братья родные предпочитаютъ единокровнымъ, почему въ тяжбѣ истца слѣдуетъ отказать.

Такимъ образомъ изъ мнѣній перваго и третьаго судей составилось бы большинство голосовъ объ отказѣ истцу въ тяжбѣ. Но такъ какъ эти судьи пришли къ одинаковому заключенію отъ различныхъ основаній, именно: первый судья

отъ бездоказательности факта, что истецъ есть законный единокровный братъ умершаго владѣльца, а третій судья—отъ предпочтенія, оказываемаго закономъ родному брату предъ единокровнымъ въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, то само собою разумѣется, что по такому большинству голосовъ тогда только можетъ состояться рѣшеніе, когда судьи, мнѣнія коихъ вошли въ составъ большинства, согласятся между собою въ основаніяхъ своего заключенія; потому что всякое рѣшеніе должно быть приведено къ его основаніямъ, безъ чего оно не могло бы имѣть силы разумнаго и законнаго акта. Оставимъ на время въ сторонѣ это замѣчаніе и остановимся лишь на томъ явленіи, что въ настоящемъ случаѣ, по одному и тому же дѣлу и безъ измѣненія судьями своихъ убѣжденій, первый порядокъ постановки вопросовъ и собиранія голосовъ привелъ судъ къ признанію большинствомъ голосовъ тяжбы уважительною, а второй порядокъ далъ по большинству же голосовъ совершенно противоположное заключеніе о неуважительности тяжбы. Это явленіе объясняется слѣдующимъ образомъ:

Во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ исходъ процесса въ пользу истца обуславливается обоими вопросами о фактѣ и правѣ, истецъ можетъ лишь тогда выиграть процессъ, когда въ пользу его будутъ разрѣшены оба эти вопроса. При разрѣшеніи въ пользу его только одного изъ означенныхъ вопросовъ, искъ его не имѣлъ бы или фактическаго, или юридическаго основанія; слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ былъ бы проигранъ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ, для выигранія тяжбы, требуется, чтобы оба вопроса о фактѣ и правѣ разрѣшены были утвердительно, т. е. чтобы признано было судомъ: во первыхъ, что истецъ есть законный единокровный братъ умершаго владѣльца, а во вторыхъ, что законы о наслѣдствѣ въ боковыхъ линіяхъ предоставляютъ братьямъ роднымъ и единокровнымъ одинаковыя права въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Понятно, что въ томъ порядкѣ по-

становленія рѣшеній, при которомъ голоса отбираются по каждому вопросу отдѣльно, и коллективною властью суда опредѣляются самыя основанія тяжбы, или послылки судебного силлогизма, составляющагося изъ связи отвѣтовъ, данныхъ на каждый вопросъ, для выигранія истцемъ тяжбы въ настоящемъ случаѣ достаточно, чтобы мнѣнія трехъ судей, участвующихъ въ сужденіи дѣла, заключали въ себѣ по крайней мѣрѣ два утвердительные отвѣта на каждый изъ вопросовъ о фактѣ и правѣ, но не требуется, чтобы утвердительные отвѣты по обоимъ вопросамъ принадлежали однимъ и тѣмъ же судьямъ. Напротивъ, въ томъ порядкѣ постановленія рѣшеній, при которомъ основанія тяжбы или послылки судебного силлогизма опредѣляются каждымъ судьей отдѣльно, а коллективною властью суда разрѣшается только одинъ общій вопросъ объ окончательномъ по тяжбѣ заключеніи, необходимо, для выигранія тяжбы въ томъ же случаѣ, чтобы по крайней мѣрѣ два утвердительные отвѣта по каждому вопросу о фактѣ и правѣ принадлежали однимъ и тѣмъ же судьямъ. Поэтому оба порядка лишь тогда приведутъ къ одинаковому заключенію въ пользу истца, когда изъ трехъ судей по крайней мѣрѣ двое отзовутся утвердительно на оба вопроса о фактѣ и правѣ; во всѣхъ же случаяхъ, въ коихъ при утвердительномъ отвѣтѣ на оба вопроса котораго либо судьи, каждый изъ остальныхъ судей отзовется по одному вопросу утвердительно, а по другому отрицательно, рѣшенія, состоявшіяся тѣмъ и другимъ порядкомъ, будутъ въ прямой противоположности, а именно первый порядокъ дастъ рѣшеніе въ пользу истца, а второй порядокъ—рѣшеніе въ пользу отвѣтчика.

Возьмемъ для примѣра такой искъ, для выигранія котораго необходимо отрицательное разрѣшеніе судомъ обоихъ вопросовъ о фактѣ и правѣ.

Нѣкто отыскиваетъ поклажи по сохранный роспискѣ, выданной за десять лѣтъ до начатія иска. Отвѣтчикъ оспари-

васть искъ, представляя доводы о возвращеніи поклажи, и о недействительности сохранной росписки, за давностію. Но истецъ отрицаетъ возвращеніе ему поклажи и объясняетъ непримѣняемость земской давности къ сохраннымъ роспискамъ.

По содержанію доводовъ тяжущихся сторонъ, разрѣшенію суда подлежатъ два вопроса: 1) доказанъ ли спорный фактъ возвращенія поклажи? 2) Примѣняется ли законъ о давности къ сохраннымъ роспискамъ?

Положимъ, что въ судѣ, состоящемъ изъ трехъ членовъ, при собираніи голосовъ по каждому вопросу отдѣльно, отозвались: по вопросу о фактѣ, первый судья утвердительно, второй и третій отрицательно, а по вопросу о приложеніи закона, первый и второй судьи отрицательно, — третій утвердительно.

Такъ какъ оба вопроса, фактической и юридической, разрѣшены большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного отрицательно, т. е. тѣмъ, что возвращеніе поклажи не доказано, и что законъ о давности къ сохраннымъ роспискамъ не примѣняется, то хотя большинство голосовъ принадлежитъ не однимъ и тѣмъ же судьямъ по обоимъ вопросамъ, однако за такимъ опредѣленіемъ коллективною властью суда основаній иска, или посылокъ судебного силлогизма, заключеніе суда можетъ состоять только въ томъ, чтобы уважить искъ.

Теперь положимъ, что тѣ же судьи, соединивъ оба вопроса въ одинъ, — заслуживаетъ ли искъ уваженія, — стали бы выводить каждый отдѣльно свое заключеніе. Оставаясь при прежнихъ убѣжденіяхъ, они разсуждали бы слѣдующимъ образомъ:

Первый судья: возвращеніе поклажи отъ принимателя къ вѣрителю доказано, а потому хотя давность къ сохраннымъ роспискамъ не примѣняется, однако тѣмъ не менѣе истцу слѣдуетъ отказать въ искѣ.

Второй судья: такъ-какъ возвращеніе поклажи не доказано,

и давность къ сохранимымъ роспискамъ не примѣняется, то искъ слѣдуетъ уважить.

Третій судья: хотя возвращеніе поклажи не доказано, однако за давностію, которая примѣняется ко всемъ сдѣлкамъ, слѣдовательно и къ договору о поклажѣ, истцу слѣдуетъ отказать въ искѣ.

Такимъ образомъ, изъ мнѣній перваго и третьяго судей, пришедшихъ къ одинаковому заключенію отъ различныхъ основаній, одинъ отъ фактическаго, а другой отъ юридическаго, составилось бы большинство голосовъ объ отказѣ въ искѣ, т. е. полученъ былъ бы выводъ, совершенно противоположный тому, къ которому привелъ первый способъ постановки вопросовъ и собиранія голосовъ; но рѣшеніе по этому большинству голосовъ могло бы состояться лишь при соглашеніи обоихъ судей въ основаніяхъ ихъ заключенія.

Очевидно, что и этотъ примѣръ представляетъ не единственно возможную комбинацію голосовъ, при которой отъ составленія рѣшенія тѣмъ или другимъ порядкомъ зависить заключеніе въ пользу истца или въ пользу отвѣтчика. Если для выигранія иска необходимо отрицательное разрѣшеніе судомъ вопросовъ о фактѣ и правѣ, то оба порядка составленія рѣшеній приведуть къ одинаковому заключенію въ пользу истца лишь тогда, когда на оба вопроса о фактѣ и правѣ, изъ трехъ судей, по крайней мѣрѣ двое отзовутся отрицательно; во всѣхъ же случаяхъ, въ коихъ при отрицательномъ отвѣтѣ на оба вопроса одного судьи, каждый изъ остальныхъ судей дастъ по одному вопросу утвердительный, а по другому вопросу отрицательный отвѣтъ, рѣшенія, состоявшіяся тѣмъ и другимъ порядкомъ, будутъ въ прямой противоположности, и именно рѣшеніе первымъ порядкомъ будетъ въ пользу истца, а рѣшеніе вторымъ порядкомъ окажется въ пользу отвѣтчика.

Возьмемъ еще для примѣра такую тяжбу, для выигранія которой истцемъ необходимо разрѣшеніе одного вопроса отрицательно, а другаго утвердительно.

Къ имѣнію, перешедшему послѣ смерти владѣльца къ его наслѣднику по закону, нѣкто предъявляетъ свои права, основываясь на домашнемъ завѣщаніи, сдѣланномъ въ пользу его умершимъ владѣльцемъ. Отвѣтчикъ оспариваетъ подлинность завѣщанія, и законность завѣщательнаго распоряженія, какъ состоящаго въ переводѣ родоваго имѣнія въ чужой родъ. Но истецъ опровергаетъ показанія отвѣтчика какъ о подложности завѣщанія, такъ и о родовомъ свойствѣ завѣщаннаго имѣнія.

По содержанію доводовъ истца и отвѣтчика, разрѣшенію суда подлежатъ два вопроса: 1) слѣдуетъ ли признать завѣщаніе подлиннымъ? 2) Доказано ли родовое свойство завѣщаннаго имѣнія?

Положимъ, что въ судѣ, состоящемъ изъ трехъ судей, при собираніи голосовъ, отозвались: по вопросу о подлинности завѣщанія, первые два судьи утвердительно, третій отрицательно, а по вопросу о родовомъ свойствѣ имѣнія, первый и третій судьи отрицательно, второй утвердительно.

Такъ-какъ большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного разрѣшено: во первыхъ, что завѣщаніе слѣдуетъ признать подлиннымъ, а во вторыхъ, что родовое свойство завѣщаннаго имѣнія не доказано, то, при отдѣльномъ разрѣшеніи коллективною властью суда каждаго вопроса, заключеніе будетъ въ пользу истца.

Напротивъ того, если каждый судья станетъ, независимо отъ своихъ товарищей, выводить заключеніе изъ собственныхъ своихъ отвѣтовъ, то одинъ только первый судья, какъ признавшій подлинность завѣщанія и бездоказательность возраженія о родовомъ происхожденіи завѣщаннаго имущества, дастъ заключеніе въ пользу истца, а затѣмъ второй судья, считая завѣщаніе подлиннымъ, но признавая завѣщанное имѣніе родовымъ, и третій судья, не признавая спорнаго имѣнія родовымъ, но приэтомъ отвергая подлинность завѣщанія, дадутъ заключенія въ пользу отвѣтчика.

Такимъ образомъ по большинству двухъ голосовъ противъ одного получено будетъ заключеніе, прямо противоположное предъидущему выводу; но рѣшеніе этимъ порядкомъ можетъ состояться только при соглашеніи судей, образующихъ большинство, въ основаніяхъ ихъ заключенія.

Согласно съ этимъ примѣромъ, во всякомъ искѣ, для выигранія коего требуется, чтобы одинъ вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно, оба порядка составленія рѣшеній тогда лишь приведутъ къ одинаковому заключенію въ пользу истца, когда голоса расположатся не только соответственно этому требованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, что въ мнѣніяхъ по крайней мѣрѣ двухъ судей за утвердительнымъ отвѣтомъ по одному вопросу будетъ слѣдовать отрицательный отвѣтъ по другому вопросу, и наоборотъ; во всѣхъ же случаяхъ, въ конхъ встрѣчается первое условіе, но не встрѣчается втораго, рѣшенія, состоявшіяся тѣмъ и другимъ порядкомъ, будутъ въ прямой противоположности, т. е. рѣшеніе, состоявшееся порядкомъ собранія голосовъ по частнымъ вопросамъ, будетъ въ пользу истца, а рѣшеніе, послѣдовавшее по общему вопросу объ уважительности иска, окажется въ пользу отвѣтчика.

Доселѣ мы разсматривали только такія дѣла, въ конхъ исходъ процесса въ пользу истца обуславливался всѣми возбужденными по дѣлу вопросами. При этомъ во всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ противоположности рѣшеній, получаемыхъ тѣмъ и другимъ порядкомъ собранія голосовъ, противоположность эта выражалась рѣшеніемъ въ пользу истца, при собраніи голосовъ по частнымъ вопросамъ о фактѣ и правѣ, и рѣшеніемъ въ пользу отвѣтчика, при собраніи голосовъ по общему вопросу объ уважительности иска.

Совсѣмъ иное явленіе представляютъ тѣ дѣла, въ конхъ каждый вопросъ имѣетъ самостоятельное и независимое отъ другихъ вопросовъ вліяніе на исходъ процесса въ пользу ист-

ца. Къ этой категоріи принадлежатъ примѣрныя дѣла, приведенныя въ статьѣ г. Заруднаго.

Въ первомъ дѣлѣ о пожизненной записи на недвижимое имѣніе отвѣтчикъ ограждаетъ свое право силою закона о давности, а истецъ опровергаетъ возраженія отвѣтчика по двумъ основаніямъ.

1.) Что отвѣтчикъ не владѣлъ имѣніемъ въ теченіе десяти лѣтъ.

2.) Что законъ о давности не примѣняется къ дѣламъ о пожизненномъ владѣніи.

Изъ доводовъ тяжущихся возникаютъ два вопроса:

Фактическій: владѣлъ ли отвѣтчикъ имѣніемъ въ теченіе десяти лѣтъ?

Юридическій: примѣняется ли законъ о давности къ пожизненному владѣнію?

Очевидно, что истецъ выиграетъ эту тяжбу при отрицательномъ разрѣшеніи не только обоихъ вопросовъ, но и котораго либо одного изъ нихъ, независимо отъ того, въ какомъ смыслѣ будетъ разрѣшенъ другой вопросъ. Если будетъ признано, что отвѣтчикъ не владѣлъ спорнымъ имѣніемъ въ теченіе десяти лѣтъ, то оно должно быть присуждено истцу независимо отъ того, примѣняется ли давность къ пожизненному владѣнію или не примѣняется. Равномѣрно если будетъ признано, что давность къ пожизненному владѣнію не примѣняется, то спорное имѣніе также должно быть присуждено истцу, независимо отъ того, владѣлъ ли отвѣтчикъ этимъ имѣніемъ въ теченіе десяти лѣтъ или не владѣлъ. Отсюда видно, что если, при трехъ судьяхъ, двое дадутъ отрицательный отзывъ на который либо изъ постановленныхъ вопросовъ, то порядокъ собиранія голосовъ по частнымъ вопросамъ неминуемо приведетъ къ рѣшенію въ пользу истца, а также не можетъ быть иного рѣшенія и въ порядкѣ собиранія голосовъ по общему вопросу объ уважительности требованій истца; потому

что въ мѣнѣи каждаго судьи отрицательное разрѣшеніе одного изъ помянутыхъ вопросовъ дать заключеніе въ пользу истца, независимо отъ того, въ какомъ смыслѣ будетъ разрѣшенъ другой вопросъ; слѣдовательно при двухъ мѣнѣяхъ, вмѣняющихъ такое основаніе, необходимо составится большинство въ пользу истца. Напротивъ того, если въ приведенномъ примѣрѣ рѣшеніе послѣдуетъ первымъ порядкомъ въ пользу отвѣтчика, т. е. если изъ трехъ судей двое дадутъ по каждому изъ постановленныхъ вопросовъ утвердительный отзывъ; то нельзя сказать, чтобы и вторымъ порядкомъ рѣшеніе состоялось непременно въ пользу отвѣтчика, потому что въ мѣнѣи судьи, выводящаго своимъ лицомъ отдѣльное заключеніе изъ обѣихъ судебныхъ посылокъ, утвердительное разрѣшеніе одного вопроса въ сочетаніи съ отрицательнымъ разрѣшеніемъ другаго вопроса дастъ выводъ не въ пользу отвѣтчика, но въ пользу истца. Поэтому оба порядка составленія рѣшеній тогда лишь приведутъ къ одинаковому заключенію въ пользу отвѣтчика, когда утвердительные отзывы по обоимъ вопросамъ будутъ даны одними и тѣми же судьями; во всѣхъ же случаяхъ, въ концѣ при утвердительномъ отзывѣ котораго либо судьи на оба вопроса, каждый изъ остальныхъ судей дастъ утвердительный отзывъ по одному вопросу и отрицательный по другому, рѣшеніе состоится первымъ порядкомъ въ пользу отвѣтчика, а вторымъ порядкомъ въ пользу истца.

Въ вышеприведенномъ примѣрномъ дѣлѣ о пожизненной записи на недвижимое имѣніе, г. Зарудный представляетъ точно такое распредѣленіе голосовъ, приписывая третьему судей утвердительный отзывъ на оба вопроса, а первому и второму судьямъ на одинъ вопросъ утвердительный, на другой отрицательный отзывъ. Вслѣдствіе того въ дѣлѣ этомъ порядокъ собиранія голосовъ по частнымъ вопросамъ приводитъ къ рѣшенію въ пользу отвѣтчика, а порядокъ собиранія голосовъ по одному общему вопросу дастъ рѣшеніе въ пользу истца.

Мы не послѣдуемъ за г. Заруднымъ въ объясненіи втораго изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, въ которомъ истецъ опровергаетъ завѣщаніе какъ по формѣ, такъ и по существу. Изъ представленныхъ въ этомъ примѣрѣ судейскихъ отзывовъ видно, что они относятся къ слѣдующимъ вопросамъ: 1) правильно ли завѣщаніе по формѣ, и 2) имѣлъ ли завѣщатель право на сдѣланное имъ въ завѣщаніи распоряженіе? Ясно, что здѣсь, также какъ и въ первомъ примѣрѣ, истецъ выигрываетъ тяжбу при отрицательномъ разрѣшеніи не только обоихъ вопросовъ, но и котораго либо одного изъ нихъ, независимо отъ того, въ какомъ смыслѣ будетъ разрѣшенъ другой вопросъ.

Поэтому, настоящій случай представляется однороднымъ съ приведеннымъ въ первомъ примѣрѣ и подходитъ подъ ту же формулу.

Чтобы отыскать формулу для тѣхъ случаевъ, въ коихъ истецъ выигрываетъ процессъ при утвердительномъ разрѣшеніи не только всѣхъ постановленныхъ вопросовъ, но и котораго либо одного изъ нихъ, возьмемъ слѣдующій примѣръ:

На имѣніе, дошедшее къ настоящему владѣльцу порядкомъ наслѣдованія по закону, нѣкто предъявляетъ свои права по двумъ основаніямъ: по завѣщанію предъидущаго владѣльца и по купчей крѣпости, совершенной завѣщателемъ на имя его, истца. Хотя отвѣтчикъ оспариваетъ дѣйствительность завѣщанія, какъ составленнаго на родовое имѣніе безъ соблюденія установленныхъ правилъ, и законность купчей крѣпости, какъ совершенной изъ подъ запрещенія, но истецъ опровергаетъ возраженія отвѣтника противъ неформальности завѣщанія, и объясняетъ, что существовавшее при совершеніи купчей крѣпости запрещеніе на проданное имѣніе не лишаетъ этотъ актъ силы, при отсутствіи спора со стороны того лица, по взысканію котораго было наложено запрещеніе. По содержанію этихъ доводовъ, разрѣшенію суда подлежатъ два вопроса: 1) соблюдены ли установленныя правила въ соверше-

ни и храненіи предъявленнаго завѣщанія; 2) можно ли оставить въ силѣ купчую крѣпость, совершенную изъ подъ запрещенія, за отсутствіемъ спора со стороны взыскателя?

Очевидно, что основанія этой тяжбы не имѣютъ никакой между собою связи, и что возникшіе изъ дѣла вопросы совершенно независимы одинъ отъ другаго, почему разрѣшеніе въ пользу истца, т. е. утвердительно, котораго либо одного изъ постановленныхъ вопросовъ повлечетъ за собою присужденіе ему спорнаго имѣнія, хотя бы другой вопросъ былъ разрѣшенъ въ пользу отвѣтчика, т. е. отрицательно. Поэтому, если порядкомъ собиранія голосовъ по частнымъ вопросамъ рѣшеніе послѣдуетъ въ пользу истца, т. е. получено будетъ не менѣе двухъ утвердительныхъ отзывовъ на который либо изъ означенныхъ вопросовъ, то не можетъ состояться иного рѣшенія и порядкомъ собиранія голосовъ по одному общему вопросу; потому что въ миѣніи каждого судьи утвердительное разрѣшеніе какого-либо одного изъ тѣхъ вопросовъ дастъ заключеніе въ пользу истца независимо отъ разрѣшенія другаго вопроса; слѣдовательно, при двухъ миѣніяхъ, имѣющихъ такое основаніе, не можетъ быть иного большинства, какъ въ пользу истца. Но если первымъ порядкомъ рѣшеніе послѣдуетъ въ пользу отвѣтчика, т. е. получено будетъ не менѣе двухъ отрицательныхъ отзывовъ на каждый изъ постановленныхъ вопросовъ, то вторымъ порядкомъ рѣшеніе лишь тогда состоится въ томъ же смыслѣ, когда отрицательные отвѣты на оба вопроса будутъ даны однимъ и тѣми же судьями; во всѣхъ же случаяхъ, въ коихъ при отрицательномъ отзывѣ котораго либо судьи на оба вопроса, каждый изъ остальныхъ судей дастъ утвердительный отзывъ по одному вопросу и отрицательный по другому, заключеніе состоитъ въ пользу истца. Въ настоящемъ примѣрѣ эта противоположность рѣшеній окажется въ томъ, что первымъ порядкомъ выведено будетъ заключеніе объ отказѣ истцу въ тяжбѣ, а вторымъ порядкомъ получено будетъ большинство двухъ голосовъ о присужденіи

спорнаго имѣнія истцу; но изъ этихъ голосовъ одинъ будетъ состоять въ присужденіи имѣнія на правѣ наслѣдованія по завѣщанію, а другой—въ присужденіи того же имѣнія по праву купли.

Указавъ всѣ разнородные случаи противоположности рѣшенія одного и того же дѣла двумя различными порядками собиранія голосовъ, при трехъ судьяхъ и двухъ въ дѣлѣ вопросахъ, мы не станемъ разсматривать тоже явленіе при болѣе сложной обстановкѣ, т. е. при большемъ числѣ вопросовъ въ дѣлѣ и при болѣе многочисленномъ составѣ присутствія, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что существенныя свойства этого явленія одни и тѣ же при всякой обстановкѣ; но остановимся на тѣхъ данныхъ, къ которымъ привели насъ вышеизложенныя соображенія. Сюда относятся слѣдующія положенія:

1) Противоположность рѣшенія одного и того же дѣла и одними и тѣми же судьями, при двухъ различныхъ порядкахъ собиранія голосовъ, не происходитъ отъ случайной не-правильности въ постановкѣ вопросовъ или въ сужденіяхъ судей, но коренится въ самыхъ условіяхъ составленія рѣшеній тѣми и другимъ порядкомъ.

2) При собираніи голосовъ по частнымъ вопросамъ, соотвѣтствующимъ спорнымъ въ процессѣ предметамъ, каждый вопросъ разрѣшается коллективною властью суда, а изъ опредѣленія такимъ образомъ посылокъ судебного силлогизма заключеніе вытекаетъ само собою; при чемъ большинство можетъ составиться изъ голосовъ не однихъ и тѣхъ же судей по всѣмъ вопросамъ.

Напротивъ того, при собираніи голосовъ по общему вопросу, соотвѣтствующему спорному въ процессѣ требованію, каждый судья опредѣляетъ посылки судебного силлогизма и выводитъ отдѣльное заключеніе однимъ своимъ лицомъ, а изъ одинаковыхъ заключеній образуется большинство, которое хотя и состоитъ изъ голосовъ однихъ и тѣхъ же судей по всѣмъ

вопросамъ, однако эти голоса, при одинаковомъ заключеніи, могутъ расходиться въ основаніяхъ.

3) Всѣ разнородные случаи противоположности рѣшеній, составляемыхъ тѣмъ и другимъ порядкомъ, могутъ быть выражены въ опредѣленной формулѣ. При двухъ въ дѣлѣ вопросахъ, разрѣшаемыхъ тремя судьями, формула эта представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) Если для выигранія процесса истцомъ требуется, чтобы оба постановленные въ дѣлѣ вопроса были разрѣшены въ одномъ случаѣ утвердительно, а въ другомъ отрицательно: то при отзывахъ котораго либо судьи на оба вопроса согласно требованію даннаго случая, а каждаго изъ остальныхъ судей—на одинъ вопросъ утвердительно, на другой отрицательно, въ обратномъ другъ другу порядкѣ, собраніе голосовъ по частнымъ вопросамъ окажется въ пользу истца, а собраніе голосовъ по общему вопросу—въ пользу отвѣтчика.

б) Если для выигранія процесса истцомъ требуется, чтобы одинъ вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно: то, при отзывахъ котораго либо судьи на оба вопроса согласно требованію даннаго случая, а изъ остальныхъ судей одного—на оба вопроса утвердительно, а другаго—на оба вопроса отрицательно, собраніе голосовъ по частнымъ вопросамъ будетъ въ пользу истца, а собраніе голосовъ по общему вопросу—въ пользу отвѣтчика.

в) Если для выигранія процесса истцомъ требуется, чтобы только какой-нибудь изъ постановленныхъ вопросовъ былъ разрѣшенъ въ одномъ случаѣ утвердительно, а въ другомъ отрицательно: то, при отзывахъ котораго либо судьи на оба вопроса въ смыслѣ, противоположномъ требованію даннаго случая, а каждаго изъ остальныхъ судей—на одинъ вопросъ утвердительно, на другой отрицательно, въ обратномъ другъ другу порядкѣ, собраніе голосовъ по частнымъ вопросамъ окажется въ пользу отвѣтчика, а собраніе голосовъ по общему вопросу—въ пользу истца.

4) Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ противоположности рѣшеній, полученныхъ различнымъ порядкомъ собиранія голосовъ, представляется постоянно одно явленіе: при собираніи голосовъ по частнымъ вопросамъ, большинство образуется изъ мнѣній не однихъ и тѣхъ же судей по всѣмъ постановленнымъ вопросамъ, а при собираніи голосовъ по общему вопросу, большинство составляется изъ мнѣній, одинаковыхъ въ заключеніи, но различныхъ въ основаніяхъ.

Отсюда видно, что каждый изъ разсматриваемыхъ нами порядковъ составленія рѣшеній имѣетъ свою слабую сторону. При собираніи голосовъ по частнымъ вопросамъ личная власть судей перѣдко поглощается коллективною властію суда, а при собираніи голосовъ по общему вопросу получается иногда такое большинство голосовъ, по которому рѣшеніе можетъ состояться лишь при измѣненіи нѣкоторыми судьями основаній своего мнѣнія. Но всегда ли можно требовать, чтобы судьи, пришедшіе къ одинаковому заключенію отъ различныхъ основаній, согласились между собою въ основаніяхъ своего рѣшенія? Во многихъ случаяхъ такое соглашеніе было бы прямымъ отступничествомъ судьи отъ своихъ убѣжденій. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, обратимся къ приведеннымъ нами примѣрамъ, и припомнимъ, въ чемъ расходились мнѣнія судей, пришедшихъ къ одинаковому заключенію отъ различныхъ основаній. Въ первомъ дѣлѣ, изъ двухъ судей, полагавшихъ отказать истцу въ тяжбѣ, одинъ приводилъ къ тому основаніемъ незаконное происхожденіе истца, а другой преимущество, предоставленное закономъ роднымъ братьямъ предъ единокровными. Во второмъ дѣлѣ, изъ двухъ судей, полагавшихъ оставить искъ безъ уваженія, одинъ основывался на томъ, что возвращеніе истцу отыскиваемой имъ поклажи доказано, а другой на томъ, что спорная сохранныя росписка потеряла свою силу за давностію. Въ третьемъ дѣлѣ, изъ двухъ судей, подавшихъ голосъ въ пользу отвѣтчика, одинъ присягалъ къ тому основаніемъ подложность предъявленнаго истцемъ

завѣщанія, а другой—родовое свойство завѣщаннаго имѣнія. Въ четвертомъ дѣлѣ, изъ двухъ судей, подавшихъ голосъ въ пользу истца, одинъ полагалъ присудить ему спорное имѣніе на правѣ наслѣдованія по завѣщанію, а другой—присудить на правѣ купли. Нужно ли объяснять, что во всѣхъ этихъ случаяхъ различіе въ основаніяхъ принятаго судьями заключенія равносильно различію въ самыхъ мнѣніяхъ тѣхъ судей? Дѣйствительно, въ первыхъ трехъ дѣлахъ мнѣнія одного судьи неблагопріятны только для матеріальныхъ интересовъ истца, входящихъ въ процессъ, а мнѣнія другого судьи, сверхъ того, неблагопріятны и для нравственныхъ интересовъ истца. Пройграть тяжбу, по недоказательству законности рожденія, все равно, что проиграть двѣ тяжбы: одну объ имѣніи, а другую о личномъ состояніи. Отказать истцу въ требованіи поклажи на томъ основаніи, что она была уже ему возвращена, значитъ не только отказать ему въ искѣ, но и навлечь на него подозрѣніе въ мошенническомъ поступкѣ (св. 1857 г. т. XV улож. о нак. ст. 2298). Присудить спорное имѣніе отвѣтчику потому, что предъявленное истцемъ завѣщаніе подложно, значитъ не только отказать истцу въ тяжбѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбудить отвѣтственность его въ уголовномъ преступленіи (улож. онаказ. ст. 2283 и 2288). Въ четвертомъ дѣлѣ присужденіе спорнаго имѣнія истцу будетъ имѣть различныя гражданскія послѣдствія, смотря потому, на какомъ основаніи оно ему присуждается. Съ полученіемъ спорнаго имѣнія на правѣ наслѣдованія по завѣщанію, истецъ обязанъ платить долги умершаго вотчинника, вынуждены исполнять его обязательства и, вообще, отвѣтствовать во всѣхъ къ нему искахъ, кромѣ относящихся къ договорамъ о личныхъ дѣйствіяхъ; но затѣмъ пріобрѣтаетъ имѣніе безвозвратно (св. 1857 г. т. X ч. I зак. гражд. ст. 1259, 1543 и 1544). Напротивъ того, съ полученіемъ спорнаго имѣнія на правѣ купли, истецъ не обязанъ отвѣтствовать въ искахъ на продавца, если о томъ не было постановлено въ купчей крѣпости особаго условія (зак. гражд. ст.

1428); но за то, приобретаемая родовое у продавца имущество, может быть вынужденъ къ передачѣ своей купли третьему лицу по праву выкупа (зак. гражд. ст. 1346—1373).

И такъ, при собираніи голосовъ по частнымъ вопросамъ, соответствующимъ спорнымъ въ процессѣ предметамъ, образуется большинство въ тѣхъ самыхъ случаяхъ въ коихъ при собираніи голосовъ по общему вопросу, соответствующему спорному требованію, члены того же суда разногласятъ въ основаніяхъ своего заключенія, иногда столь различныхъ въ существѣ и въ послѣдствіяхъ, что отъ судей, пришедшихъ къ одинаковому заключенію, нельзя ожидать и несправедливо было бы требовать взаимныхъ уступокъ для соглашенія своихъ мнѣній. Явленіе это объясняется весьма просто. Такъ какъ для составленія рѣшенія первымъ порядкомъ необходимо большинство голосовъ по каждому отдѣльному вопросу, но не требуется, чтобы въ этомъ большинствѣ участвовали одни и тѣ же судьи, а для составленія рѣшенія вторымъ порядкомъ необходимо большинство голосовъ однихъ и тѣхъ же судей по всемъ вопросамъ, дабы мнѣнія были тождественны не только въ окончательномъ заключеніи, но и въ основаніяхъ рѣшенія: то весьма естественно, что къ образованію большинства первымъ порядкомъ шансовъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе требуется для того условій, и, наоборотъ, къ составленію большинства вторымъ порядкомъ шансовъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе требуется для того условій. Можетъ быть скажутъ, что за бѣда, если излишній разъ произойдетъ въ судѣ разногласіе. Развѣ къ прекращенію разногласія не существуютъ средства? Дѣйствительно, къ прекращенію въ судахъ разногласія употребляютъ обыкновенно, смотря по степени разногласія, одно изъ слѣдующихъ средствъ: или приглашаютъ въ судъ не принадлежащихъ къ его составу должностныхъ лицъ на правѣ судей, для соединенія голосовъ, совершенно разрознившихся, или же, при раздѣленіи голосовъ болѣе, чѣмъ на два мнѣнія, вмѣняютъ въ обязанность судьямъ, составляющимъ слабѣйшее

меньшинство, присоединяться къ одному изъ мнѣній ихъ со-
членовъ (*). Хотя этими средствами можно образовать искус-
ственное большинство, но за всѣмъ тѣмъ тотъ порядокъ со-
ставленія рѣшеній, который представляетъ болѣе шансовъ къ
разногласію, заключаетъ въ себѣ важныя неудобства:

Во первыхъ, невозможность составить рѣшеніе по совер-
шенному раздѣленію голосовъ, обнаруживаетъ предъ тяжущи-
мися отсутствіе въ дѣлѣ твердыхъ основаній къ опредѣленію,
на чьей сторонѣ право, и колеблетъ ихъ довѣріе къ ожидае-
мому ими приговору, а когда разногласіе повторяется часто
въ одномъ и томъ же судѣ, то и наводитъ тѣнь сомнѣнія на
способности или безпристрастіе судей.

Во вторыхъ, съ приглашеніемъ въ судъ непринадлежа-
щихъ къ его составу должностныхъ лицъ, для соединенія раз-
рознившихся голосовъ, исходъ процесса зависитъ отъ при-
нятія того или другаго мнѣнія этими именно лицами, кото-
рыя въ служебной іерархіи стоятъ обыкновенно ниже су-
дей, и могутъ не имѣть достоинства и опытности, необходи-
мыхъ для судьи.

Въ третьихъ обязывать судью присоединяться, вопреки
его убѣжденіямъ, къ мнѣнію его сочленовъ, не значитъ ли
подвергать его нравственному насплію, котораго ни въ какомъ
случаѣ не слѣдовало бы употреблять, потому что это сред-
ство соглашенія судей несомнѣнно съ ихъ священными обя-
занностями и съ общепринятымъ правиломъ, что мнѣнія су-
дей должны быть свободны.

Конечно, всѣ эти замѣчанія относятся только къ удобо-
примѣнимости того или другаго порядка составленія рѣшеній,

(*) Въ нашемъ законодательствѣ приняты лишь первый способъ согла-
шенія разрознившихся голосовъ (св. 1857 г. т. II ч. I общ. губ. учр. ст.
156—158. Впрочемъ въ Коммерческихъ судахъ приглашаемые члены долж-
ны только разнять голоса, присоединившись къ одному изъ тѣхъ мнѣній,
которое они считаютъ ближайшимъ къ истинѣ (т. XI ч. II уст. торг. ст.
1722—1728).

а удобство имѣть второстепенную важность тамъ, гдѣ надлежитъ удостовѣриться въ томъ, какой порядокъ ближе къ истинѣ, т. е. болѣе соотвѣтствуетъ законамъ мышленія. Но прежде, чѣмъ приступить къ окончательному разрѣшенію столь важной задачи, мы считаемъ неизлишнимъ обратиться къ мнѣніямъ по этому предмету иностранныхъ юристовъ.

Когда въ 1790 году, въ существовавшемъ во Франціи учредительномъ собраніи, возбужденъ былъ вопросъ о введеніи установленія присяжныхъ для разрѣшенія фактическихъ вопросовъ не только по дѣламъ уголовнымъ, но также и по дѣламъ гражданскимъ, то стоявшій во главѣ сторонниковъ этого предположенія Адрианъ Дюпоръ (Adrien Duport) приводилъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія слѣдующія, между прочимъ, соображенія:

Обыкновенно не усваиваютъ себя достаточно возрѣнія на судебный процессъ, какъ на силлогизмъ, въ которомъ большая посылка есть фактъ, меньшая посылка—законъ, а заключеніе—приговоръ. Очевидно, что слѣдуетъ прежде согласиться въ большой посылкѣ, чтобы продолжать сужденіе; поэтому, первое дѣйствіе необходимо обращается къ опредѣленію факта, а второе состоитъ въ сравненіи факта съ закономъ (*). Вопросъ только въ томъ: надлежитъ ли оба эти дѣйствія вѣрять однимъ и тѣмъ же лицамъ. Для всего, что не есть законъ и не требуетъ особеннаго изученія, для всего, что есть фактъ и можетъ быть до-

---

(*) Въ этомъ разсужденіи Дюпоръ впалъ въ явную ошибку. Если разсматривать судебное рѣшеніе, какъ силлогизмъ, то большою посылкою надо признать сужденіе о правѣ, а не сужденіе о фактѣ, потому что въ логикѣ большою посылкою принимается общее сужденіе, а не частное. Замѣчаніе это не касается мнѣнія Дюпора въ существѣ, потому что въ силлогизмѣ можно съ одинаковою правильностію и исходить аналитически отъ общаго къ частному и, наоборотъ, восходить синтетически отъ частнаго къ общему; слѣдовательно ничто не препятствуетъ поставить на первомъ мѣстѣ посылку меньшую, какъ частное сужденіе о событіи, а на второмъ посылку большую, какъ общее сужденіе о законѣ.

статочно опредѣлено посредствомъ здраваго смысла и нѣкоторыхъ мѣстныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ возвратиться къ первоначальному порядку производства суда чрезъ перовъ, которые, находясь въ одинаковыхъ обстоятельствахъ съ тяжущимися и подъ вліяніемъ одинаковыхъ случайностей, будутъ справедливы столько же изъ своихъ личныхъ видовъ, сколько и по своимъ обязанностямъ. Возлагать на судью произнесеніе совмѣстнаго рѣшенія о фактѣ и правѣ,—значить понуждать его, такъ сказать, отдѣлиться отъ самаго себя,—значить уничтожить всякую гармонію между его умственными способностями. Трудно полагать, чтобы судья захотѣлъ и могъ чистосердечно примѣнить законъ къ тому факту, котораго существованіе ему казалось сомнительнымъ; онъ станетъ спорить о правѣ или объ отношеніяхъ права къ разсматриваемому случаю, и въ судебное опредѣленіе войдутъ различныя тонкости, двусмысленности и сомнѣнія, вмѣсто простаго и естественнаго рѣшенія. Но когда присяжные произносятъ свой приговоръ о фактѣ, тогда рѣшеніе ихъ представляется какъ бы откровеніемъ истины, и судья, свободный отъ впечатлѣній, сопряженныхъ съ разбирательствомъ обстоятельствъ дѣла, можетъ изъ своей ничѣмъ не возмущенной сферы изрекать слова закона безъ всякаго ропота со стороны своей совѣсти.

Съ принятіемъ за правило, что судебныя рѣшенія должны быть всегда постановляемы по большинству голосовъ, не должно оставлять безъ вниманія, что собраніе голосовъ по окончательному вопросу прежде, чѣмъ фактъ утверждёнъ, имѣетъ весьма часто послѣдствіемъ, что тотъ, въ пользу кого состоялось большинство голосовъ, проигрываетъ свой процессъ. Дѣйствительно, каждый судья, давая свое мнѣніе, можетъ быть побуждаемъ къ извѣстному рѣшенію или правдоподобіемъ доводовъ о фактѣ, или силою принциповъ, то есть закономъ. Хотя изъ судей, пришедшихъ къ одинаковому заключенію, одни побуждаемы были первымъ уваженіемъ, а другіе

вторымъ, однако при собираніи голосовъ всѣ они вынуждены присоединиться къ одному мнѣнію, безъ чего остальные судьи, не согласные съ ихъ заключеніемъ, составили бы относительное большинство, бывъ по окончательному своему заключенію въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ, голоса какъ тѣхъ судей, которые убѣждены въ фактѣ, но сомнѣваются въ приложеніи закона, такъ и тѣхъ, для которыхъ законъ представляется яснымъ, а фактъ сомнительнымъ, слагаются въ одну сумму, хотя мнѣнія ихъ могутъ быть различны столько же, сколько бѣлое отличается отъ чернаго, и тяжущійся, въ пользу котораго составилось большинство и по вопросу о фактѣ, и по вопросу о правѣ, проигрываетъ свой процессъ.

Обратимся къ примѣру.

Нѣкто Петръ отказывается отъ платежа по обязательствамъ своего дѣда, основываясь на томъ: 1) что отъ наслѣдства послѣ дѣда отрекся сынъ послѣдняго, а его, Петра, отецъ, и 2) что обязательства дѣда сами по себѣ не дѣйствительны по закону. Напротивъ того, Павелъ утверждаетъ, что отреченія отъ наслѣдства не послѣдовало, и что обязательства законны. Вотъ два вопроса: одинъ о фактѣ, а другой о правѣ. Извѣстно, что за исключеніемъ случаевъ постановленія рѣшеній собственно о порядкѣ производства дѣлъ, судьи подають мнѣнія не по доводамъ тяжущихся, а по окончательнымъ ихъ требованіямъ. Положимъ, что изъ 12-ти судей, разсматривавшихъ дѣло, семь находятъ, что отреченія отъ наслѣдства не послѣдовало, при чемъ четверо признають обязательства не законными; остальные же пять судей, напротивъ того, признають обязательства законными, а отреченіе отъ наслѣдства доказаннымъ. И такъ, въ пользу истца Павла оказываются: по вопросу о фактѣ семь судей противъ пяти, а по вопросу о правѣ восемь судей противъ четырехъ. Но при собираніи голосовъ по окончательному вопросу, какъ четыре судьи, которые, не признавая за-

конности обязательствъ, выѣстъ съ тѣмъ находятъ, что отреченія отъ наслѣдства не послѣдовало, такъ и пять судей, которые, напротивъ того, признавая законность обязательствъ, при этомъ находятъ, что отреченіе отъ наслѣдства доказано, будутъ сочтены, по окончательному ихъ заключенію, принадлежащими къ одному мнѣнію, и по суммѣ девяти голосовъ противъ трехъ, оставятъ искъ безъ уваженія.

Представляя при этомъ еще нѣкоторые примѣры и иные комбинаціи голосовъ, Дюпоръ выводилъ заключеніе, что понятія самыя простыя могутъ чрезъ смѣшеніе ихъ привести къ различнымъ затрудненіямъ, которыя устраниются лишь установленіемъ надлежащаго раздѣленія предметовъ.

Противъ установленія суда присяжныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ возсталъ Тронше (Tronchet), доказывая, что если это установленіе существуетъ и дѣйствуетъ, хотя не безъ затрудненій, въ Англіи, то изъ этого не должно заключать, что бы оно могло быть принято для гражданского процесса во Франціи; потому-что законодательства этихъ двухъ государствъ различны между собою въ самыхъ основныхъ началахъ. Въ Англіи всѣ иски имѣютъ свою особенную формулу, и почти всѣ разрѣшаются въ фактъ посредствомъ доказательства чрезъ свидѣтелей, которое предпочитается даже письменному доказательству, и имѣетъ такую силу, что показаніе одного свидѣтеля можетъ быть признано достаточнымъ. Вотъ почему въ англійскомъ гражданскомъ процессѣ предметъ, подлежащій разрѣшенію, сводится всегда къ простому и единственному вопросу о фактѣ, принятому въ заключеніяхъ тяжущихся. По отобраніи свидѣтельскихъ показаній объ этомъ единственномъ фактѣ и по установленіи и опредѣленіи его предварительнымъ заключеніемъ суда, присяжнымъ предлагается и разрѣшенію ихъ подлежитъ всегда одинъ вопросъ: фактъ послѣдовалъ или не послѣдовалъ. Напротивъ того, французское законодательство не подчиняетъ исковъ никакимъ особннымъ формуламъ, и при-

нимаетъ за основное начало, что лишь письменное доказательство имѣетъ законную силу во всякомъ искѣ, превышающемъ 100 ливровъ (нынѣ по гражданскому уложенію 150 франковъ). Это начало имѣетъ послѣдствіемъ, что за исключеніемъ исковъ, относящихся къ владѣнію, и нѣкоторыхъ другихъ, требующихъ повѣрки матеріальнаго факта, во всѣхъ остальныхъ искахъ вопросы, называемые обыкновенно фактическими, суть, въ дѣйствительности, смѣшанные вопросы, относящіеся болѣе къ праву, чѣмъ къ факту. Идетъ ли дѣло о договорѣ, вопросъ состоитъ не въ томъ, доказанъ ли договоръ въ фактѣ, потому что для дѣйствительности договора, коего предметъ цѣною превышаетъ 100 ливровъ (нынѣ 150 франковъ), необходимо существованіе письменнаго акта, но въ томъ: были ли договаривавшіяся лица способны къ этому дѣйствію, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать договоръ и проч. Происходитъ ли споръ о дарственной записи или духовномъ завѣщаніи, фактъ, что дарственная запись или завѣщаніе существуетъ, не подлежитъ сомнѣнію, но возникаютъ вопросы о томъ: имѣлъ ли даритель или завѣщатель право отчуждать такимъ образомъ свое имущество; лицо, одаренное или назначенное наследникомъ по завѣщанію, способно ли къ пріобрѣтенію; подлежало ли отчужденное имущество дару или завѣщанію; какое именно имущество отчуждено; состоялось ли условіе, подѣ которымъ дареніе или завѣщаніе сдѣлано и проч., а разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ зависитъ отъ приложенія законовъ и нѣкоторыхъ началъ права. Производится ли дѣло о наследствѣ, вопросъ хотя и состоитъ въ томъ, принадлежитъ ли истецъ къ роду умершаго въ извѣстной степени родства, но этотъ вопросъ долженъ быть доказанъ актами, и сомнѣнія, какія могутъ возникнуть изъ нихъ, разрѣшаются почти всегда по началамъ права. Даже вопросъ о томъ, отреклось ли извѣстное лицо отъ наследства, не есть, вообще говоря, вопросъ о фактѣ. По закону, сынъ наследуетъ послѣ отца, если не сдѣлалъ пись-

меннаго отреченія отъ наслѣдства; съ представленіемъ же акта отреченія возникаютъ лишь вопросы о правѣ, а именно: облечено ли отреченіе въ законную форму, и не послѣдовало ли со стороны наслѣдника такихъ дѣйствій, которыя по закону надлежитъ признать принятіемъ наслѣдства?

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, замѣчаетъ Тропше, достаточно сказать, что не найдется человѣка, сколько нибудь опытнаго въ дѣлахъ, который не согласился бы съ тѣмъ, что по существу дѣлъ, производящихся въ судахъ Франціи, на сто вопросовъ, которые обыкновенно называютъ фактическими, не окажется и одного, въ которомъ бы фактъ можно было матеріально отдѣлить отъ права. Если юристы различаютъ въ рѣшеніяхъ вопросы о правѣ и фактѣ, то единственно въ томъ смыслѣ, что вопросы перваго рода суть общіе и столь независимые отъ обстоятельствъ разсматриваемаго дѣла, что рѣшеніе каждаго вопроса о правѣ можетъ имѣть приложеніе ко всѣмъ подобнымъ случаямъ; вопросы же втораго рода суть частныя, и хотя рѣшеніе фактическаго вопроса также основано на законѣ или на общихъ началахъ правды и нравственности, однако оно можетъ имѣть приложеніе только къ участвующимъ въ дѣлѣ сторонамъ и къ обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ находятся. Поэтому различіе означенныхъ вопросовъ вовсе не указываетъ на возможность отдѣленія въ судебной практикѣ сужденій о фактѣ и правѣ, а если очевидно, что эта теорія не применима къ французскому законодательству, то одно неудобство порядка, въ которомъ судьи подаютъ свои мнѣнія, — неудобство, къ сожалѣнію, весьма дѣйствительное, — не можетъ служить доказательствомъ въ пользу системы, которая здѣсь опровергается, но доказываетъ лишь то, что надо изыскать средство къ устраненію этого неудобства. Изъ сказаннаго выше не слѣдуетъ выводиться заключенія, чтобы въ судебномъ рѣшеніи нельзя было отдѣлить вопросовъ о фактѣ и правѣ, когда оба эти вопроса представля-

ются въ дѣлѣ, и чтобы поэтому нельзя было пайти средства къ измѣненію порядка, побуждающаго судей смѣшивать такіа мнѣнія, которыя основаны одно на доводахъ о фактѣ, а другое на доводахъ о правѣ; но слѣдуетъ только то, что по основному началу французскаго права, допускающаго вообще лишь письменныя доказательства фактовъ, такъ называемый вопросъ о фактѣ не можетъ подлежать сужденію присяжныхъ, которые нигдѣ не имѣютъ и не могутъ имѣть значенія судей, а повѣряютъ токмо внѣшнія и матеріальныя доказательства, и по этой повѣркѣ ограничиваются засвидѣтельствованіемъ, что спорный фактъ существуетъ или не существуетъ.

Ture (Thouret), предлагавшій отсрочить введеніе въ гражданскій процессъ разбирательства чрезъ присяжныхъ до надлежащихъ преобразованій въ законодательствѣ, между прочимъ, объяснилъ:

Теорія отдѣленія факта и права, осуществляемая на практикѣ въ установленіи присяжныхъ, не заключаетъ въ себѣ невозможности достигнуть того же результата безъ присяжныхъ. Когда судьи обязаны будутъ въ каждомъ процессѣ, прежде подачи какого-либо мнѣнія о правѣ, постановить рѣшеніе о фактѣ, то замѣченный недостатокъ въ порядкѣ составленія рѣшеній уничтожится совершенно, и не будетъ производиться смѣшенія разныхъ мнѣній. Нельзя утверждать безъ преувеличенія, чтобы оба эти дѣйствія не могли быть ввѣрены съ пользою однимъ и тѣмъ же лицамъ. Дѣйствительно, въ уголовныхъ дѣлахъ о тяжкихъ преступленіяхъ, подвергающихъ смертной казни, было бы весьма тягостно для судьи, который по первому отобранію голосовъ о фактѣ не призналъ обвиняемаго изобличеннымъ, присудить его къ лишенію жизни по второму отобранію голосовъ о приложеніи закона; но это затрудненіе, вызываемое естественными чувствами человеколюбія, не можетъ имѣть въ гражданскихъ дѣлахъ столь уважительнаго побужденія. По общепринятому правилу, для каждаго судьи

обязательно рѣшеніе суда, въ которомъ онъ засѣдаетъ, хотя бы оно состоялось вопреки его личному мнѣнію. Такимъ образомъ судья, признававшій, что искъ не подлежитъ принятію, или что по иску слѣдствіе не можетъ имѣть законной силы, подаетъ, не обвинуясь, свое мнѣніе по существу дѣла, когда послѣдуетъ по большинству голосовъ рѣшеніе о принятіи иска, или о правильности произведеннаго слѣдствія. Точно тоже должно происходить и при разрѣшеніи вопросовъ о фактѣ и правѣ, если въ законѣ постановлено будетъ, что тѣ судьи, противъ мнѣнія коихъ былъ разрѣшенъ вопросъ о фактѣ, не могутъ по этой причинѣ уклоняться отъ разрѣшенія вопроса о приложеніи закона.

Извѣстно, какой исходъ имѣли эти преія: установленіе присяжныхъ было принято по уголовнымъ дѣламъ и отвергнуто по дѣламъ гражданскимъ.

Преія эти нашли отголосокъ въ Швейцаріи. Въ изданномъ для Женевского кантона уставѣ судопроизводства гражданского постановлено правиломъ (ст. 104), что судьямъ воспрещается приступать къ разрѣшенію вопросовъ о правѣ прежде, чѣмъ разрѣшенъ будетъ отдѣльнымъ собраніемъ голосовъ каждый вопросъ о фактѣ. Редакторъ этого устава, ученый женевецъ Белло (Bellot), представлялъ по этому предмету слѣдующія соображенія:

Если судьи не умѣютъ различать въ заключеніяхъ тяжущихся сторонъ вопросы безспорные отъ спорныхъ, и, между послѣдними, вопросы о фактѣ и правѣ, входящіе дѣйствительно въ составъ процесса; если ограничиваются представленіемъ себѣ иска въ цѣлой массѣ, не разлагая его на составные элементы; если, по невѣжеству или опрометчивости, видятъ въ дѣлѣ только одинъ вопросъ, основателенъ ли искъ: то они ошибаются, когда полагаютъ, что достигли соглашенія между собою, постановивъ окончательное заключеніе въ одномъ смыслѣ. Можно съ вѣроятностію полагать, что при рѣшеніи такимъ

образомъ всякаго, сколько нибудь сложнаго дѣла, судьбы далеки были отъ соглашенія между собою; что каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду и разрѣшалъ особый предметъ; что подъ кажущимся единогласіемъ скрывалось дѣйствительное разногласіе, и что даже рѣшеніе могло быть постановлено противъ мнѣнія большинства.

Примѣръ объяснить это положеніе.

Въ спорѣ противъ завѣщанія представлены три довода: 1, что завѣщаніе не подписано самимъ завѣщателемъ, не смотря на то, что онъ могъ писать; 2, что одинъ изъ свидѣтелей есть иностранецъ, коего поведеніе неизвѣстно, и 3, что завѣщатель, какъ состоявшій подъ опекою за расточительность, не могъ располагать своимъ имуществомъ.

Какіе тутъ пункты спорные и какіе безспорные?

По первымъ двумъ доводамъ тяжущіеся согласны въ правѣ, признавая, что отсутствіе подписи завѣщателя, если онъ могъ подписывать свое имя, и качество одного свидѣтеля, какъ иностранца, если онъ дѣйствительно таковъ, лишаютъ завѣщаніе законной силы; но они несогласны между собою въ фактахъ; истецъ утверждаетъ, что завѣщатель могъ подписывать свое имя, и что одинъ изъ свидѣтелей есть дѣйствительно иностранецъ, а отвѣтчикъ отрицаетъ оба эти показанія.

Напротивъ того, по третьему доводу стороны согласны между собою въ фактѣ, въ томъ, что завѣщатель состоялъ подъ опекою за расточительность, но спорятъ о правѣ,—о томъ, могутъ ли по закону такія лица дѣлать завѣщанія.

Такимъ образомъ процессъ разлагается на три вопроса: два о фактахъ, и одинъ о правѣ. Вопросы фактическіе состоятъ въ томъ: завѣщатель могъ ли подписывать свое имя? Такой-то свидѣтель есть-ли иностранецъ? Вопросъ о правѣ заключается въ слѣдующемъ: состоящаго подъ опекою за расточительность можно-ли признать неспособнымъ дѣлать завѣщанія?

Положимъ, что въ судѣ, состоящемъ изъ трехъ судей, каждый судья полагаетъ дать утвердительный отзывъ по одному вопросу, а именно: первый судья по первому вопросу, второй судья по второму вопросу и третій судья по третьему вопросу, и отрицательные отзывы по двумъ остальнымъ вопросамъ. Но собираютъ голоса по общему вопросу о дѣйствительности завѣщанія, и судъ единогласно постановляетъ рѣшеніе о ничтожности этого акта. Въ основаніе такого заключенія приводятъ: первый судья, что завѣщатель могъ подписывать свое имя, но оставилъ завѣщаніе безъ подписанія; второй судья, что одинъ изъ подписавшихся подъ завѣщаніемъ свидѣтелей есть иностранецъ, не имѣющій качествъ достойнаго свидѣтеля, и третій судья, что состоящіе подъ опекою за расточительность не могутъ дѣлать завѣщаній.

Не очевидно ли однако, что это рѣшеніе обманчиво? Каждый судья вывелъ свое отдѣльное заключеніе изъ довода, утвержденного однимъ его голосомъ, но не принятого другими судьями, и всѣ доводы, приведенные въ основаніе отдѣльныхъ заключеній, различны между собою. Тутъ далеко до соглашенія, потому-что всѣ мнѣнія расходятся; рѣшеніе не только не единогласно, но даже постановлено не по большинству голосовъ, надъ которымъ взяло верхъ меньшинство. Желаете имѣть доказательство, обратитесь къ вопросамъ, на которые былъ разложенъ этотъ процессъ, соберите голоса по каждому вопросу отдѣльно, и вы удостовѣритесь, что каждый вопросъ разрѣшается отрицательно двумя голосами противъ одного; слѣдовательно, всѣ три довода ничтожности завѣщанія устраняются по большинству голосовъ, и завѣщаніе должно быть признано дѣйствительнымъ.

Этотъ выводъ, прямо противоположный предъидущему, есть единственный точный и истинный, потому-что онъ вытекаетъ изъ разрѣшенія каждаго основнаго въ дѣлѣ вопроса очевиднымъ и дѣйствительнымъ большинствомъ голосовъ, при со-

бирани конхъ такимъ порядкомъ не можетъ быть ни сбивчивости, ни ошибки.

Изъ французскихъ юристовъ позднѣйшаго времени Тулье (Toullier) принимаетъ вполнѣ соображенія Белло по этому предмету, а Бонсенъ (Bonsenne) въ своемъ сочиненіи: теорія судопроизводства гражданскаго (Theorie de la procédure civile)—сочиненіи, изъ котораго заимствована историческая часть настоящей статьи, представляетъ возраженія противъ порядка составленія рѣшеній по системѣ Белло. Возраженія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

Суды установлены не для того, чтобы давать мнѣнія по отвлеченнымъ вопросамъ, и творить, такъ сказать, право для тяжущихся; но единственно для того, чтобы открывать, на чьей сторонѣ право. Поэтому судьи должны сосредоточивать все свое вниманіе лишь на предметъ тяжбы, потому что только въ немъ можетъ заключаться искомое право.

Если въпредыдущемъ примѣрѣ спора противъ завѣщанія каждый изъ трехъ судей, обсуждавшихъ дѣло, убѣжденъ былъ съ своей стороны, что завѣщаніе должно быть признано ничтожнымъ, то не страннымъ ли было бы образчикомъ правосудія такое рѣшеніе, которое, вопреки единогласному всѣхъ судей убѣжденію, вывело бы заключеніе, что завѣщаніе дѣйствительно.

Противъ этого могутъ замѣтить, что каждый доводъ ничтожности завѣщанія былъ отвергнутъ большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного. Отвѣчаемъ: ничего не было отвергнуто, кромѣ самаго завѣщанія. Давать мнѣнія по доводамъ значить не рѣшать дѣло, а только разбирать основанія, на которыхъ рѣшеніе можетъ быть постановлено. Расходясь въ доводахъ или основаніяхъ, всѣ голоса соединились въ одномъ окончательномъ мнѣніи, постановляя рѣшеніе.

И такъ надо различить доводы отъ заключенія. Истецъ требуетъ уничтоженія завѣщанія, — вотъ его заключеніе. Но

почему завѣщаніе ничтожно? Потому, что завѣщатель не подписалъ его, имѣвъ возможность подписаться; потому что одинъ изъ свидѣтелей есть ипострапецъ; потому что завѣщатель состоялъ подъ опекою за расточительность: вотъ доводы истца.

Какая пужда въ томъ, что тотъ или другой доводъ различно подѣйствовалъ на судей. Каждый судья остановился на томъ доводѣ, который показался ему наиболѣе убѣдительнымъ, и завѣщаніе было признано ничтожнымъ.

Пойдемъ далѣе. При видѣ завѣщанія, судьи могли основать свое рѣшеніе на такомъ доводѣ, который вовсе ускользнулъ отъ вниманія истца, какъ на примѣръ на томъ, что въ завѣщаніи не упомянуто о прочтеніи этого акта въ присутствіи свидѣтелей. Не думайте, чтобы судьи такимъ образомъ присудили бы болѣе, чѣмъ требовалъ истецъ; со стороны истца было только одно требованіе: уничтоженіе завѣщанія.

Замѣьте впрочемъ, что всѣ рѣшенія должны быть приводимы къ ихъ основаніямъ, или мотивированы, а потому большинство конечно согласилось въ выборѣ основаній, или мотивовъ, когда постановило рѣшеніе объ уничтоженіи завѣщанія.

Въ рѣшеніяхъ надлежитъ различать основанія, или мотивы, отъ судебного приказанія.

Основанія или мотивы суть тоже въ отношеніи къ рѣшенію, что доводы тяжущихся въ отношеніи къ ихъ заключеніямъ.

Какъ требованія истца и отвѣтчика сосредоточиваются въ ихъ заключеніяхъ, такъ точно судебное рѣшеніе сосредоточивается въ приказаніи суда. Можно очень хорошо судить по неправильнымъ основаніямъ или мотивамъ. Апелляціонные суды ежедневно утверждаютъ рѣшенія, не имѣющія правильныхъ основаній, объясняя только ошибки въ сужденіяхъ, а также кассационный судъ перѣдко оставляетъ въ силѣ такіа рѣшенія,

въ основаніе которыхъ принято неправильное толкованіе закона, когда находятъ, что тѣ рѣшенія могутъ быть удержаны по инымъ основаніямъ.

По уголовнымъ дѣламъ присяжнымъ прежде предлагаемы были различные вопросы, какъ-то: совершилось ли извѣстное дѣйствіе, преступно ли оно, доказано ли, что оно совершено обвиняемымъ? Но потомъ убѣдились въ неудобствѣ такого раздѣленія вопросовъ, и въ настоящее время присяжнымъ предлагается только одинъ сложный вопросъ: виновенъ-ли подсудимый въ такомъ-то дѣяніи?

Принимая все это въ соображеніе, нельзя не признать, заключаетъ Бонсенъ, что будутъ ли судебныя пренія происходить одновременно по всемъ спорнымъ пунктамъ, или послѣдовательно и отдѣльно по каждому пункту, наилучшій способъ подавать мнѣнія какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, всегда будетъ тотъ, который даетъ въ результатѣ мнѣніе большинства по предмету процесса.

При всемъ нашемъ уваженіи къ авторитету Бонсена, который считается во Франціи однимъ изъ лучшихъ юристовъ-теоретиковъ, мы не можемъ признать основательными возраженія его противъ порядка собиранія голосовъ по системѣ Белло.

Разбирать дѣло по вопросамъ о фактѣ и правѣ не значитъ заниматься отвлеченными вопросами, какъ называетъ ихъ Бонсенъ. Тамъ нѣтъ отвлеченія, гдѣ предметъ разсматривается такъ, какъ онъ данъ, безъ разложенія его на части и раздѣленія его признаковъ, а каждое гражданское дѣло представляется на судъ не въ сложномъ вопросѣ объ уважительности иска, какъ думаетъ Бонсенъ, но въ элементарныхъ вопросахъ о фактѣ и правѣ. Никакой искъ не пріемлется съ одною просьбою о присужденіи искомаго права, безъ представленія доказательствъ, почему оно должно быть присуждено, а дока-

зательства эти и состоятъ именно въ томъ, что спорный фактъ послѣдовалъ, и что онъ имѣеть типическіе признаки, по которымъ законъ соединяетъ съ фактами этого рода искомое право. Равноѣрно возраженіе отвѣтчика лишь тогда есть дѣйствительное возраженіе, а не голословное отрицаніе иска, на судѣ неприемлемое, когда въ отвѣтѣ представлены опроверженія противъ доказательствъ истца о фактѣ и правѣ. Только въ окончательныхъ своихъ заключеніяхъ истецъ и отвѣтчикъ, слагая возбужденные ими элементарные вопросы въ одинъ общій вопросъ объ уважительности иска, требуютъ: первый присужденія ему спорнаго права, а второй—освобожденія его отъ суда. Такъ и должно быть въ естественномъ порядкѣ явленій. Право возникаетъ по поводу факта; слѣдовательно данъ фактъ, изъ котораго вытекаетъ право, а не на оборотъ; слѣдовательно фактъ предшествуетъ праву, и подлежитъ разсмотрѣнію прежде права. Поэтому ничего не можетъ быть конкретнѣе вопросовъ о томъ: послѣдовалъ ли спорный фактъ и имѣеть ли онъ типическіе признаки, по которымъ законъ соединяетъ съ фактами этого рода искомое право? вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не можетъ быть настоятельнѣе этихъ вопросовъ, которые составляютъ въ юридическомъ мышленіи необходимыя ступени для восхожденія къ искомому праву. Если бы даже могли существовать такіе судьи, которые открывали бы въ каждомъ дѣлѣ истину непосредственнымъ, такъ сказать, созерцаніемъ ея, не прибѣгая ни къ какимъ логическимъ построеніямъ, то все же эти ясновидящіе должны были бы нисходить съ высоты своего величія какъ для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ предметъ непосредственнаго созерцанія, и убѣдиться въ томъ, что ихъ ясновидѣніе не есть какой-либо мпражъ, такъ и для того, чтобы передать свое открытіе другимъ въ формѣ, доступной для обыкновенныхъ смертныхъ.

Путь, которымъ каждый судья долженъ восходить по

ступенямъ мышленія до искомаго въ дѣлѣ вывода, нисколько не зависить отъ числа лицъ, засѣдающихъ въ судѣ, и если одинъ судья прежде всего долженъ убѣдиться въ томъ, послѣдовалъ ли спорный фактъ, то точно тоже должно сдѣлать и собраніе судей, имѣющее коллективную судебную власть; разница можетъ быть только въ томъ, что одинъ судья удостоверяется въ своемъ убѣжденіи сознаниемъ правильности того способа мышленія, которымъ онъ доведенъ былъ до утвердительнаго или отрицательнаго отзыва о фактѣ, а убѣжденіе коллективной судебной власти, пазываемой судомъ, удостоверяется не иначе, какъ большинствомъ голосовъ, давшихъ о фактѣ тотъ или другой отзывъ. Не ясно ли послѣ того, что порядокъ составленія рѣшеній, при которомъ разрѣшается по большинству голосовъ сначала вопросъ о фактѣ, а потомъ вопросъ о правѣ, и изъ сопоставленія отзывовъ по обоимъ вопросамъ выводится окончательное заключеніе, соотвѣтствуетъ вполне какъ требованіямъ правильнаго мышленія, восходящаго путемъ силлогизма отъ меньшей посылки къ большей, а отъ сравненія обѣихъ посылокъ къ заключенію, такъ и принципу коллективной судебной власти, имѣющей органомъ не полновластныхъ отдѣльныхъ личности, но лишь одно числительное большинство? Правда, что при этомъ порядкѣ собранія голосовъ въ составъ большинства входятъ ипѣнія не однихъ и тѣхъ же судей по всѣмъ вопросамъ о фактѣ и правѣ и такимъ образомъ властью суда погзоцается личная власть судей; но здѣсь обнаруживается слабая сторона самаго принципа представленія коллективной судебной власти большинствомъ голосовъ, а принявши принципъ, нельзя не принять и его прямыхъ послѣдствій. Старанія избѣжать этихъ послѣдствій приводятъ къ такимъ ухищреніямъ, которыхъ здравая логика не можетъ не отвергнуть.

Дѣйствительно, не есть ли ухищреніе, для получения большинства голосовъ во чтобы-то ни стало, принятіе за тожде-

ственные такія мнѣнія, которыя согласны между собою только въ окончательномъ заключеніи, но противоположны въ основаніяхъ? Основаній нельзя считать чѣмъ-то постороннимъ заключенію, какимъ-то наростомъ, который можно отдѣлить или измѣнить, не измѣнивъ самаго мнѣнія. Въ основаніяхъ содержится вся разумная сила, весь нервъ заключенія, а въ судебныхъ рѣшеніяхъ то, что называется правомъ. Отдать спорное имѣніе истцу по праву законнаго наслѣдованія, и отдать ему тоже имѣніе по праву купли суть рѣшенія одинаковыя въ окончательномъ выводѣ, но различныя въ основаніяхъ, а потому различныя и въ своихъ послѣдствіяхъ.

Каждое судебное рѣшеніе состоитъ изъ двухъ, если не одинаково важныхъ, то по крайней мѣрѣ одинаково существенныхъ частей: изъ основаній рѣшенія и судебного приказанія. Въ первой части выражается право, во второй—распоряженіе къ приведенію права въ дѣйствіе. Отнимите или измѣните первую часть рѣшенія, останется распоряженіе, или не имѣющее вовсе основанія, или имѣющее только мнимое основаніе. Отмѣните или измѣните вторую часть рѣшенія, останется прежнее право, но или вовсе неосуществленное, или осуществленное несоотвѣтствующимъ его требованію способомъ. Если въ судебныхъ рѣшеніяхъ основанія находятся въ такомъ отношеніи къ заключенію, то можно ли принимать за тождественныя такія мнѣнія, которыя одинаковы только въ заключеніи, но различны въ основаніяхъ? Хотя могутъ быть многія основанія и одно слѣдствіе, но тѣмъ не менѣе отношеніе между основаніемъ и слѣдствіемъ всегда есть необходимое, и въ логикѣ извѣстно правило, что въ спорѣ слѣдствіе бесполезно защищать, когда нападаютъ на основаніе; въ этомъ случаѣ, наоборотъ, послѣднее должно быть защитой перваго. Какимъ же образомъ, повторяемъ, можно считать согласившимся между собою такихъ судей, которые пришли къ одинаковому заключенію отъ различныхъ основаній? Если такое мнимое соглашеніе и можетъ

быть принято по какимъ-либо предметамъ спора за дѣйствительное согласіе въ мнѣніяхъ, то, конечно, не тамъ, гдѣ основанія не безразличны для рѣшенія спорнаго предмета. По этому нечего и удивляться тому, что если при составленіи рѣшенія порядкомъ отобранія голосовъ только по окончательному вопросу объ уважительности иска, слагаются въ одну сумму мнѣнія, одинаковыя въ заключеніи, но противоположныя въ основаніяхъ, то можетъ оказаться и выводъ, совершенно противоположный полученному при составленіи рѣшенія порядкомъ отобранія голосовъ по каждому вопросу о фактѣ и правѣ отдѣльно. Въ первомъ случаѣ есть отступленіе отъ требованій логики, а во второмъ всѣ части рѣшенія поставлены въ правильныя отношенія частей силлогизма, и заключеніе выведено столь простымъ и яснымъ способомъ мышленія, что при этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Белло, невозможно предполагать ни сбивчивости, ни какой-либо ошибки. Получено ли, чрезъ сложеніе нетождественныхъ между собою мнѣній, рѣшеніе по большинству голосовъ или единогласное, во всякомъ случаѣ рѣшеніе это, какъ составленное порядкомъ, несомнѣннымъ съ требованіями логики, имѣетъ одинаковыя недостатки, и вовсе не будетъ страннымъ явленіемъ, какъ находитъ Бонсенъ, если такое мнѣніе единогласіе всѣхъ членовъ суда встрѣтитъ odporъ въ повѣркѣ ихъ заключенія инымъ, болѣе рациональнымъ порядкомъ составленія рѣшеній; если по этой повѣркѣ окажется, что не смотря на одинаковое всѣхъ членовъ суда заключеніе объ отказѣ въ искѣ, заключеніе, къ которому каждый изъ нихъ пришелъ отъ различныхъ основаній, искъ долженъ быть уваженъ, потому что большинствомъ голосовъ признано, что оба основанія иска, и фактическое, и юридическое, въ пользу истца, а при такихъ данныхъ не можетъ быть и иного заключенія, какъ въ пользу истца.

Замѣчаніе Бонсена, что можно хорошо судить по неправильнымъ основаніямъ, вовсе недостойно авторитета извѣстнаго

юриста, потому что не имѣетъ логическаго смысла. Неправильныя основанія не могутъ дать въ заключеніи истиннаго понятія о предметѣ сужденія. Кто изъ неправильныхъ основаній вывелъ заключеніе, соотвѣтствующее существу дѣла, тотъ вовсе не судилъ логически по этимъ основаніямъ, а случайно, такъ сказать, набрелъ на истину, безъ всякихъ основаній. Указываемое Бонсеномъ явленіе, что апелляціонные суды ежедневно утверждаютъ рѣшенія, постановленныя на неправильныхъ основаніяхъ, объясняя только ошибки въ сужденіяхъ, вовсе не доказываетъ его мысли, что основанія безразличны для рѣшенія и что истины, въ конхъ одно и тоже заключеніе выведено изъ различныхъ основаній, тождественны между собою. Мы уже достаточно объяснили всю нелогичность такого сужденія, и потому теперь ограничимся замѣчаніемъ, что указываемое Бонсеномъ явленіе доказываетъ лишь одну возможность случайно попадать на истинное о дѣлѣ заключеніе, котораго апелляціонный судъ конечно не можетъ не удержать, если приходитъ къ тому же выводу по исправленію неправильныхъ основаній, или, лучше сказать, по постановленію основаній правильныхъ.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что изъ различныхъ о существѣ дѣла истины можетъ составить иногда большинство одинаковыхъ заключеній, соотвѣтствующее истинѣ. Это можетъ случиться не только тогда, когда судьи, разсуждая неправильно, случайно попадають на истинное о дѣлѣ заключеніе, но также и тогда, когда по свойству дѣла существуютъ — не говоримъ противоположныя, но многія основанія къ выводу одного и того же заключенія. Этимъ однако не устраняется затрудненіе въ приведеніи рѣшенія къ его основаніямъ, въ которыхъ не послѣдовало соглашенія между судьями. Кромѣ того, подобные случаи суть довольно рѣдкія явленія въ сплостикѣ судебныхъ рѣшеній, и потому не могутъ служить основаніемъ для установленія общаго порядка собиранія голосовъ.

Равномѣрно мы далеки отъ той мысли, чтобы порядокъ составленія рѣшеній, посредствомъ собиранія голосовъ по одному окончательному вопросу объ уважительности иска, былъ вовсе непримѣнимъ. Подъ условіемъ сложенія въ одну сумму только мнѣній, дѣйствительно тождественныхъ, т. е. одинаковыхъ не только въ заключеніи, но и въ основаніяхъ, составленіе рѣшеній этимъ порядкомъ не представляетъ ничего противнаго требованіямъ логики, и имѣетъ то преимущество, что при дѣйствіи его большинство образуется изъ мнѣній по всѣмъ вопросамъ однихъ и тѣхъ же судей, которымъ и принадлежитъ все рѣшеніе вполнѣ. Но мы объяснили уже прежде, что составленіе рѣшеній этимъ порядкомъ, при соблюденіи необходимаго условія его правильности, заключаетъ въ себѣ весьма много шансовъ къ разногласію между судьями, а это такое важное неудобство, что мы рѣшительно склоняемся въ пользу системы составленія рѣшеній, принятой женеvскимъ законодательствомъ и указанной отчасти и въ нашихъ законахъ (въ учрежденіи Сената), т. е. системы собиранія голосовъ по каждому вопросу о фактѣ и правѣ отдѣльно, и вывода рѣшенія изъ сопоставленія отзывовъ, данныхъ по этимъ вопросамъ единогласно или по большинству голосовъ. Кромѣ простоты и удобопримѣимости, этотъ порядокъ имѣетъ еще тѣ достоинства, что дѣлаетъ неизбѣжнымъ столь полезное, для яснаго уразумѣнія дѣла и отчетливаго юридическаго мышленія, разбирательство процесса по элементарнымъ въ дѣлѣ вопросамъ и представляетъ возможность возложить разрѣшеніе вопросовъ юридическихъ на особыхъ судей. Последнее обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе для нашихъ судовъ, въ которые, по существующимъ учрежденіямъ, назначается нѣсколько судей по выборамъ сословія, изъ лицъ, вовсе неприготовленныхъ къ рѣшенію юридическихъ вопросовъ.

Хотя замѣчаніе французскаго юриста Тронше, что вопросы о фактахъ суть болѣею частію вопросы смѣшанные,

разрѣшаемые не безъ соображенія ихъ съ законами, имѣетъ приложеніе и къ сферѣ дѣйствія нашего законодательства, въ которомъ также преобладаетъ система письменныхъ доказательствъ, получающихъ свою силу отъ соблюденія установленнаго порядка укрѣпленія разныхъ правъ на имущества; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы между предметами, подлежащими разрѣшенію суда, нельзя было различить вопросовъ юридическихъ, возбуждаемыхъ сомнѣніемъ о примѣненіи закона, и разрѣшаемыхъ толкованіемъ его, будетъ ли оно грамматическое, систематическое, историческое или логическое. Каждое дѣло требуетъ опредѣленія права по разсмотрѣнному факту, но не всякое опредѣленіе права возбуждаетъ вопросъ юридическій. Гдѣ нѣтъ ни спора между тяжущимися, ни разномыслія между судьями о буквальной смыслѣ закона, опредѣляющаго искомое право, тамъ нѣтъ и вопроса юридическаго объ этомъ правѣ, а есть только непосредственное приложеніе закона къ данному факту, для вывода заключенія объ искомомъ правѣ. Равнобѣрно, не всякій фактъ можетъ быть опредѣленъ однимъ соображеніемъ обстоятельствъ дѣла, безъ оцѣнки силы этихъ обстоятельствъ, какъ доказательствъ спорнаго факта, въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ, а потому, если споръ касается примѣненія законовъ, сюда относящихся, то и опредѣленіе факта возбуждаетъ вопросъ не фактическій, но юридическій. Согласно съ этими понятіями, можно было бы въ нашихъ судахъ раздѣлить обязанность судей на слѣдующемъ основаніи: всѣ опредѣленія какъ фактовъ, такъ и права, не требующія толкованія законовъ, отнести къ совокупному соображенію всѣхъ членовъ суда въ установленномъ порядкѣ постановки вопросовъ и собиранія голосовъ; вопросы же юридическіе, возбуждаемые споромъ тяжущихся или разномысліемъ судей о примѣненіи законовъ, коими опредѣляется спорный фактъ или спорное право, предоставить разрѣшенію однихъ юристовъ, опредѣляемыхъ отъ правительства, безъ участія судей, назначаемихъ по выборамъ сословій.

Въ этихъ видахъ предварительныя соображенія, при рѣшеніи дѣлъ, должны быть обращаемы не только къ вопросу о томъ, приведены ли обстоятельства дѣла въ подлежащую ясность, но также и къ вопросу о томъ, пѣтъ ли на счетъ примѣненія относящихся къ дѣлу законовъ какихъ-либо сомнѣній, требующихъ научнаго изясненія.

Намъ представляется здѣсь возраженіе, которое мы не находимъ возможнымъ оставить безъ отвѣта. Съ раздѣленіемъ участія судей въ постановленіи судебного рѣшенія, не ослабнетъ ли отвѣтственность за непраильныя или пристрастныя рѣшенія? На это мы отвѣтимъ, что отвѣтственность судей соразмѣряется не съ количествомъ разрѣшенныхъ ими вопросовъ и не съ числомъ лицъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, но единственно со степенью невнимательности или недобросовѣстности, обнаруживающейся въ рѣшеніи, хотя бы это относилось къ рѣшенію только одного изъ всѣхъ данныхъ вопросовъ.

Окончимъ нашу статью отвѣтомъ на замѣчаніе г. Рѣпинскаго, что въ порядкѣ собиранія голосовъ по каждому вопросу о фактѣ и правѣ отдѣльно заключается, будто бы, полная свобода выказаться произволу предсѣдательствующаго судьи, которыйи чрезъ раздѣленіе вопросовъ докажетъ, что хотя вы и правы, но все таки проигрываете процессъ. Послѣ всего объясненнаго въ этой статьѣ, отвѣтъ нашъ можетъ быть очень коротокъ, и сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) раздѣленіе вопросовъ о фактѣ и правѣ необходимо при всякомъ порядкѣ собиранія голосовъ, какъ залогъ правильнаго юридическаго мышленія;

2) въ раздѣленіи вопросовъ предсѣдатель суда не можетъ имѣть неограниченной власти, потому-что вопросы устанавливаются окончательно не предсѣдателемъ, но совокупною властію всѣхъ членовъ суда (св. 1857 г. т. I ч. I учр. Сен. ст. 122);

3) надо опасаться не раздѣленія вопросовъ, но искусства ихъ обходить и въ особенности неправильной комбинаціи голосовъ, которая скорѣе всего можетъ возникнуть изъ предлагаемаго г. Рѣпинскимъ порядка собиранія голосовъ, если при этомъ будетъ допускаемо сложение въ одну сумму такихъ мнѣній, которыя одинаковы только въ заключеніи, но различны въ основаніяхъ.

Н. В. . . . . ІЙ.

О СИЛЬ СУДЕБНЫХЪ РЪШЕНІЙ (*).

Всѣ дѣйствія чловѣка въ жизни могутъ подлежать сомнѣнію, по для благосостоянія общества необходимо признавать что-нибудь справедливымъ и положить въ основаніе общественнаго порядка. Одно изъ такихъ основаній составляетъ правило, по которому окончательное судебное рѣшеніе должно считать справедливымъ, каково бы ни было въ сущности заблужденіе судей. Поэтому всегда и совершенно основательно принимали въ юриспруденціи положеніе или изреченіе: *res judicata pro veritate habetur*. Что, дѣйствительно, означала бы власть судебная, если бы тяжущіеся, которыхъ споръ былъ уже нѣсколько разъ рѣшенъ судомъ, все еще имѣли возможность возобновить его?

Такимъ образомъ, право суда на окончательное рѣшеніе бесспорно составляетъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ условій гражданскаго права, но между тѣмъ оно весьма мало было изучаемо.

Три условія требуются для того, чтобы отвергнуть искъ окончательно, т. е. безвозвратно рѣшенный; надобно во первыхъ, чтобы онъ касался того самаго предмета, который былъ

(*) Настоящая статья принадлежитъ бывшему адвокату кассационнаго суда Маркаде (Marcadé). Мы ее заимствовали изъ французскаго юридическаго журнала: *Revue de legislation et de jurisprudence* за 1848 годъ.

обсужденъ въ первомъ процессѣ; во вторыхъ, чтобы онъ имѣлъ тоже самое, какъ и прежде основаніе, и въ третьихъ, чтобы въ немъ участвовали тѣже и въ томъ же качествѣ споряція стороны, какъ въ рѣшенной тяжбѣ.

Поэтому тождество предмета, тождество основанія и тождество спорящихся лицъ, составляютъ три главные основы, о которыхъ мы полагаемъ представить замѣчанія, съ цѣлю исправить главные заблужденія юриспруденціи, относительно силы окончательнаго судебного приговора.

I. Начнемъ съ *тождества предмета*. Надобно, чтобы вещь, о которой начать новый искъ, была та самая, о которой произведено было рѣшеніе. Условіе это само по себѣ весьма просто и не было бы затруднительно въ исполненіи, если бы юристы, въ желаніи объяснить его лучше, не затемнили его. Одного здраваго смысла достаточно, кажется, чтобы усмотрѣть и опредѣлить, былъ ли рѣшенъ, или нѣтъ прежде предметъ, о которомъ начато въ судѣ новое дѣло; къ несчастію, нѣкоторые римскіе юрисконсульты придумали прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ механическому приложенію геометрическихъ аксіомъ. Этотъ способъ, болѣе замысловатый, чѣмъ справедливый, не могъ не повести къ заблужденію, а французскіе новые толкователи юриспруденціи приняли его съ такимъ уваженіемъ и неразборчивостью, что трудно повѣрить тѣмъ рѣшеніямъ, которыя они, на этомъ основаніи, постановляли даже послѣ изданія гражданскаго уложенія.

Многіе изъ французскихъ писателей и особенно Тулье (Toullier), слѣдуя рабски римской системѣ, положили два правила, безспорныя конечно,—что часть заключается въ цѣломъ, но цѣлое не можетъ заключаться въ части, и изъ этого вывели то заключеніе, что нельзя искать части, когда дѣло о цѣломъ (искѣ) проиграно; напротивъ очень можно требовать цѣлаго, если проиграна только часть.

Мнѣніе это Тулье подкрѣпляетъ слѣдующими примѣрами:

Тотъ, который, потерявъ искъ на какую-нибудь недвижимость, будетъ требовать потомъ изъ этой самой недвижимости отдѣльной части, получаетъ непременно отъ суда отказъ, потому, что предметъ вторичнаго иска есть часть того, чего онъ домогался сначала, и какъ часть заключается въ своемъ цѣломъ, то слѣдовательно и предметъ вторичнаго требованія былъ уже предметомъ перваго проиграннаго или рѣшеннаго иска.

Такимъ образомъ, если Петръ, взыскивая съ меня по какой нибудь причинѣ 20,000 фр., и потерявъ по суду свою претензію, сталъ бы послѣ, на томъ же самомъ основаніи, требовать съ меня 10,000 фр., долженъ получить въ судѣ отказъ, по силѣ перваго рѣшенія. Точно такъ, буде бы мой противникъ, проигравъ процессъ, въ которомъ онъ требовалъ права прохода и проѣзда по моей землѣ, права вообще называемаго въ римской юриспруденціи *via*, началъ бы въ послѣдствіи требовать у меня одного прохода пѣшкомъ, извѣстнаго у римскихъ юристовъ подъ именемъ *iter*,—это требованіе не будетъ принято, потому что *iter* заключается въ *via*, и слѣдовательно предметъ вторичнаго иска вошелъ уже въ рѣшеніе перваго дѣла.

Напротивъ тотъ, который проигралъ тяжбу только на часть недвижимой собственности, допускается къ иску на всю эту собственность; получившій отказъ въ 1,000 или 1,200 фр., можетъ требовать 20,000 фр., а неимѣвшій успѣха въ требованіи одной тропинки для прохода, можетъ искать и прохода и проѣзда, потому что какъ истецъ прежде требовалъ часть, а во второй разъ имѣетъ претензію на цѣлое, то въ этомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы предметъ втораго былъ также и предметомъ перваго иска.

Дюрантонъ (Duranton), Боннье (Bonnier) и Пужоль (Poujol)

тоже, кажется, принимаютъ это мнѣніе, относительно перваго изъ вышеприведенныхъ правилъ.

Между тѣмъ, что можетъ быть болѣе софистическимъ и ложнымъ, нежели подобныя положенія; и какая надобна была сила привычки для того, чтобы они до сихъ поръ были выдаваемы за истинныя! . . . . . Какъ! Потому что рѣшено, что я не имѣю права исключительной собственности на такое-то недвижимое имущество, этимъ самымъ рѣшено, что я не есть совладѣлецъ или обладатель его части; потому что рѣшено, что я не кредиторъ вашъ на 20.000 фр., рѣшено также, что я не могу имъ быть на 1,000, или 1,200 фр.;— изъ рѣшенія, что я не имѣю права проходить или проѣзжать по моему произволу чрезъ вашу землю, слѣдуетъ, что я не могу тамъ проходить даже пѣшкомъ?! . . . . . И въ довершеніе этой нелѣпности, нужно было еще принять взаимность дѣйствія каждаго изъ означенныхъ правилъ или положеній! . . . . . Неужели, не смотря на судебное рѣшеніе, что приведенное въ тяжбѣ основаніе не даетъ вамъ права ни на какую, напримѣръ, ни на *пятую* часть недвижимой собственности, было бы возможно, чтобы тоже самое основаніе дало вамъ всю собственность, т. е. *эту самую пятую часть* съ четырьмя другими?! . . . Неужели, не смотря на освобожденіе меня судомъ отъ платежа вамъ 1,200 фр., было бы возможно, чтобы вы, на томъ же, какъ и прежде, основаніи, взыскивали съ меня 20,000 фр.?! . . . . Не смотря на признаніе судомъ, что вы не имѣете права даже *проходить пѣшкомъ* по моему владѣнію, еще оставалось бы возможнымъ и подлежащимъ разбору ваше право проходить и проѣзжать тамъ по вашему произволу?! . . . . По истинѣ, это уже вѣтъ всякой вѣроятности.

Изъ того, что цѣлое не содержится въ части, вы заключаете, что, проигравъ процессъ о части, я могу еще требовать цѣлаго: ошибаетесь; потому что если часть находится

въ цѣломъ, то судебное опредѣленіе, которымъ рѣшено, что вы не имѣете права даже на часть, вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно, какъ это само собою разумѣется, рѣшаетъ, что вы не имѣете права и на цѣлое. Это совершенно очевидно; ибо если бы вы имѣли цѣлое, то чрезъ это самое имѣли бы и часть. Поэтому, Дюрантонъ весьма основательно отвергаетъ странныя слѣдствія, которыя хотѣли вывести здѣсь изъ правила: *totum in parte non est*, что цѣлое не содержится въ части, а Пужоль и даже особенный трактатъ Боннье по этому предмету хранить совершенное молчаніе.

Но если надобно отвергнуть эти слѣдствія, то необходимо также отвергнуть и тѣ, которыя признавали вытекающими изъ другаго правила—*in toto pars continetur*, что часть содержится въ цѣломъ, хотя, кажется, ихъ принимаютъ какъ Пужоль, Боннье и Дюрантонъ, такъ равно Тулье, Захарія (*Zachariae*) и другіе авторы. Сколько бы ни былъ важенъ авторитетъ этихъ писателей, но онъ не можетъ взять верхъ надъ здравымъ разсудкомъ, и чтобы ни говорили въ защиту означенныхъ выводовъ, никогда нельзя доказать логически, чтобъ я не имѣлъ права ни на какую часть потому, что не имѣю права на цѣлое.

И такъ, вовсе не въ приложеніи этихъ двухъ правилъ: *pars in toto*,—*non in parte totum*, что часть заключается въ цѣломъ, а не цѣлое въ части, должно искать средства для разрѣшенія затрудненій, которыя могутъ возникать при опредѣленіи тождества предмета иска; и средство это, какъ намъ кажется, представляется само собою.—Рѣчь идетъ о томъ, чтобы узнать, былъ ли нѣтъ предшествовавшимъ судебнымъ опредѣленіемъ рѣшенъ предметъ новаго дѣла? Что нужно для этого? Взять предметъ рѣшеннаго и сообразить его съ предметомъ новаго дѣла, начатаго прежнимъ истцемъ. Если при этомъ соображеніи откроется, что предметъ вторичнаго дѣла или иска не противорѣчитъ предмету перваго и можетъ существо-

вать совмѣстно съ нимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ не былъ рѣшенъ; если же напротивъ эти два предмета противорѣчатъ другъ другу и несомвѣстны между собою, въ такомъ случаѣ выходитъ, что вторичная претензія уже была рѣшена.

Поясимъ это примѣрами.

Положимъ, что я проигралъ мой искъ на такую-то недвижимость; могу ли я теперь требовать изъ нея пѣкорой отдѣльной или неотдѣльной части, пятой на примѣръ? Приложимъ наше правило: рѣшено, что *я не есмь исключительный владѣлецъ всей недвижимости*; а теперь я начинаю процессъ о томъ, что *я есмь отдѣльный, или неотдѣльный владѣлецъ только пятой части въ ней*.

Оба эти предмета иска совершенно совмѣстны, такъ что можно допустить другой искъ, нисколько не противорѣча первому; слѣдовательно онъ рѣшенъ не былъ и долженъ быть принятъ къ разсмотрѣнію. Точно также, искъ имѣетъ мѣсто, если первымъ судебнымъ опредѣленіемъ рѣшено, что *я не имѣю права пераздѣльнаго участія въ обладаніи всею недвижимостью*, а потомъ требую разсмотрѣнія о томъ, что *я есмь исключительный владѣлецъ отдѣльной части въ этой недвижимости*; или наоборотъ, если первымъ рѣшеніемъ отвергнута моя претензія на исключительное владѣніе отдѣльною частью въ недвижимости, а послѣ я буду требовать въ ней совладѣнія пераздѣльнаго. Это разрѣшилъ весьма хорошо кассационный судъ, въ своемъ опредѣленіи 14 февраля 1831 года, уничтоживъ противное тому рѣшеніе провинціального судебного мѣста (la cour de Poitiers).

Но когда первымъ рѣшеніемъ отвергнута моя претензія на часть недвижимости,—раздѣльную, или пераздѣльную, то могу ли я послѣ этого требовать всей недвижимости? Нѣтъ; потому что рѣшено, что я не имѣю права даже на *пятую долю недвижимости*, а потомъ ищу эту самую пятую съ четвертями другими частями. Въ случаѣ принятія и удовлетворе-

нія такого иска, второе рѣшеніе суда было бы уже лъвымъ отрицаніемъ перваго. Но пусть будетъ рѣшено, что я не имѣю права на такую-то *пятую и опредѣленную часть*, я весьма могу объявить искъ вмѣсто всей недвижимости, на *четыре друія* ея части, о которыхъ не было произнесено рѣшенія. Въ этомъ случаѣ ясно, что первая и вторая претензія имѣютъ два различные предмета. Само собою разумѣется, наконецъ, что ежели первое судебное опредѣленіе вопросъ о собственности рѣшило противъ меня во всѣхъ означенныхъ видахъ, сказавъ, что я не имѣю ни права нераздѣльнаго совладѣнія на какую-нибудь часть, ни права отдѣльнаго и исключительнаго на всю или на часть собственности, то никакой судебный вопросъ по этому предмету уже не можетъ имѣть мѣста и всякое притязаніе на собственность, въ чемъ бы оно ни заключалось, должно считать рѣшеннымъ.

Точно такъ, если рѣшено, что на приводимомъ мною основаніи *вы не должны мнѣ тысячу франковъ*, я, очевидно, не могу, на томъ же основаніи, требовать съ васъ по суду *десяти тысячъ*; напротивъ, если рѣшено только, что вы не должны мнѣ десять тысячъ франковъ, я очень могу искать съ васъ по суду одну тысячу. Ежели по первой моей претензіи въ *десять тысячъ* рѣшено, что вы не только *не должны* мнѣ эти десять тысячъ, но не должны ничего, то весьма ясно, что я уже *ничего* не могу съ васъ требовать.

Точно такъ, наконецъ, когда рѣшено, что я не имѣю *совокупнаго права* проходить или проѣзжать чрезъ ваше владѣніе, я могу требовать только права *прохода*, или только права *проѣзда*, если же рѣшено, что я не имѣю права проходить, я очень могу искать права проѣзжать только; но я не могу требовать права и прохода и проѣзда, потому что въ такомъ случаѣ вышло бы противорѣчіе между предметами перваго и втораго иска.

Подъ именемъ права прохода, здѣсь должно разумѣть

право прогонять скотъ, а подъ именемъ права проѣзда—право провозить чрезъ чужую изгороду убранный съ полей хлѣбъ и т. п., по тутъ не заключается ни права прогуливаться, ни права проѣзжать одному для своихъ дѣлъ. Точно такъ поимали это въ Римѣ.

Отвергнемъ же понятія, которыя хотя и приняты упомянутыми авторами, (исключая Дюрантона, на половину не согласнаго съ ними), но тѣмъ не менѣе противны правиламъ здраваго разсудка и справедливости. Скажемъ, что тотъ, котораго судъ призналъ неимѣющимъ права *ни на какую часть изъ цѣлаго*, не можетъ уже ничего болѣе требовать; напротивъ, тотъ, которому судъ отказалъ только въ правѣ на *цѣлое*, всегда можетъ требовать часть изъ него, и наоборотъ истецъ, о которомъ рѣшено, что онъ не имѣетъ права на такую-то часть *цѣлаго*, очень можетъ требовать прочихъ частей изъ этого цѣлаго, но не всего, со включеніемъ той самой части, въ которой ему отказано. Оставимъ въ сторонѣ мнимыя основанія *pars in toto, non totum in parte*, которыя хотѣли возвести на степень юридическихъ аксіомъ, и будемъ держаться правила, предписываемаго здравымъ смысломъ, что претензія противна иску оконченому во всѣхъ случаяхъ, когда нужное для удовлетворенія ея рѣшеніе было бы въ противорѣчій съ прежнимъ или существующимъ судебнымъ опредѣленіемъ.

Правилу этому, хотя по истинкѣ, очень счастливо уже слѣдовала юриспруденція: кромѣ означеннаго выше приговора кассационнаго суда 14 февраля 1831 г., мы находимъ еще такой приговоръ, отъ 30 марта 1837 года, охуждающій правило, принятое всѣми авторами, что тотъ, кто проигралъ искъ на цѣлое, не можетъ болѣе требовать изъ него никакой части. Дѣло это заслуживаетъ разсказа.

Г-жа Соене купила въ Парижѣ мѣсто, находящееся между улицею Ришельё и садомъ, принадлежащимъ продавцу.

Актъ пріобрѣтенія позволялъ ей строиться только въ улицѣ Ришельё. Но во время прорѣза улицы Вивіеннъ позади ея мѣста, Соене начала доказывать, что этотъ прорѣзъ совершенно уничтожаетъ ея зависимость отъ означеннаго акта; что теперь она имѣетъ полную свободу надъ своимъ мѣстомъ; и что поэтому можетъ производить на немъ по улицѣ Вивіеннъ постройки въ такую *высоту* и *глубину*, какъ ей будетъ угодно. Претензія эта была отвергнута рѣшеніемъ суда 11 ноября 1833 г. Впослѣдствіи Соене стала доказывать, что если она не имѣетъ права дѣлать по улицѣ Вивіеннъ построекъ произвольной высоты, то по крайней мѣрѣ она можетъ строиться тамъ въ глубину, возводя, на примѣръ, лавки, не превышающія оградной стѣны. Соперникъ Соене возразилъ, что эта новая претензія противна состоявшемуся по дѣлу ихъ рѣшенію, потому что право постройки только въ глубину составляетъ часть совокупнаго права строиться въ высоту и глубину; а часть заключается въ цѣломъ, слѣдовательно новый искъ Соене уже былъ рѣшенъ судомъ. Въ подкрѣпленіе этого, онъ ссылаясь на римскіе законы, на Тулье, Дюрэптона и проч. Не смотря на то, претензія г-жи Соене была принята и поддержана какъ первою судебною инстанціею (le tribunal de la Seine, такъ равно и апелляціоннымъ и кассационнымъ судами, которые весьма основательно рѣшили, что право возводить въ высоту какія-нибудь постройки и право строиться только въ глубину, не переходя высоты, не суть одинъ и тотъ же предметъ.

II дѣйствительно, есть ли хотя тѣнь противорѣчія между двумя рѣшеніями, изъ которыхъ однимъ отвергнуто мое право строиться въ глубину и высоту, а другимъ рѣшается, что я очень могу строиться только въ глубину?

II. Для устраненія новой претензіи по силѣ прежняго рѣшенія, недостаточно того, чтобы эта претензія относилась къ тому же самому предмету, который былъ рассмотрѣнъ,—

а надобно, чтобы она имѣла одно и тоже *основаніе*. Послѣ рѣшенія, что я не есмь на приведенномъ мною основаніи владѣлецъ дому А, я могу доказывать право собственности на него на другомъ основаніи, по другому акту.

Но что должно понимать здѣсь подъ именемъ основанія? Этотъ очень важный и очень трудный вопросъ, какъ и предшествовавшій, былъ весьма неудовлетворительно разрѣшенъ авторами.

Основаніе есть непосредственная (*immédiat*) или коренная причина права, которымъ истецъ желаетъ пользоваться, базисъ, и базисъ непосредственный его требованія предъ судомъ; а потому это основаніе не надобно смѣшивать ни съ различными *посредствующими* (*médiats*) основаніями, или простыми *способами*, которыми оно доказывается и оправдывается, какъ то часто дѣлають, ни съ самымъ правомъ—*предметомъ* иска, какъ это дѣлали старые толкователи юриспруденціи и еще весьма недавно Боннье и Пужоль.

Въ особенности надобно избѣгать смѣшенія перваго рода, т. е. основанія съ элементами, его производящими. Не смотря на то, что въ нихъ могутъ заключаться причины отыскиваемого права, а слѣдовательно и базисъ самаго иска, они сами по себѣ составляютъ лишь базисы отдаленные и посредствующіе, такъ сказать основаніе основанія, которыхъ законъ не могъ принять въ уваженіе, не сдѣлавъ тяжбъ вѣчными и не отнявъ силы у судебныхъ рѣшеній. Нѣтъ никакой нужды останавливаться на этихъ отдаленныхъ причинахъ, потому что коренное основаніе заключается только въ послѣдней или самой ближайшей причинѣ, въ непосредственномъ принципѣ или источникѣ, который римляне называли очень точно *causam proximat actionis* (ближайшая причина дѣйствія).

Такимъ образомъ, если я не выигралъ въ судѣ иска объ уничтоженіи засвидѣтельствованнаго у нотаріуса акта, и искъ этотъ былъ основываемъ на нарушеніи формы, доказываемомъ

несовершеннолѣтіемъ одного изъ свидѣтелей, мнѣ нельзя во второй разъ протестовать противъ такого акта по нарушенію въ немъ формы, выводимому изъ какого-нибудь другаго обстоятельства, напримѣръ изъ того, что одинъ изъ свидѣтелей не былъ французъ. Это признано и юридическою литературою, и судебными постановленіями.

И дѣйствительно, основаніе моего перваго иска, т. е. его ближайшая причина, его *непосредственный* базисъ заключался не въ полагаемомъ мною несовершеннолѣтіи одного изъ свидѣтелей, а въ неправильности формы акта. Чего я требовалъ? Уничтоженія акта. Это уничтоженіе было *предметъ* моего иска. Почему актъ должно бы было, слѣдуя мнѣ, признать ничтожнымъ или несуществующимъ? Потому, что онъ былъ неправиленъ въ его формѣ; слѣдовательно, общая мысль о неправильности формы была ближайшею причиною моего требованія, его непосредственнымъ базисомъ, его кореннымъ *основаніемъ*. Но почему актъ, по моему, былъ неправиленъ въ формѣ? Потому, что одинъ изъ свидѣтелей не имѣлъ совершеннолѣтняго возраста. Эта специальная причина, служа отвѣтомъ только на второй вопросъ, есть слѣдовательно ни что другое, какъ основаніе основанія, базисъ базиса, или въ другихъ выраженіяхъ, посредствующее основаніе иска, собственно *способъ* доказать неправильность акта. Такимъ образомъ мы находимъ въ первомъ моемъ искѣ, что уничтоженіе акта составляетъ его предметъ, что *неправильность формы* составляетъ его непосредственное основаніе, и что несовершеннолѣтіе одного изъ свидѣтелей составляетъ посредствующее основаніе, или доказательство этой неправильности. Во вторичномъ искѣ моемъ, участіе иностранца между свидѣтелями, или какое-нибудь другое обстоятельство, мною выставленное, есть ничто другое, какъ базисъ отдаленный, на которомъ опирается базисъ непосредственный, и какъ этотъ послѣдній опять состоитъ въ *неправильности формы*, то изъ этого слѣдуетъ, что не смотря на

различіе доводовъ неправильности, основаніе иска въ обоихъ случаяхъ есть одно и тоже.

Безъ сомнѣнія, какъ это видно изъ сазаннаго, способы или доказательства суть также и основанія иска, потому что они поддерживаютъ претензію истца, а съ другой стороны коренное или непосредственное основаніе (*immediat*) есть въ тоже время и способъ, потому что составляетъ одно и самое первое изъ доказательствъ, приводимыхъ истцемъ въ подтвержденіе своего иска. Но здѣсь, какъ и вездѣ, надобно съ строгою точностію давать всякой вещи ея собственное имя, и для избѣжанія опаснаго и часто случающагося смѣшенія, принимать за *основаніе* только непосредственную изъ опоръ иска, удерживая для всѣхъ прочихъ имя *способа* или доказательства.

Послѣ этого весьма понятно, что если я проигралъ искъ объ уничтоженіи договора, начатый на томъ основаніи, что этотъ договоръ заключенъ мною по ошибкѣ, а потомъ сталъ бы требовать уничтоженія его по причинѣ подлога, или насилія въ составленіи его, мой новый искъ не былъ бы принятъ, какъ уже рѣшенный окончательно, потому что въ обоихъ случаяхъ основаніе непосредственное, причина моего требованія объ уничтоженіи договора есть одна и таже, т. е. общая идея о недействительности (*l'invalidité*) даннаго согласія; частныя же и различныя обстоятельства, въ обоихъ этихъ случаяхъ приводимыя, какъ то: ошибка, подлогъ и насиліе, суть только основанія отдаленныя, посредствующія, или въ другихъ выраженіяхъ, способы или доказательства иска, которые законъ не принимаетъ въ уваженіе.

Этого достаточно, чтобы видѣть, сколь неточно опредѣленіе, которое профессоръ Боннье даетъ основанію иска, говоря, что оно не есть общее для всѣхъ дѣлъ, а частное для каждаго.

Между тѣмъ въ правилѣ главномъ и общемъ для различныхъ исковъ кроется ихъ основаніе; базисъ же частный для каждаго изъ нихъ составляетъ только способъ или доказательство иска. Слѣдовательно не по различію базисовъ на общіе и частные надобно опредѣлять и оцѣнивать свойство иска, но по различію ихъ на *непосредственные* и *посредствующіе*.

Это основное правило, какъ видимъ, есть однакожъ такого рода, что нельзя въ немъ согласиться безъ ясныхъ и точныхъ объясненій; и должно удивляться, что Дюрантонъ ничего не говоритъ о немъ и не опредѣляетъ даже въ общихъ выраженіяхъ, что надобно понимать *подъ основаніемъ иска*.

Тѣмъ труднѣе вдругъ обнять это правило, что съ перваго взгляда оно представляется мало естественнымъ и мало справедливымъ. Кажется, дѣйствительно неправосудно, чтобы тотъ, кто проигралъ искъ объ уничтоженіи акта за неправильность въ его формѣ, не могъ уже болѣе требовать этого за другую въ формѣ неправильность, совершенно различную отъ первой; и чтобы онъ, по силѣ состоявшаго рѣшенія, не былъ допущенъ къ новому процессу, не смотря на то, что тутъ дѣло идетъ о такомъ обстоятельстве, которое въ первомъ искѣ *не было подвергнуто разсмотрѣнію суда*, и котораго ни этотъ судъ, ни самъ истецъ даже не имѣли въ виду.

Точно также кажется несправедливымъ отвергать искъ того, кто, проигравъ процессъ объ уничтоженіи договора за случившуюся съ его стороны при заключеніи сего акта ошибку, захотѣлъ бы потомъ доказывать подлогъ въ составленіи его, о которомъ вовсе не было сужденія въ первомъ дѣлѣ,—подлогъ, который, можетъ быть, онъ самъ не зналъ и *открылъ уже послѣ*. Какимъ образомъ разсудокъ, правосудіе и точность даже самаго языка позволили бы въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ возражать противъ новаго иска тѣмъ, что вопросъ въ немъ заключающійся уже былъ рѣшенъ?

Правило, нами доказываемое, между тѣмъ объясняется всегда необходимымъ пожертвованіемъ пользы частной пользы общей. Если бы позволили брать въ разсужденіе не одно ближайшее и непосредственное основаніе иска, тогда надобно было бы принимать въ расчетъ не только предъидущее предъ нимъ непосредственно, т. е. второе, по восходящей линіи, основаніе, но также и третье, а потомъ четвертое, и такимъ образомъ идти до самыхъ отдаленныхъ причинъ. Но допускать возобновеніе тяжбы по всякой новой причинѣ, какъ бы ни была она отдаленна, т. е. по всякому ея новому способу или доказательству, по всякому новому обстоятельству, относящемуся къ рѣшенному случаю, или къ самому праву, значило бы, какъ уже мы то сказали, сдѣлать процессъ вѣчнымъ и довести судебныя рѣшенія до того, что они никогда не были бы окончательны; а поступаая такимъ образомъ, надобно бы было разрушить силу судебного рѣшенія и ниспровергнуть одно изъ основаній общественнаго порядка.

Поэтому, сколько бы ни были неприятны для тяжущихся въ томъ или другомъ случаѣ послѣдствія доказываемаго нами правила, необходимо при возобновеніи тяжбы брать въ уваженіе только одно то, что собственно называется ея основаніемъ и основаніемъ самымъ ближайшимъ, оставляя въ сторонѣ простыя доказательства или основанія отдаленныя; но тотъ, кто рѣшается предъявить искъ на предположенномъ имъ основаніи, не только долженъ изучить это основаніе, но и разобратъ со вниманіемъ всѣ главныя обстоятельства, которыя съ нимъ соединяются, чтобы ничего не пропустить такого, что можетъ имѣть рѣшительное вліяніе въ судебномъ процессѣ.

Оправдавъ такимъ образомъ приводимое нами правило по отношенію къ его правосудію, весьма легко оправдать его также и въ отношеніи точности выраженій, потому что какъ скоро мы согласились только принимать одно ближай-

шее основание иска опорю новаго судебного вопроса или предмета, то утвердительно можно будетъ сказать, что вопросъ этотъ рѣшенъ во всякомъ такомъ случаѣ, при которомъ о самомъ основаніи уже не можетъ быть пренія. Такъ въ первомъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, нельзя было бы сказать, что предметъ втораго иска разрѣшенъ первымъ рѣшеніемъ, если бы формула объ этомъ предметѣ должнаствовала заключать указаніе на отдаленную причину иска. При этой формулѣ могли бы сказать, что вопросъ рѣшенъ о томъ, *ничтоженъ ли актъ за нарушение въ немъ формы, доказываемое допущеніемъ несовершеннолѣтняго свидѣтеля*, по не рѣшенъ вопросъ о томъ, *не слѣдуетъ ли уничтожить актъ за нарушение формы, доказываемое допущеніемъ въ свидѣтели иностранца*. Но какъ скоро мы исключимъ излишній элементъ изъ формулы вопроса и составимъ ее правильно, отвергая при этомъ всякое другое основаніе, кромѣ непосредственнаго,—она будетъ приведена къ слѣдующему: *точно ли актъ ничтоженъ по нарушенію въ немъ формы?* Послѣ этого, и не разбирая, почему должно бы было признать нарушение формы, (такъ какъ отвѣтъ на это повелѣ бы къ основанію основанія, или къ базису посредствующему)—оказывается весьма ясно, что судебный вопросъ въ обоихъ дѣлахъ есть одинъ и тотъ же, и что вопросъ этотъ рѣшенъ.

И такъ настоящее правило состоитъ въ томъ, чтобы при новой претензіи принимать въ разсмотрѣніе только непосредственное основаніе иска, а потому само собою разумѣется, что если такое основаніе не одинаково въ обоихъ случаяхъ, то предметъ другой претензіи нельзя считать рѣшеннымъ и она должна быть принята.

Такимъ образомъ, проигравъ процессъ объ уничтоженіи договора за недействительность согласія, по причинѣ ошибки, подлога или насилія въ заключеніи его, весьма можно требовать снова этого уничтоженія, по причинѣ юридическаго, т. е.

признаваемого закономъ недостатка способности къ обязатель-
ствамъ, какъ напримѣръ, у лица, взятаго за что нибудь въ
опеку, или у замужней женщины, не получившей отъ мужа
уполномочія на вступленіе въ договоры. Хотя оба эти требо-
ванія имѣютъ сходство въ своихъ основаніяхъ, однако же ос-
нованія сіи различны.

Равнымъ образомъ весьма справедливо судили, что тотъ,
который сначала требовалъ признать недѣйствительнымъ ду-
ховное завѣщаніе Француза, принявшаго безъ согласія своего
правительства подданство въ другомъ государствѣ, и основывалъ это требованіе на декретъ 1811 года, по которому иму-
щество такого Француза подвергалось конфискаціи,—весьма
могъ, проигравъ это дѣло (въ слѣдствіе уничтоженія конститу-
ціею 1814 года конфискаціи, установленной декретомъ 1811
года), доказывать предъ судомъ ничтожность этого самаго за-
вѣщанія, по причинѣ той, что завѣщатель, будучи тѣмъ же
самымъ декретомъ лишень его гражданскихъ правъ, не имѣлъ
юридической способности или права завѣщать свое имѣніе.
Очевидно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ цѣль претензіи—
уничтоженіе духовнаго завѣщанія—не была основана на од-
номъ и томъ же: въ первомъ случаѣ это основаніе заключа-
лось въ мнимомъ отсутствіи у завѣщателя права собственности на
имущество; а въ другомъ его личная неспособность къ завѣ-
щанію. Различіе основаній оказывается здѣсь на самой пер-
вой ступени,—въ самой ближайшей причинѣ иска, такъ что
нѣтъ никакой надобности восходить къ отдаленнымъ причи-
намъ, для убѣжденія въ томъ.

Мы сказали, что условіе о тождествѣ основанія иска бы-
ло представлено учеными юристами весьма неудовлетвори-
тельно. Если одни, и преимущественно Дюрантонъ, не при-
нимаютъ даже труда опредѣлить, что должно называть здѣсь
основаніемъ, то другіе, развивая съ большею или меньшею
точностію настоящее правило, нисколько не занимаются ни

оправданіемъ, нп объясненіемъ его съ нравственной стороны, долженствующими, такъ сказать, служить отвѣтомъ на возраженія о его несправедливости, столь много мѣшающія ясно-му о немъ понятію.

Правда, есть одинъ авторъ, котораго должно уволить отъ этого упрека,—Боннье, хотя онъ о тождествѣ основанія, а равно и о тождествѣ предмета иска говоритъ неполнѣ и весьма сжато,—онъ по крайней мѣрѣ видимо старался опредѣлить и оправдать это правило. Но усилія почтеннаго профессора до такой степени не были счастливы, что трудно вообразить что-нибудь страннѣе его объясненія по этому предмету.

«Требуемое закономъ основаніе для тяжбъ, какъ напримѣръ, при спорѣ о духовномъ завѣщаніи недействительность этого акта, по словамъ Боннье, не составляетъ общаго базиса иска, но составляетъ основаніе частное, посредствомъ котораго опровергается завѣщаніе. Но не надобно идти слишкомъ далеко по этому пути и смѣшивать съ основаніемъ средства, употребляемыя въ доказательство его существованія; въ противномъ случаѣ тяжёбые процессы размножились бы до безконечности. Юриспруденція находится тутъ между двумя камнями преткновенія: съ одной стороны не должно *восходить къ основанію претензій самому отделенному*, когда это могло бы увлечь сужденіе на предметы, различные отъ тѣхъ, которые уже были рѣшены; а съ другой стороны не надобно *принимать за различныя основанія средства*, употребляемыя для подкрѣпленія выводовъ,—когда это можетъ умножить безконечно тяжёбые процессы».

Въ этомъ состоитъ объясненіе настоящаго предмета г. Боннье. Прочитавъ его, нельзя не спросить прежде всего, какіе это два камня преткновенія, о которыхъ авторъ говоритъ, какія это *два* опасности, которыя онъ противопоставляетъ одну другой? По его словамъ, первая опасность—

восходить къ основанію самому отдаленному тогда, когда должно остановиться на основаніи ближайшемъ, а другая—принимать средства за основанія. Но брать *простое средство за основаніе*, значитъ то же самое, что *восходить къ основанію самому отдаленному*; а такимъ образомъ два камня преткновенія, обозначенные Боннье и противопологаемые имъ какъ одна крайность другой крайности, составляютъ *однѣ и тотъ же самый* камень преткновенія. Такъ, напримѣръ, если судъ, отвергнувъ мою претензію объ уничтоженіи контракта по недѣйствительности моего согласія на него, выводимую изъ ошибки, принялъ бы потомъ (несправедливо) отъ меня претензію объ уничтоженіи этого самаго контракта за недѣйствительность моего согласія, какъ вынужденнаго насиліемъ; а отказавъ въ этой претензіи, допустилъ бы еще нескъ по уваженію къ недѣйствительности моего согласія, доказываемой подлогомъ въ контрактъ: то это было бы съ одной стороны брать *ошибку, насиліе и подлогъ* за различныя основанія иска, тогда какъ они въ сущности составляютъ лишь средства доказать недѣйствительность согласія на договоръ, а съ другой и въ то же время,—это значило бы *восходить* въ каждомъ дѣлѣ къ *отдаленнѣйшему основанію* иска, вмѣсто того, чтобы держаться основанія самаго ближайшаго. Очевидно, что Боннье, хотя и говорить здѣсь о двухъ опасностяхъ, которыя дѣйствительно существовали въ его мысли, выразилъ только одну и ту же самую опасность, именно—опасность принимать обстоятельство, производящее или оправдывающее основаніе, за самое основаніе иска,—брать *causa remota* за *causa proxima* (причину отдаленную за причину ближайшую).

III Если нельзя оправдать у Боннье этого послѣдняго выраженія, то также нельзя его оправдать, какъ мы уже это видѣли, и въ отношеніи первой, употребленной имъ въ своемъ объясненіи фразы, представляющей мнимое опредѣленіе основанія иска. «Требуемое закономъ для тяжбъ основаніе, гово-

рить Боннье, не составляет общаго базиса иска, но составляет основаніе частное» . . . . . Зablужденіе! Когда я хочу пачать три одинъ за другимъ процесса объ уничтоженіи контракта за недѣйствительность моего согласія на него, опираясь сначала на подлогъ, потомъ на насиліе, а наконецъ на ошибку,—главное основаніе этихъ исковъ, причина общая всѣмъ тремъ, есть собственно недѣйствительность согласія; а подлогъ, насиліе и ошибка составляютъ лишь основанія спеціальныя для каждаго изъ процессовъ. Но ежели точно слѣдовало бы держаться здѣсь основанія спеціальнаго, то изъ того вышло бы, что какъ это основаніе различно во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, всѣ три иска должны бы были приняты судомъ; между тѣмъ самъ Боннье пишетъ, «что контрактъ, опровергаемый безуспѣшно за подлогъ въ немъ, не можетъ уже подвергаться опроверженію за насиліе или ошибку, потому что въ трехъ этихъ случаяхъ основаніе иска, какъ его понимаетъ законъ, есть одно и тоже, именно *недѣйствительность согласія*.» Подобно этому, когда я сталъ бы требовать уничтоженія духовнаго завѣщанія сначала за нарушение формы, происходящее отъ несовершеннолѣтія одного изъ свидѣтелей, потомъ за нарушение формы, происходящее отъ допущенія въ свидѣтели не француза, и наконецъ за нарушение формы, выводимое изъ какого-нибудь другаго обстоятельства,—представляемое Г. Боннье правило заставило бы сказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мой искъ долженъ имѣть мѣсто, какъ ни въ одномъ перѣшленный окончательно судомъ, потому что основаніе спеціальное, котораго, по мнѣнію Боннье, надобно бы было держаться, различно во всѣхъ трехъ дѣлахъ. И однакожъ Боннье говоритъ снова здѣсь, что не смотря на различіе вопроса спеціальнаго, я не долженъ быть допущенъ къ возобновленію процесса, такъ какъ основаніе моего иска, по разуму закона, есть *неисправность формы вообще*, т. е. въ чемъ бы она ни состояла, а не такое

или другое *нарушеніе формы спеціальное*. Такимъ образомъ открывается, что представляемое г. Боннье правило совершенно противоположно истинѣ, и самъ же Боннье опровергаетъ его приведенными имъ примѣрами.

Мы сказали, что если не надобно смѣшивать основанія иска, т. е. его ближайшей опоры съ различными обстоятельствами, которыя его производятъ и оправдываютъ, т. е. съ основаніями отдаленными, то равнымъ образомъ не должно его смѣшивать и съ самымъ *предметомъ* иска. Этотъ послѣдній камень преткновенія, какъ ни кажется онъ мало опаснымъ, требуетъ однакожь въ свою очередь нѣсколькихъ замѣчаній, ибо юристы, даже самые новѣйшіе, не миновали его благополучно.—Пужоль, напримѣръ, говоритъ, что не надобно смѣшивать средствъ или доказательствъ иска съ его *предметомъ* или цѣлью; а потомъ въ поясненіе приводитъ, что требованіе права собственности на что-нибудь и требованіе права пользованія имуществомъ составляютъ два основанія въ обоихъ искахъ. Боннье впасть также въ эту важную ошибку, сдѣлавшуюся у него причиною многихъ ложныхъ и непонятныхъ объясненій, какъ это мы показали выше.

Попробуемъ же представить по этому предмету точный разборъ. Если наше объясненіе покажется длиннымъ, то не надобно забывать, что мы къ этому вынуждены необходимостью обнаружить многія заблужденія.

Какъ умъ, стремясь понять основаніе судебного иска, можетъ встрѣтить въ дѣлѣ сложные элементы или обстоятельства, и въ каждомъ изъ нихъ видѣть характеръ или свойство этого основанія, точно такъ умъ можетъ встрѣчать такіе элементы, когда онъ будетъ искать предметъ или цѣль иска; и какъ одна и таже претензія можетъ имѣть многія основанія, составляющія послѣдствія одни другихъ, (и изъ которыхъ только *послѣднее*, какъ мы видѣли, должно принимать здѣсь въ уваженіе),—точно такъ могутъ быть многіе предметы или

цѣли иска, равнобѣрно составляющія послѣдствія одни другихъ. Напримѣръ, если я веду искъ объ уничтоженіи продажи моего дома, по причинѣ той, что мое согласіе на это было вынуждено насиліемъ,—то, разсматривая *основаніе* моего иска, вы находите двѣ вещи: во первыхъ насиліе, надо мною произведенное, а во вторыхъ недѣйствительность, въ слѣдствіе того, моего согласія; точно такъ, отыскивая *предметъ* или цѣль моего иска, другими словами, то, чего я хочу достигнуть, вы равнобѣрно находите двѣ вещи: во первыхъ уничтоженіе продажи, а во вторыхъ—возвращеніе мнѣ проданнаго дома. Такимъ образомъ, если съ одной стороны надъ ближайшимъ и непосредственнымъ основаніемъ иска есть другое, болѣе отдаленное и посредствующее основаніе, изъ котораго рождается первое, то также подъ прямымъ и непосредственнымъ предметомъ иска находится другой предметъ, посредствующій и болѣе отдаленный, вытекающій изъ перваго. Слѣдовательно два основанія и два предмета иска во всѣхъ четырехъ вещахъ. Иногда можетъ встрѣтиться ихъ больше; но и приведеннаго нами числа (четырехъ) достаточно для нашего объясненія. Замѣтимъ однако, что если два только изъ этихъ четырехъ элементовъ дѣла играютъ роль основанія по отношенію къ иску, то, напротивъ, каждый изъ нихъ играетъ роль основанія по отношенію къ находящемуся подъ нимъ элементу. Такъ насиліе составляетъ основаніе недѣйствительности моего согласія; такъ эта недѣйствительность составляетъ основаніе для уничтоженія продажи, а это уничтоженіе составляетъ основаніе для возвращенія мнѣ проданнаго имущества и восстановленія моего права собственности надъ симъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, когда элементы дѣла, болѣе или менѣе многочисленныя, будутъ разсматриваемы не по отношенію къ требованію истца, но по отношенію между собою, то каждый изъ нихъ, исключая послѣдняго (который ни чѣмъ не можетъ быть другимъ, какъ самымъ дѣйствіемъ или исполненіемъ),

представляетъ основаніе для слѣдующаго за нимъ элемента. Поэтому, уничтоженіе договора о продажѣ есть *основаніе* въ отношеніи къ праву на возвратъ проданнаго имущества, но въ отношеніи къ требованію истца объ этомъ уничтоженіи, составляетъ только *предметъ* или *цѣль*; равнымъ образомъ уничтоженіе духовнаго завѣщанія есть *основаніе* праву для законнаго наслѣдника на получение завѣщаннаго имущества, но составляетъ лишь *предметъ* или *цѣль* въ отношеніи къ всѣмъ объ этомъ уничтоженіи. Отъ того-то, что одинъ и тотъ же элементъ въ судебномъ процессѣ можетъ быть вдругъ и *основаніемъ* и *предметомъ* иска, по различію точки зрѣнія на него и по различію предмета, къ которому его отнесете, нѣкоторые умы запутались въ этомъ, и принимая, не замѣчая самаго того, одну точку зрѣнія за другую, начали утверждать, что непосредственный предметъ иска, когда онъ сопровождается предметомъ посредствующимъ, составляющимъ его послѣдствіе, есть основаніе претензій! . . . . . Говорите, что онъ есть основаніе предмета посредствующаго, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — но ужъ очевидно не основаніе самой *претензій*.

По той причинѣ, что Бошье не понялъ этого, онъ говоритъ въ своей книгѣ, что претензія, которою я хочу опровергнуть духовное завѣщаніе, имѣетъ своимъ основаніемъ—*уничтоженіе* этого завѣщанія; а претензія, клонящаяся къ разрушенію контракта, имѣетъ своимъ основаніемъ—*уничтоженіе* его, и что положеніе наказанія есть *основаніе* по отношенію къ преступному дѣйствію.

III. При тождествѣ предмета иска и тождествѣ его основанія, нужно еще и *тождество лицъ*. Мы не будемъ распространяться въ доказательствахъ объ этомъ послѣднемъ условіи, какъ потому, что оно требовало бы обширнаго разви-

тя, такъ и потому что оно, бывъ худо понимаемо до 1844 года, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ юридическихъ сочиненіяхъ, — наконецъ объяснено въ превосходномъ трудѣ профессора Валетта, напечатанномъ въ *la Revue de Droit français* 1844 г. № 27 и послѣдующихъ. Мы ограничимся по этому предмету только нѣсколькими словами.

Для тождества лицъ не достаточно того, чтобы въ новомъ дѣлѣ были тѣ же самые тяжущіеся, а надобно, чтобы они имѣли и тѣ же, какъ прежде, свойства. Не довольно того, что лицо, которое дѣйствуетъ во второмъ, есть лицо, дѣйствовавшее и въ первомъ процессѣ; нужно, чтобы оно дѣйствовало по тому же самому титулу или праву; говоря другими словами, здѣсь недостаточно тождества физическаго, а надобно тождество юридическое. Такъ, напримѣръ, если я проигралъ процессъ о возвратѣ мнѣ самому такого-то недвижимаго имущества, а потомъ пожелалъ бы возобновить его въ качествѣ ли опекуна надъ малолѣтнимъ или лицомъ взятымъ въ опеку, — въ качествѣ ли довѣреннаго, или управляющаго отъ другаго лица, то оказывается весьма ясно, что тутъ проситель только физически есть тотъ же самый, но не юридически. Въ первомъ случаѣ истцомъ былъ я самъ; между тѣмъ какъ во второмъ истецъ или малолѣтній, или взятый въ опеку, или другое лицо, а я вообще для нихъ служу тутъ лишь орудіемъ.

Но если въ судебномъ процессѣ можетъ быть юридическая разность лицъ, не смотря на тождество физическое, то также можетъ быть юридическое тождество лицъ, не смотря на разность физическую индивидуумовъ; говоря другими словами, я могу, не участвуя самъ въ искѣ, быть въ немъ посредствомъ такого своего представителя, съ которымъ я юридически составляю одно и тоже лицо.

Такъ малолѣтнѣй и человекъ, которому запрещено самому располагать своимъ имуществомъ, имѣютъ своимъ представителями ихъ опекуновъ, а замужняя женщина—своего мужа, въ отношеніи къ дѣйствіямъ, которыя ему ввѣряетъ законъ.

Перев. ПАЩЕНКО.

ОЧЕРКЪ

АНГЛІЙСКАГО УГОЛОВНАГО ПРОЦЕССА.

(Продолженіе) (*).

VI.

Уголовный судъ или формальное разсмотрѣніе уголовныхъ преступленій въ Англии совершается общимъ собраніемъ мировыхъ судей и королевскими судьями, пріѣзжающими для этой цѣли въ графство. Королевская скамья, одна изъ палатъ центральнаго королевскаго суда въ Лондонѣ, тоже вѣдаетъ уголовныя дѣла. Но кругъ ея вѣдомства ограничивается тѣми дѣлами, которыя поступаютъ въ нее по жалобѣ обвиняемаго на отступленіе отъ установленныхъ закономъ формъ. Такой же самый видъ судебной власти принадлежитъ и парламенту.

Общія собранія мировыхъ судей графства бываютъ четыре раза въ годъ и потому называются четвертными засѣданіями (Quartal Sessions). Въ теченіе многихъ вѣковъ эти засѣданія повторяются въ установленные и неизмѣнно соблюдаемые сроки. По закону Георга IV, они должны открываться въ первую недѣлю послѣ 24 іюня, 11 октября, 28 декабря и 31 марта. Закономъ Вильгельма IV время мартовскихъ засѣданій указано между 7 марта и 22 апрѣля, для того, чтобы дать возможность избѣжать совпаденія ихъ съ весенними засѣданіями странствующихъ королевскихъ судей. Впрочемъ предписанія касательно сроковъ имѣютъ характеръ указанія.

(*) См. Ж. М. Ю. за іюнь и сентябрь 1860 г.

опредѣляющаго приблизительно время засѣданія, а не повелѣнія, не допускающаго какой-нибудь разницы въ числахъ. Законъ не дозволяетъ только, чтобы четвертныя засѣданія были въ тѣ дни, въ которые королевскіе судьи держатъ ассизы въ графствахъ. Такое недозволеніе основывается на томъ фактѣ, что мировые судьи графства по обычаю обязаны также присутствовать при судоговореніи королевскаго судьи, пріѣхавшаго въ графство. Для четвертныхъ засѣданій Лондона и Мидлсекса установлены пѣкоторые особенныя правила. Бѣльшее количество дѣлъ потребовало и бѣльшаго числа засѣданій: въ настоящее время здѣсь бываетъ въ годъ по крайней мѣрѣ восемь засѣданій, изъ коихъ 4 почти въ тоже самое время, какъ и въ провинціяхъ, и называются также четвертными, а остальные четыре въ другіе періоды и носятъ названіе общихъ засѣданій (General Sessions). Должно впрочемъ сказать относительно послѣднихъ, что они могутъ быть открываемы и въ другихъ графствахъ, и на практикѣ это бываетъ. Еще въ законѣ Генриха IV говорится, что мировые судьи должны каждагодно въ узаконенныя недѣли держать свои засѣданія четыре раза «и если нужно, то и чаще». Но число ихъ и сроки не указаны въ законѣ.

Четвертныя засѣданія графства имѣютъ всѣ качества окружнаго сейма. Сюда являются всѣ представители мѣстной администраціи, полиціи и суда, избираемые самимъ же графствомъ или назначаемые короною, но издавна усвоившіе характеръ народныхъ чиновниковъ. Кромѣ мировыхъ судей здѣсь присутствуютъ шерифъ или его помощникъ, хранитель актовъ графства (Custos rotulorum), коронеры, старшіе констаблы (High constables), смотритель тюрьмы, смотритель исправительнаго дома и наконецъ лица, составляющія большой и малый судъ присяжныхъ. Для жителя материка, усвоившаго еслп не путемъ практики, то путемъ теоріи ученіе о строгомъ раздѣленіи судебныхъ и административныхъ властей, такой составъ судебного органа съ перваго раза можетъ показаться

нелѣпною и вредною для правосудія отсталостію отъ успѣховъ общественной жизни другихъ народовъ. Дѣйствительно, эта организація не удовлетворяетъ книжнымъ теоріямъ, которыя еще такъ недавно пользовались авторитетомъ послѣднихъ выводовъ науки. Но всматриваясь ближе въ это учрежденіе, нельзя не замѣтить, что оно есть самородокъ, обладающій самыми прочными задатками для безпристрастія юстиціи. Не правосудіе терпитъ отъ прикосновенія къ полиціи и администраціи, а послѣдніе выигрываютъ отъ внесенія въ нихъ началъ, проникающихъ здравую юстицію. Первое условіе безпристрастія, полезности и популярности юстиціи заключается не во внѣшнемъ, строго математическомъ разграниченіи властей, а въ независимости лицъ, ее отпавляющихъ, не той только внѣшней и потому низшей, выражающейся въ одной несмѣняемости, но независимости, усвоенной въ теченіе вѣковъ правами судящихъ, свято уважаемой правительствомъ, неослабляемой иными, присущими учрежденію силами, и опирающейся на самостоятельное экономическое, нравственное и общественное положеніе судящаго. Такого рода независимостію обладаютъ четвертныя засѣданія. Они состоятъ изъ лицъ, къ которымъ привычки самоуправленія, чувство законности, правила правосудія перешли по наслѣдству, которыя, будучи предоставлены руководству своей совѣсти и своего разума, подлежа контролю общества, для котораго безпристрастіе судовъ есть насущная необходимость, являются истинными блюстителями закона. Четвертныя засѣданія, завѣдывая мѣстною администрацію, полицію и благотворительностію, сами не дисциплинируются министерствомъ юстиціи въ родѣ французскаго, не ослабляются въ своей дѣятельности институтомъ прокуратуры, а подлежатъ отвѣтственности предъ общественнымъ мнѣніемъ страны и контролируются ея органомъ—свободною журналистикою.

Четвертныя засѣданія бываютъ въ мѣстахъ, издавна установленныхъ обычаемъ, большею частію въ главномъ городѣ графства, въ домѣ, гдѣ совершается судъ ассизовъ, или въ

ратушѣ, или въ особо назначенномъ для нихъ домѣ. Законъ не стѣсняетъ въ этомъ случаѣ жизни и оставляетъ выборъ мѣста на попеченіе шерифа. Въ нѣкоторыхъ графствахъ, въ которыхъ нѣтъ удобнаго для засѣданій окружнаго города, они держатся по очереди въ разныхъ городахъ; въ иныхъ засѣданіе начинается въ окружномъ городѣ и потомъ продолжается въ одномъ или во многихъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ скопляется многочисленное народонаселеніе, чтобы такимъ образомъ избѣжать перемѣщенія подсудимыхъ.

До сихъ поръ еще указываютъ на недостаточность юридическаго образованія мировыхъ судей, какъ на слабую сторону организациі четвертныхъ засѣданій. Нигдѣ, можетъ быть, президентъ суда не долженъ имѣть столько опытности, знаній и умѣнія, какъ въ Англіи, и нигдѣ эти качества, вслѣдствіе отсутствія кодекса, не пріобрѣтаются такъ исключительно изъ практики, какъ тамъ.

Президентъ англійскаго суда, не смотря на то, что ему принадлежитъ въ процессѣ только роль безпристрастнаго посредника, есть однакожъ представитель и стражъ закона; ему не только принадлежитъ власть не допускать отступленій отъ закономъ установленныхъ правилъ, но ему приходится разрѣшать очень важные юридическіе вопросы. Тутъ недостаточно одного общаго политическаго образованія. Но должно сказать, что въ послѣднее время, кромѣ общихъ успѣховъ образованія, поднявшаго уровень политической и юридической опытности того класса, изъ котораго избираются мировые судьи, законодательство и практика стремятся къ восполненію упомянутаго недостатка. Мировые судьи обыкновенно избираютъ себя предсѣдателемъ (Chairman) лорда, не рѣдко практическаго юриста изъ высшаго класса адвокатовъ (Barrister), вообще же человѣка, долготѣнимъ участіемъ въ мировой юстиціи пріобрѣвшаго опытность въ дѣлахъ. Закономъ, изданнымъ при нынѣшней королевѣ, установленъ для четвертныхъ засѣданій Мильдсекса особый пожизненный на жалованьи судья помощ-

пикъ (Assistant Judge) и тѣмъ же закономъ корона уполномочена распространить это установленіе и на провинціи. Обыкновенно президентами провинціальныхъ четвертныхъ засѣданій назначаются высшаго класса адвокаты (Sergeant или Barrister), принимавшіе по крайней мѣрѣ въ теченіе 10 лѣтъ участіе въ засѣданіяхъ мировыхъ судей. Они не обязаны участвовать въ отправленіи административныхъ дѣлъ. Въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ введено это учрежденіе, организація четвертныхъ засѣданій вполне удовлетворяетъ условіямъ разумной юстиціи.

Объемъ уголовной подсудности, принадлежащей четвертнымъ засѣданіямъ, въ старое время былъ очень обширенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленъ. «Кажется», говоритъ Миттермайеръ, «что при Генрихѣ III и его преемникахъ къ королевскимъ судьямъ народъ питалъ ненависть за ихъ произволь, что въ то время охотибѣ подчинялись подсудности мировыхъ судей, ближе стоявшихъ къ народу, и что вслѣдствіе этого могла расширяться подсудность четвертныхъ засѣданій. Этимъ объясняется возникновеніе частыхъ споровъ о объемѣ ихъ уголовной власти». Изъ—подъ ихъ подсудности исключены были только преступленія, принадлежащія къ категоріи измѣны (Verrath, treason), и нѣкоторыя другія, отнесенныя по истолкованію къ этому разряду. Въ мировыхъ грамотахъ (Friedenscommission) старыхъ временъ говорилось, что мировые судьи въ трудныхъ случаяхъ должны бращаться за совѣтомъ къ свѣдущимъ въ правѣ судьямъ. Хотя на этомъ основаніи въ практикѣ многія изъ тяжкихъ преступленій оставляемы были на разсмотрѣніе страивующихъ королевскихъ судей; но за то, вслѣдствіе неустановленности общихъ началъ, другія, неменѣе важныя были разсматриваемы въ четвертныхъ засѣданіяхъ, и даже не всегда строго исполнялось установившееся въ практикѣ правило о подсудности симъ засѣданіямъ тѣхъ преступленій, за которыя присуждалась смертная казнь и пожизненная ссылка. Съ другой же

стороны королевскимъ судьямъ приходилось вѣдать маловажные уголовные случаи. Очень часто желаніе обвинителя, взгляды мирового судьи, производившаго предварительное слѣдствіе, расчеты относительно времени и издержекъ, и другія основанія рѣшали вопросъ о томъ, въ четвертныхъ ли засѣданіяхъ или въ судѣ ассизовъ долженъ быть рѣшенъ уголовный случай. Законами, изданными при нынѣшней королевѣ, строже разграничена подсудность, имъ принадлежащая, и внесена опредѣленность началъ. Изъ вѣдомства четвертныхъ засѣданій изъяты, сверхъ измѣны, убійство и тяжкія felonіи, за которыя законъ грозитъ ссылкой на цѣлую жизнь (нынѣ каторжной работой), и 18 въ законѣ названныхъ преступленій, по причинѣ тяжести наказанія за нихъ, или по причинѣ политической ихъ важности, или наконецъ по трудности возникающихъ по поводу ихъ юридическихъ вопросовъ. Сюда отнесены государственныя преступленія въ обширномъ смыслѣ, какъ напримѣръ преступленія противъ правъ королевы, противъ правительства, противъ парламента, также преступленія противъ религіи, клятвoprеступленіе, вовлеченіе свидѣтелей въ ложную клятву, скрיתіе родовъ, подкупъ. Въ настоящее время уголовная власть четвертныхъ засѣданій ограничивается преступленіями средняго разряда, и равняется власти французскихъ исправительныхъ судовъ.

Странствующие королевскіе судьи, пріѣзжающіе въ графства для отправленія юстиціи, или, выражаясь технически для держанія ассизовъ, составляютъ второй разрядъ уголовныхъ судовъ. Англія въ отношеніи королевской юстиціи раздѣляется на шесть округовъ. По два судьи королевскихъ палатъ пріѣзжаютъ въ эти округа два, а въ нѣкоторыя три раза въ годъ съ порученіемъ относительно королевскаго мира, выслушанія и рѣшенія закономъ указанныхъ имъ уголовныхъ случаевъ и очищенія тюремъ. Обыкновенно впрочемъ, порученіе это исполняетъ одинъ судья, другой же рѣшаетъ дѣла гражданскія. Для Лондона при Вильгельмѣ IV учрежденъ съ

властію ассизнаго суда центральный судъ (Central criminal court), въ которомъ засѣданія бываютъ каждый мѣсяць. Президентомъ этого суда, по старой привилегіи лондонскаго сити, считается лордъ-меръ, но на практикѣ онъ засѣдаетъ только въ первый день, а въ остальные предѣдательствуетъ судья королевской лавы. Происхожденіе странствующихъ судей относится ко времени Генриха II, который учрежденіемъ этимъ хотѣлъ прекратить своеволие и неправосудіе бароновъ, шерифовъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространить королевское право суда на сколько возможно большій кругъ преступленій. Приѣзжая въ графство, они выслушивали жалобы жителей на притѣсненія мѣстныхъ властей и требовали указанія лицъ, нарушившихъ королевскій миръ. До сихъ поръ приѣздъ ихъ сзываетъ въ окружный городъ графства представителей мѣстнаго управленія и суда, а равно и гражданъ, принимающихъ живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Институтъ странствующихъ судей заслужилъ любовь англійскаго общества и похвалы людей, занимающихся изслѣдованіемъ устройства государствъ, но въ тоже время онъ не избѣжалъ и нѣкоторыхъ упрековъ и справедливой критикитѣхъ и другихъ. Нельзя не признать въ этомъ учрежденіи произведенія, соединяющаго въ себѣ многія драгоценныя качества, недостижимыя при другой организаціи. Судебная власть является здѣсь сама на помощь обществу, а не заставляетъ его искать себя вдали. Западныя государства бьются надъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ соединить неприкосновенность правъ центральной власти во всѣхъ ея отправленіяхъ съ естественными правами каждаго гражданина находить удовлетвореніе своихъ нуждъ у себя дома. Въ Англии гражданинъ, имѣвшій неосторожность, несчастіе или даже и предрасположеніе впасть въ преступленіе, не долженъ дѣлать далекихъ переѣздовъ для того, чтобы услышать рѣшеніе своей участи. Обязанность гражданина являться лично свидѣтелемъ въ судъ не сопровождаетъ

ся для него необходимою покидать мѣсто своего жительства. Наконецъ, самое преступленіе разсматривается и рѣшается въ той средѣ, гдѣ оно совершилось, гдѣ оно наиболѣе извѣстно и гдѣ судъ надъ нимъ имѣетъ наибольшій смыслъ для гражданъ. Къ неменѣ важнымъ достоинствамъ этого учрежденія принадлежитъ также возможность имѣть относительно меньшее число судей и выбирать ихъ изъ людей, пріобрѣвшихъ наибольшую извѣстность своими судейскими и гражданскими качествами, людей, которыхъ единственный интересъ можетъ состоять только развѣ въ упроченіи этой извѣстности. Нѣтъ ничего губительнѣе для надлежащаго и вполне полезнаго отправленія общественныхъ обязанностей, какъ бездарность, посредственность и отсутствіе внутренней самостоятельности отправляющихъ обязанность. Совершенство законовъ не можетъ исцѣлить этой язвы обществъ. Напротивъ, способности и глубокія свѣдѣнія органовъ всякой власти, и въ томъ числѣ судебной, въ силахъ исправить недостатокъ закона безъ его нарушенія, вдохнуть въ него наилучшій смыслъ безъ его искаженія. Всякій изучающій организацію англійскаго общества и въ частности уголовного процесса бываетъ пораженъ недостаточностію, отрывочностію и даже отсталостію нѣкоторыхъ законовъ, сюда относящихся, и въ тоже время полнотой и послѣдовательностію практики, ея гуманнымъ духомъ, по возможности соответствующимъ теперешнему настроенію христіанскихъ обществъ. Въ англійскомъ процессѣ есть цѣлыя ученія, обладающія необыкновенно прочными теоретическими и практическими достоинствами, исключительно обязанныя своимъ происхожденіемъ практикѣ, или другими словами сословію судей, таковы: ученіе о доказательствахъ и ученіе, оставляющее обвиняемому право молчанія во время процесса, и считающее неумѣстнымъ не только приневоливать, даже привлекать его къ показанію противъ самаго себя. Созданіе сихъ ученій возможно было только подъ условіемъ необыкновенной даровитости судей, такъ послѣдовательно и съ такою энергіею, въ уди-

вительной гармоніи съ потребностями общества, умѣвшихъ совершить это дѣло. Только подъ условіемъ необыкновенной даровитости и всесторонняго изученія предмета своей профессіи возможно было сочетаніе въ англійскомъ судѣ глубокаго уваженія къ закону и преданіямъ старины съ уваженіемъ къ закону вѣчнаго усовершенствованія и движенія впередъ. Но учрежденіе странствующихъ судей имѣетъ свои недостатки, тѣмъ болѣе важные и трудно устранимые, что они тѣсно связаны съ его достоинствами. Вслѣдствіе малочисленности судей, объѣзды ихъ не могутъ совершаться такъ часто, какъ того требовали бы нужда и естественный законъ справедливости, не допускающей, чтобы обвиняемый одну лишнюю минуту содержался въ тюрьмѣ. При этомъ же устройствѣ обвиняемый иногда принужденъ бываетъ томиться въ тюрьмѣ въ теченіи четырехъ-пяти мѣсяцевъ, если онъ былъ обвиненъ непосредственно послѣ выѣзда королевскаго судьи изъ графства. Хорошо, если бы приговоръ объ отсылкѣ къ суду ассизовъ падалъ только на виновныхъ; но бываютъ, хотя и рѣдко, случаи, что ему подвергаются невинные, и тогда пятимѣсячное содержаніе въ тюрьмѣ есть ничѣмъ неизвѣстная несправедливость со стороны общества, не умѣвшаго избѣжать ее. Впрочемъ, англійское общество не остается при однихъ безплодныхъ жалобахъ на этотъ недостатокъ, но въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ сдѣлало многое для уменьшенія неудобствъ, отъ него происходящихъ. Въ старое время королевскіе судьи являлись въ нѣкоторыя графства одинъ разъ въ годъ, а въ другія мѣста и вовсе не являлись. Въ настоящее же время они регулярно два раза въ годъ посѣщаютъ каждое графство, а въ графства Ланкастерское и Йоркское пріѣзжаютъ три раза въ годъ. Кромѣ того въ центральномъ судѣ Лондона и его округа королевскій судъ засѣдаетъ каждый мѣсяцъ.

VII.

Послѣ допущенія большими присяжными обвиненія подсудимый пригоствляется къ защитѣ, для веденія которой ему необходимо знать обстоятельно доказательства, приводимыя противъ него обвинителемъ и избрать себѣ защитника, человѣка свѣдущаго въ законахъ. Еще недавно эта часть англійскаго процесса имѣла значительные недостатки, которые до сихъ поръ не вполне устранимы. Законъ дѣлалъ различіе между преступленіями, принадлежащими къ разряду измѣны (treason), и извѣстными подъ именемъ фелоній, не давая обвиняемому въ послѣднихъ ни права требовать заблаговременнаго сообщенія ему доказательствъ, ни имѣть защитника. Могущество правительства, выступавшаго обвинителемъ противъ уличаемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, побудило общество требовать возможно большихъ средствъ защиты для обвиняемыхъ въ этого рода преступленіяхъ. Довольно рано введенъ былъ законъ, обязавшій сообщать каждому обвиняемому въ измѣнѣ за десять дней предъ пачатіемъ формальнаго суда копию съ обвинительнаго акта и списокъ обвинительныхъ свидѣтелей и присяжныхъ. Кромѣ того подсудимый въ этого рода процессахъ издавна пользовался правомъ имѣть защитника. Но по непонятной непослѣдовательности права эти не распространялись на обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подходящихъ подъ категорію фелоній, хотя нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ влекли за собою смертную казнь. Въ основаніе такого недозволенія приводили то, что по старому закону обвиняемый имѣетъ защитника въ лицѣ судьи. Но съ этимъ объясненіемъ не мирилось дозволеніе обвиняемымъ въ полицейскихъ проступкахъ, слѣдовательно преступленіяхъ менѣе важныхъ, пользоваться содѣйствіемъ защитника. Такой недостатокъ законовъ защиты былъ сознаваемъ въ Англій. Въ 1824 г. внесенъ былъ въ парламентъ первый билль о распространеніи на всѣхъ обвиняемыхъ права имѣть защитника. Трудно согласиться съ Реемъ

(Institutions de l'Angleterre, стр. 346), считающимъ причиною отверженія этого билля тайную нерасположенность судей ко всему, что можетъ уменьшить ихъ вліяніе, и страхъ упустить случай, доставлявшій имъ популярность. Проще и естественнѣе это произошло отъ свойственной англійскому парламенту осторожности при принятіи законовъ и расположенности къ болѣе глубокому изслѣдованію предмета, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности позволялось обвиняемому въ какой-нибудь felonіи пользоваться хотя неполнымъ содѣйствіемъ законовѣда. Адвокатъ не имѣлъ права говорить защитительную рѣчь за обвиняемаго, но онъ могъ касаться вопроса о правѣ, равнымъ образомъ вести перекрестный допросъ и дѣлать свои замѣчанія во время выслушанія свидѣтелей. Наконецъ въ 1836 г. изданъ былъ законъ, дозволяющій обвиняемымъ во всѣхъ родахъ преступленій имѣть защитника. Но до сихъ поръ держится неравенство правъ подсудимыхъ при сообщеніи имъ свѣдѣній, необходимыхъ для защиты. Законъ о правѣ на полученіе этихъ свѣдѣній не распространяется на обвиняемыхъ въ felonіяхъ. Впрочемъ и они могутъ просить судъ о выдачѣ имъ копій съ обвинительнаго акта, но не иначе, какъ съ приведеніемъ причинъ такой просьбы, и судъ выдаетъ ее не по предписанію закона, а по собственному усмотрѣнію. Принято за правило, что каждый обвиняемый долженъ быть судимъ въ тѣхъ самихъ ассизахъ или въ томъ самомъ четвертномъ засѣданіи, въ которомъ принесенъ былъ предъ большихъ присяжныхъ обвинительный актъ и ими принятъ. Поэтому, обыкновенно обвиненный ставится предъ судъ непосредственно послѣ принятія обвинительнаго акта и рѣдко настаиваетъ на выдачу ему этого документа, а равно списка свидѣтелей, такъ какъ онъ болѣею частію достаточно знаетъ сущность обвиненія изъ прежняго производства, которое можетъ совершаться только въ его присутствіи. Но во всякомъ случаѣ защитникъ, предъ самымъ начатіемъ судебныхъ преній, получаетъ обвинительный актъ и показанія свидѣтелей и вступаетъ въ переговоры съ своимъ кліентомъ.

Новѣйшія законодательства заботятся, чтобы каждый обвиняемый имѣлъ защитника, и въ этомъ отношеніи обращаютъ особенное вниманіе на бѣдныхъ. По англійскому праву обвиняемый, признанный судомъ за бѣднаго, освобождается отъ платежа издержекъ, неразлучныхъ съ процессомъ. Но въ Англии нѣтъ закономъ установленнаго учрежденія, обезпечивающаго каждому обвиняемому должностнаго защитника. Сила обычая, деликатность президента, заботящагося о безпристрастїи процесса, и почтенныя достоинства сословія адвокатовъ восполняютъ во многомъ то, что законъ оставилъ безъ вниманія. Но во всякомъ случаѣ это не можетъ вполнѣ замѣнить закономъ установленнаго права бѣдныхъ на даровую защиту. Бѣдные никогда почти не стараются получить защитника прежде допущенія обвиненія, между тѣмъ какъ люди зажиточные сами или при посредствѣ своихъ друзей напередъ находятъ себѣ защитника, отчего положеніе ихъ, къ явному оскорбленію общественной справедливости, бываетъ несравнено выгоднѣе, чѣмъ положеніе бѣдныхъ. Защитникъ такого обвиняемаго успѣваетъ надлежащимъ образомъ приготовиться къ защитѣ, тогда какъ защитникъ бѣднаго, получивъ обвинительный актъ и другіе документы предъ начатіемъ формальнаго суда, не имѣетъ на это достаточно времени. «Извѣстно,» говоритъ Миттермайеръ, «что бѣдные обвиняемые и ихъ родственники часто употребляютъ трогательныя выраженія, чтобы собрать деньги, необходимыя для отысканія защитника. Поэтому рѣдко бываетъ, чтобы бѣдные обвиняемые являлись безъ адвоката, исключая тѣхъ случаевъ, когда они хотятъ объявить себя виновными хотя и здѣсь также присутствіе адвоката можетъ быть очень важно, напримѣръ для свидѣтельства о добромъ характерѣ. Что нѣкоторые (мало свѣдушіе въ дѣлахъ и низшаго разряда) адвокаты иногда обманываютъ довѣріе обвиняемыхъ,—это къ сожалѣнію справедливо. Однакожъ въ такихъ случаяхъ печать исполняетъ свою обязанность. Удивительно, что иногда даже при обвиненіяхъ въ преступленіяхъ, достой-

ныхъ смерти, обвиняемый является безъ защитника. По достойному уваженію положенію англійскаго президента, къ его попеченію относится обязанность, чтобы интересъ обвиняемаго не остался безъ защиты. Когда въ оксфордскомъ округѣ два солдата были обвинены въ убійствѣ и письменно просили дать имъ защитника, президентъ объявилъ, что онъ будетъ очень обязанъ, если одинъ изъ присутствующихъ адвокатовъ приметъ на себя защиту.»

Сравнивая права и положеніе англійскихъ и французскихъ адвокатовъ, защищающихъ преступниковъ, легко замѣтить преимущество первыхъ, служащее къ выгодѣ обвиняемыхъ и самаго правосудія. Англійскій защитникъ обвиняемаго пользуется равными правами съ обвинителемъ; онъ не долженъ просить позволенія у президента предложить тотъ или другой вопросъ, предложить его раньше или позже; онъ дѣлаетъ свои замѣчанія по мѣрѣ изложенія показаній свидѣтелей; и наконецъ даетъ перекрестный допросъ обвинителю. Защита англійскаго адвоката носитъ на себѣ характеръ естественности, потому что въ большей, а иногда и лучшей своей части состоитъ изъ простыхъ замѣчаній, возраженій и вопросовъ. Англійскій адвокатъ только въ очень важныхъ случаяхъ говоритъ длинныя ораторскія рѣчи; рѣчь его продолжается большею частию нѣсколько минутъ. Но за то онъ очень искусенъ въ постановкѣ ясныхъ, ловкихъ и пестерывающихъ дѣло вопросовъ. На одно можно указать, какъ на черту, не подходящую подъ изложенный сейчасъ характеръ защиты, именно: послѣднее слово въ судебныхъ рѣчахъ принадлежитъ не защитнику обвиняемаго, но обвинителю. Гораздо въ худшемъ положеніи находится французскій защитникъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ поставленъ въ зависимость отъ президента. Уже въ самомъ началѣ президентъ обращается съ проникнутымъ недовѣріемъ къ нему увѣщаніемъ не говорить ничего противнаго совѣсти и уваженію, которое онъ долженъ питать къ закону, и выражаться, не нарушая приличій и правилъ умѣрен-

ности. Затѣмъ въ продолженіи судебныхъ рѣчей онъ не можетъ безъ согласія или даже безъ посредства президента предложить вопросъ свидѣтелю, сдѣлать замѣчаніе на показаніе обвинителя. Отъ президента зависитъ захотѣть сдѣлать вопросъ, замѣчаніе и возраженіе, которые защитникъ считаетъ необходимыми, или отказать въ этомъ, предлагая изложить тоже самое въ защитительной рѣчи. Само собою разумѣется, что вопросъ, предложенный президентомъ, не можетъ не видоизмѣниться въ его устахъ и не принять другаго смысла, чѣмъ имѣлъ въ виду защитникъ. Между тѣмъ обвинитель имѣетъ право оспаривать каждое показаніе, развить его, аргументировать по своему желанію и выводить заключенія, соотвѣтствующія своимъ видамъ. Между тѣмъ обвинитель (на практикѣ) для доказательства обвиненія и объясненія характера обвиняемаго можетъ привести новые факты, можетъ тотчасъ по прочтеніи обвинительнаго акта подтвердить обвиненіе рѣчью и произвестъ на присяжныхъ впечатлѣніе. Все это рѣшительно уничтожаетъ равенство, какое должно быть между обвиненіемъ и защитою. Адвокатъ обвиняемаго часто не имѣетъ никакой возможности припомнить въ концѣ судебныхъ преній множество летучихъ мелкихъ замѣчаній и возраженій, на которыя онъ могъ бы сдѣлать полезныя замѣчанія по мѣрѣ ихъ развитія, а между тѣмъ убѣжденіе, неблагоприятное для его кліента, зрѣетъ и онъ не въ силахъ его разрушить.

Въ Англіи сословіе законниковъ, принимающихъ на себя защиту обвиняемыхъ и вообще содѣйствующихъ имъ въ веденіи процесса, раздѣляется на атторнеевъ (*), соотвѣтствующихъ французскимъ avoués, и барристеровъ (**), занимающихъ почти одинаковое положеніе съ французскими адвокатами.

(*) Слов. attorney есть родовое, совмѣщающее въ себѣ два другихъ: solicitor—ходатай по дѣламъ, и conveyancer—нотариусъ.

(**) Слово barrister выражаетъ общее названіе адвокатской профессіи; адвокаты же, принимающіе участіе въ судѣ, большею частію называются counsels.

Въ судебной организаціи послѣдніе занимаютъ первое мѣсто между законниками. Имъ исключительно принадлежитъ право педировать при высшихъ королевскихъ судахъ; они сопровождаютъ странствующихъ судей и только они вправѣ говорить защитительныя рѣчи предъ ассизами; наконецъ, изъ sergeants at law, составляющихъ высшій ихъ классъ, выбираются королевскіе судьи. Но самый многочисленный и самый дѣятельный классъ людей, занимающихся судебными дѣлами, составляютъ атторнеи. Можно сказать, что ихъ руками совершаются всѣ документы и собираются всѣ акты и доказательства, необходимые для веденія процесса.

Чтобы поступить въ число атторнеевъ или барристеровъ не требуется спеціальнаго юридическаго образованія, какъ во Франціи.

Знаніе законовъ пріобрѣтается посредствомъ практики, подъ руководствомъ опытнаго адвоката. По уцѣлѣвшимъ обычаямъ каждый желающій поступить въ адвокаты обязанъ записаться въ одну изъ четырехъ корпорацій или коллегій, и, внеся извѣстную сумму денегъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ четыре раза въ годъ обѣдать въ своей коллегіи. Происхожденіе этихъ адвокатскихъ корпорацій относится къ тому времени, когда защитники общаго національнаго закона успѣли отстоять его отъ вторженія чуждаго пародной жизни римскаго права, представителями котораго въ Англии, какъ и въ другихъ странахъ, были сначала духовные. Со времянь великой хартіи (magna charta) приверженцы общаго закона, разсѣянные до тѣхъ поръ по всему королевству, сосредоточились въ Вестминстерѣ, какъ постоянномъ по предписанію хартіи мѣстѣ пребыванія королевской палаты общихъ жалобъ—Court of common Pleas. Не имѣя доступа въ университеты Оксфордскій и Кембриджскій, которые находились подъ исключительнымъ вліяніемъ духовенства, они основали подобіе университета для изученія защищаемого ими права. Нѣкогда здѣсь дѣйствительно преподавались законы и даже другіе предметы,—но это

уже давно прекратилось, а отъ стараго времени уцѣлѣли только нѣкоторые обряды, въ родѣ присутствія на обязательномъ обѣдѣ. Нынѣ существуютъ въ Вестминстерѣ четыре главныхъ коллегій, которыя называются *inns of court*, и восемь низшихъ, подъ именемъ *inns of chancery*, которыя зависятъ отъ первыхъ. Онѣ не имѣютъ принудительной власти надъ своими членами, но сохраняютъ однакожъ нѣкоторыя правила, которыхъ члены держатся какъ издавна принятыя обычаевъ.

Положеніе, права и обязанности обвинителя въ англійскомъ уголовномъ судѣ составляютъ одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ пунктовъ всего процесса. По духу англійскаго государства обязанность обвиненія не принадлежитъ къ правительственнымъ монополіямъ; скорѣе правительство можно было бы упрекнуть за его излишнее уклоненіе отъ этой обязанности, если бы въ англійскомъ обществѣ не существовало другихъ силъ, очень успѣшно ее отправляющихъ. Количество обвиненій, принимаемыхъ на себя правительствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ число коронныхъ адвокатовъ въ Англіи, очень незначительно. Кромѣ того генералъ-атторней и генералъ-соллеспотора нельзя назвать чиновниками въ собственномъ смыслѣ, каковы напримѣръ французскіе прокуроры, а скорѣе свѣдущими въ правѣ совѣтниками, которые получаютъ не жалованье, а гонорарій за отдѣльныя работы. Они едва-ли не болѣе имѣютъ значенія въ парламентѣ, гдѣ они въ качествѣ законовѣдовъ и ораторовъ защищаютъ интересы и виды правительства, чѣмъ на судебной трибунѣ, куда они всходятъ довольно рѣдко. Потому, при выборѣ ихъ обращаютъ вниманіе на политическое значеніе и на ораторскія дарованія избираемаго. Съ другой стороны, принадлежа до своего выбора къ сословію адвокатовъ, они и послѣ того не прерываютъ съ нимъ связей и нерѣдко выступаютъ защитниками частныхъ интересовъ, особенно въ важныхъ дѣлахъ, обѣщающихъ имъ значительный гонорарій. Если они являются обвинителями въ измѣнѣ, или насиліи противъ правительственныхъ лицъ, или въ

преступленіяхъ противъ особы короля, они не получаютъ никакихъ особенныхъ полномочій и правъ, по подлежатъ общимъ правиламъ, установленнымъ для всѣхъ обвинителей. Какъ мало они походятъ на континентальныхъ прокуроровъ, явнѣе всего видно изъ того, что правительство не считаетъ ихъ незамѣнимыми при обвиненіи въ государственныхъ преступленіяхъ, а иногда поручаетъ обязанность обвинителя обыкновеннымъ адвокатамъ, когда напримѣръ государственное преступленіе совершено въ отдаленномъ городѣ, а важность предстоящихъ парламентскихъ преній дѣлаетъ необходимымъ ихъ присутствіе въ парламентъ. Въ Англіи по закону каждый процессъ есть процессъ королевы противъ обвиняемаго и потому коронный адвокатъ имѣетъ право въ каждомъ процессѣ выступать обвинителемъ. Но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ, такъ какъ само общество взяло на себя обязанность преслѣдовать опасныхъ для себя лицъ и не любитъ лишняго въ свои дѣла вмѣшательства, а между тѣмъ и коронные адвокаты имѣютъ много и безъ того занятій. Словемъ правительственные атторнеи тѣже адвокаты, какъ и ихъ товарищи, они носятъ ту же адвокатскую одежду, сядятъ за однимъ съ ними столомъ и при каждомъ случаѣ высказываютъ свою принадлежность къ ихъ сословію. Кромѣ генераль-атторнеи и генераль-солиситора, нѣкоторыя отдѣльныя отрасли государственнаго управленія имѣютъ своихъ особенныхъ адвокатовъ, такъ напримѣръ казначейство, монетное управленіе.

Иное мы видимъ во Френціи, гдѣ институтъ прокурорства принялъ широкіе размѣры и слишкомъ одностороннее, преобладающее во всемъ процессѣ положеніе. «Во Франціи,» говоритъ Рей,» при каждой судебной инстанціи король имѣетъ настоящаго прокурора, хотя подъ разными наименованіями. При судахъ первой инстанціи онъ имѣетъ своего *прокурора*, который самъ всегда имѣетъ одного, а часто двухъ и трехъ помощниковъ, не считая Парижъ, гдѣ онъ имѣетъ ихъ еще болѣе. Въ судахъ апелляціонномъ и судѣ кассационномъ онъ имѣетъ

своего *генераль-прокурора*, и потомъ *генеральныхъ адвокатовъ*, которые представляютъ первый разрядъ помощниковъ генераль-прокурора, и наконецъ многихъ помощниковъ въ собственномъ смыслѣ. Всѣ эти представители или прокуроры короля суть то, что вообще называютъ чиновниками публичнаго министерства (*officiers du ministère public*). Въ полицейскомъ судѣ каждаго кантона, то есть въ томъ, въ которомъ засѣдаетъ мировой судья, публичное министерство дѣйствуетъ чрезъ полицейскаго комиссара, а не то чрезъ мера или его помощника; наконецъ въ малыхъ полицейскихъ судахъ, которые держатся мерами въ каждой общинѣ, тѣже должности исполняются помощникомъ мера или членомъ муниципальнаго совѣта. Теперь, если считать четыреста трибуналовъ первой инстанціи и девяносто судовъ, что дастъ почти тысячу прокуроровъ различныхъ степеней, считая въ томъ числѣ и помощниковъ, если считать четыре тысячи кантоновъ, что дастъ четыре тысячи другихъ прокуроровъ подъ именемъ чиновниковъ публичнаго министерства, и почти сорокъ тысячъ общинъ, что дастъ сорокъ тысячъ другихъ чиновниковъ того же рода, то мы будемъ имѣть всего *сорокъ пять тысячъ* агентовъ, разсыянныхъ по всей поверхности королевства, чтобы представлять правительство во всѣхъ дѣлахъ, какія только можно вообразить. Чтобы понять самую возможность такого излишества агентовъ, нужно сначала вспомнить, что во Франціи со временъ имперіи центральное правительство отняло у департаментовъ и общинъ управленіе ихъ мѣстными дѣлами. Все тамъ управляется прямыми или косвенными агентами правительства. Кромѣ того учрежденія благотворительности, образованія и другіе предметы общественнаго благоустройства почти всѣ находятся въ рукахъ государства, и центральное правительство на самомъ дѣлѣ надзираетъ надъ администрацію посредствомъ своихъ агентовъ; наконецъ должно еще себя припомнить, что во Франціи, исключая пачала революціи, граждане были издавна лишены права преслѣдовать преступления отъ своего имени,

даже когда они представляли оскорбленную сторону, если это не были дѣла исправительныя или простые полицейскіе проступки.»

Англійскій обвинитель, выступающій предъ уголовнымъ судомъ самъ отъ себя, а равно и по порученію другаго лица или самаго государства, прежде всего знаетъ, что на немъ лежитъ безраздѣльно обязанность доказать обвиненіе, что онъ въ защитникѣ обвиняемаго встрѣтитъ человѣка съ такими же правами, какъ онъ самъ, что судья не поспѣшитъ при случаѣ снять съ него трудную обязанность доказчика, чтобы принять ее на свои плечи. Законъ и принятые судебные обычаи какъ-бы говорятъ обвинителю: ты обвиняешь такого-то гражданина въ преступленіи и можешь быть справедливо; такъ докажи взводимое обвиненіе, тебѣ это всего легче, потому, что ты или твой кліентъ, пострадавшій отъ преступленія, вы лучше другихъ знаете обстоятельства указываемаго преступленія; вамъ извѣстны лица, которыя могутъ подтвердить вамъ доказываемое; вѣдь вами руководитъ не страсть, не корысть, а или интересъ личной безопасности, или чувство лежащей на васъ обязанности охранять общественное спокойствіе, и вы стоите за фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Итакъ, вотъ предъ вами обвиняемый, соберите противъ него всѣ доказательства и улучите его въ преступленіи, но знайте, что пока вы этого не сдѣлаете, мы будемъ считать его невиннымъ и равноправнымъ вамъ лицомъ, что обвиняемый и его защитникъ не лишены нами ни одного изъ тѣхъ средствъ доказательства, которыя вамъ предоставлены, и что они также имѣютъ полную свободу опровергать каждое ваше показаніе, какъ вы его доказывать. Такое положеніе англійскаго обвинителя сопровождается самыми безукоризненными для правосудія результатами. Оппозиція, встрѣчаемая обвинителемъ на каждомъ шагу со стороны защитника, естественно удерживаетъ его отъ увлеченія, а равенство положеній его и противной стороны сообщаетъ открытый и благородный характеръ его служенію. «Ан-

гліійскій, шотландскій и сѣверо-американскій государственнй адвокатъ,» говоритъ Миттермайеръ, «не играетъ двойной роли, выступая то въ качествѣ адвоката обвиненія, то въ качествѣ вліятельнаго чиновника, который можетъ, папримѣръ, грозить свидѣтелю, обвиняемому имъ въ клятвопреступленіи, арестомъ или преслѣдованіемъ за клятвопреступленіе». «Никогда въ Англіи и Шотландіи не было замѣчено, чтобы коронный адвокатъ позволилъ себѣ прервать рѣчь или сдѣлать вопросъ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ это не дозволено также и защитнику. По замѣчанію одного очень умнаго англійскаго юриста, обвинитель обязанъ заботиться, чтобы все, что законно и честно можетъ быть представлено противъ обвиняемаго, также законнымъ и честномъ образомъ представлено было присяжнымъ, но чтобы было обойдено все, что по закону не можетъ служить доказательствомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ долженъ оставлять всякое показаніе, которое по закону и на основаніи судебной практики не можетъ считаться доказательствомъ. Въ этомъ заключается необыкновенная простота англійскихъ и шотландскихъ судебныхъ преній, которыя очень облегчаютъ произнесеніе рѣшенія присяжнымъ. Обвинитель въ Англіи никогда не стремится дѣйствовать на присяжныхъ указаніемъ на дурной характеръ, рассказомъ прежнихъ житейскихъ отношеній, занодозрѣваніемъ намѣреній обвиняемаго, потому что онъ знаетъ, что все это, не будучи доказательствомъ, не можетъ расположить присяжныхъ къ рѣшенію и повлечетъ за собою укорительныя замѣчанія судьи и дурное расположеніе присяжныхъ. Въ этомъ опять лежитъ причина и объясненіе краткости и простоты судебно-уголовныхъ преній въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ, такъ какъ въ этихъ странахъ приглашается очень немного свидѣтелей, потому что считаютъ не нужнымъ выслушивать показанія о прежней жизни обвиняемаго. Въ Англіи и Америкѣ обвинитель открываетъ судебныя пренія краткою рѣчью, которая существенно отличается отъ такъ называем-

маго *exposé* французскихъ прокуроровъ, часто старающихся дѣйствовать на присяжныхъ выдержками изъ прежнихъ житейскихъ отношеній обвиняемаго, изображеніемъ его характера, положительнымъ утвержденіемъ фактовъ, которые сначала должны быть доказаны, тогда какъ англійскій и шотландскій обвинитель просто, ясно, не дѣлая выводовъ, не стараясь расположить присяжныхъ въ пользу принятія обвиненія, безъ комментарія на представленныя присяжнымъ доказательства, указываетъ на причины обвиненія, обращаетъ вниманіе присяжныхъ на главные пункты, которые онъ хочетъ доказать. Обвинитель строго держится законныхъ доказательствъ и старается убѣдить присяжныхъ, что онъ доказываетъ факты сообразно съ предписаніями закона. Рѣчь обвинителя отъ этого бываетъ кратка, проста, исполнена достоинства, чужда всякой декламации и общахъ мѣсть, такъ какъ практической смыслъ англичанъ, шотландцевъ и сѣверо-американцевъ избѣгаетъ всего, что бесполезно, и обвинитель знаетъ, что онъ обязанъ убѣдить присяжныхъ на основаніи законныхъ доказательствъ. Такимъ положеніемъ обвинителя объясняется то, что когда изъ судебныхъ преній становится ясно, что представленныя доказательства не могутъ законно вести къ рѣшенію, дальнѣйшія пренія часто прекращаются и обвинитель (или наведенный судьей, или по собственному побужденію) отступаетъ отъ обвиненія, или вмѣсто тяжкаго преступленія, къ которому относилось обвиненіе, ограничивается маловажнымъ, или когда были обвиняемы и представлены въ судъ многіе, тотчасъ прекращаетъ обвиненіе противъ нѣкоторыхъ и только продолжаетъ оное противъ другихъ». (стр. 320-323).

Съ наименьшимъ совершенствомъ англійское законодательство, судебная практика, и вообще духъ цѣлой націи разрѣшили вопросъ объ отношеніи президента уголовного суда къ другимъ дѣйствующимъ въ немъ лицамъ и объ объемѣ его власти. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ самымъ труднымъ въ практическомъ отношеніи. Ни одно законодательство, какъ

бы оно подробно ни было въ этомъ пунктѣ, не можетъ постановить такихъ правилъ, которыя бы, разъ на всегда объявляя все разнообразіе неистощимой въ своей новизнѣ жизни. Такъ какъ невозможность эта происходитъ не отъ недостатковъ законодательства, а отъ той естественной причины, что случаи, встрѣчающіеся въ уголовной практикѣ постоянно видоизмѣняются и не могутъ быть предусмотрѣны законодателемъ, то современныя законодательства предоставляютъ судѣ такъ называемую *discretionnaire pouvoir* (*discretionary power*, произвольная власть). Въ англійскомъ процессѣ, не смотря на его исключительно-обвинительный характеръ, президентъ уголовного суда остается дѣйствительнымъ руководителемъ судебныхъ прейій. Ему приходится разрѣшать множество встрѣчающихся во время производства частныхъ случаевъ. Рѣдко принимая на себя обязанность давать вопросы, онъ однакожь всегда останавливаетъ обвинителя, если они касаются неотносящихся къ дѣлу предметовъ. Особенно же значеніе его высказывается при обсужденіи силы доказательствъ и при изложеніи главныхъ пунктовъ, на которые онъ приглашаетъ присяжныхъ обратить вниманіе. Англійская система доказательствъ обработана преимущественно путемъ практики. Потому президентъ при возникновеніи вопроса о принятіи какого нибудь доказательства объясняетъ установившіяся въ практикѣ правила. Иногда случается, что онъ, убѣдившись въ бездоказательности обвиненія или невозможности его доказать, предлагаетъ обвинителю прекратить его или указываетъ присяжнымъ на его бездоказательность. Можно сказать, что вся юридическая сторона процесса, то есть наблюденіе за исполненіемъ закономъ установленныхъ формъ и обрядовъ, разрѣшеніе вопросовъ права лежитъ на его обязанности.

Принимая во вниманіе предоставленную англійскому президенту власть, нѣкоторые считаютъ ее опасною для чистоты правосудія и независимости присяжныхъ и при этомъ указываютъ на положеніе французскаго судьи. Но такое мнѣніе

основывается на незнакомствѣ съ предметомъ и на нѣкоторыхъ видимостяхъ и его не раздѣляютъ безпристрастнѣйшіе изъ французовъ, въ пользу которыхъ оно клонится. «Съ перваго взгляда, говорить» «Прево-Парадолъ, «англійскій магистратъ является въ положеніи гораздо высшемъ, чѣмъ положеніе нашего магистрата, если смотрѣть на малое число его товарищей и ему равныхъ, на значительное вознагражденіе, которое дастъ ему нація, очень часто берущая его изъ самыхъ первыхъ рядовъ сословія адвокатовъ, и особенно на дѣйствительность его власти и пространство его юрисдикціи. Онъ не ограничивается въ своихъ дѣйствіяхъ ни властію политическою, ни властію административною. Не возникаетъ ни одного спора между однимъ гражданиномъ и другимъ, между гражданиномъ и публичною властію, который бы не подлежалъ его подсудности; агенты администраціи не изъяты изъ его власти никакою привилегіею; онъ непосредственно творить правосудіе для всѣхъ и противъ всѣхъ. Если самъ онъ не считается неприкосновеннымъ, если онъ можетъ быть судебнымъ порядкомъ принужденъ къ вознагражденію всякаго вреда, имъ причиненнаго, то тѣмъ не менѣе для того, чтобы удалить его отъ мѣста, необходимо представленіе двухъ палатъ парламента; слѣдовательно онъ зависитъ только отъ представителей своей страны.

«Но сколько англійскій магистратъ могущественъ въ виду исполнительной власти и администраціи, столько его власть ограничена со стороны публики и можно безъ преувеличенія сказать, что Лордъ Кембель съ этой стороны имѣетъ менѣе привилегій и выказываетъ менѣе власти, чѣмъ одинъ изъ судей, изъ которыхъ образуются наши трибуналы первой инстанціи. Въ самомъ дѣлѣ возлѣ англійскаго магистрата всегда, въ дѣлахъ уголовныхъ и еще чаще въ дѣлахъ гражданскихъ, стоитъ судъ присяжныхъ, и ему остается только записать свое рѣшеніе объ интересахъ, о которыхъ предъ нимъ вели пренія. Если иногда судъ присяжныхъ не присутствуетъ, онъ

судить одинъ, и одинъ отвѣчаетъ за свое рѣшеніе; если вмѣстѣ съ нимъ дѣйствуютъ одинъ или многіе товарищи, каждый изъ нихъ высказываетъ въ свою очередь мнѣніе свое публично и несетъ за свое рѣшеніе частную отвѣтственность».

«Магистраты французскіе находятся совершенно въ другомъ положеніи. Со стороны власти политической и административнаго начальства, ихъ власть очень ограничена. Государственныя мѣры не могутъ дать мѣста предъ ними ни одному дѣйствию и административные агенты не могутъ появиться за судейскую рѣшеткою, не будучи поставлены туда государственнымъ совѣтомъ, который есть ничто иное, какъ администрація, сулящая саму себя. Слѣдовательно, нѣкоторые дѣйствія ускользаютъ отъ ихъ компетенціи, и цѣлый классъ гражданъ только непрямо подчиняется ихъ юрисдикціи. Будучи менѣе могущественны, чѣмъ англійскіе судьи, предъ властію, они болѣе ихъ властны предъ публикою, и то, чего не достааетъ у ихъ власти съ одной стороны, вознаграждается съ другой. Въ самомъ дѣлѣ французскіе судьи первой инстанціи уполномочиваются закономъ рѣшать безъ суда присяжныхъ всѣ гражданскіе споры. Этого мало, засѣдая въ исправительныхъ судахъ, они судятъ безъ бытности суда присяжныхъ великое число общихъ проступковъ и назначаютъ наказаніе. И этого мало, законъ предоставилъ имъ судъ надъ нѣкоторыми политическими проступками и оцѣнку преступленій печати. Они засѣдаютъ вмѣстѣ въ большемъ числѣ, и раздѣляютъ сообща отвѣтственность за свои мнѣнія. Наконецъ эта отвѣтственность чрезвычайно ограничена въ томъ, что касается общественнаго мнѣнія, потому что ихъ рѣшенія не подлежатъ обсужденію печати; относительно нѣкотораго числа случаевъ, положительно запрещено печати давать отчетъ о преніяхъ и обнародывать что нибудь другое, кромѣ рѣшенія, которымъ они кончены; во всѣхъ случаяхъ трибуналъ можетъ по закону принять подобную мѣру, и его согласіе формальное или молчаніемъ выраженное необходимо для

того, чтобы страна присутствовала при томъ, что происходитъ между обвинителемъ и обвиняемымъ». (*Essai de politique et de litterature par Prevot—Paradol* ст. 66—67).

Кромѣ политическихъ причинъ, способствующихъ безпристрастію президента англійскаго суда, есть еще и другія причины, содѣйствующія той же дѣли, и предупреждающія опасность, какая могла бы произойти отъ употребленія предоставленной ему власти. Англійскій президентъ по закону и судебнымъ обычаямъ не можетъ подвергнуть допросу подсудимаго. Публицисты, наименѣе расположенные хвалить безпристрастіе англійскихъ коронныхъ судей, не могутъ не признать въ этомъ учрежденіи одной изъ причинъ, содѣйствующихъ безпристрастію (*Reu. T. 1. 124 и 125*). Здѣсь борьба происходитъ между обвинителемъ и обвиняемымъ и его защитникомъ, и та страстность, которая неизбежно рождается въ слѣдствіе противудѣйствія, не можетъ возмутить умъ и чувство президента, наблюдающаго за взаимнымъ допросомъ дѣйствующихъ сторонъ и изрѣдка предлагающимъ вопросы, чтобы получить объясненіе неточно высказаннаго или дополненіе недосказаннаго. Въ продолженіи судебныхъ преній онъ не пристаеетъ ни къ одной партіи и тѣмъ сохраняетъ свою естественную независимость отъ дѣйствующихъ лицъ. Самый простой опытъ убѣждаетъ, что стоитъ только принять участіе въ спорѣ, чѣмъ въ сущности являются судебныя пренія, и склоненіе на ту или другую сторону неизбежно, что естественная и потому единственно разумная форма дѣятельности всякаго судьи какъ частнаго, такъ и общественнаго, есть спокойное, терпѣливое выслушиваніе двухъ сторонъ, пользующихся равными правами въ изложеніи доказательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что я за судья, когда я беру на себя обязанность изслѣдовать, выпытать, доказать? Становясь на эту точку, я могу выказать себя неотразимымъ діалектикомъ, или непобѣдимымъ диспутантомъ и въ тоже самое время плохимъ судьей уже по одному тому, что гдѣ замѣшана доля моего я, тамъ я не могу быть безпри-

страстнымъ, а потому и хорошимъ судьей. При такомъ порядкѣ чѣмъ судья энергичнѣе, дѣятельнѣе и способнѣе, тѣмъ больше опасностей для безпристрастія, потому что его превосходство въ умѣннн доказывать можетъ восторжествовать надъ истиною, которая не имѣетъ за себя такихъ и столькихъ защитниковъ. Другое дѣло, когда предъ судьей станутъ другіе излагать свои доводы; тогда онъ, сохраняя ясный спокойный взглядъ, можетъ явиться наиболѣе безпристрастнымъ рѣшителемъ спорныхъ вопросовъ, можетъ указать уклоненіе отъ дѣла, отступленіе отъ истины. Отсюда становится вполне понятно, почему англійскіе юристы на отсутствіе допроса указываютъ какъ на одну изъ причинъ безпристрастія англійскаго президента и безопасности указаній и замѣчаній, съ которыми онъ обращается къ присяжнымъ. Вторая причина, способствующая безпристрастію президента, лежитъ въ законѣ, по которому приглашеніе и допросъ свидѣтелей составляютъ обязанность обвинителя и обвиняемаго или его защитника. Президентъ принимаетъ участіе въ предложеніи вопросовъ свидѣтелямъ на столько, на сколько это необходимо для объясненія и дополненія уже изложенныхъ показаній. Принято за правило, что президентъ не можетъ пригласить ни одного свидѣтеля, который не внесенъ въ списокъ обвинителя, и что онъ не можетъ, подобно французскому президенту, принять всѣ мѣры, чтобы только открыть истину. Здѣсь опять онъ не можетъ сдѣлаться адвокатомъ обвиненія, а долженъ ограничиться въ своей дѣятельности предлагаемымъ матеріаломъ, и если онъ принимаетъ здѣсь участіе, то по преимуществу разъясненіемъ того или другаго юридическаго вопроса, напр., о способности извѣстнаго лица къ свидѣтельству, о силѣ свидѣтельскихъ показаній и пр. Наконецъ, по своему консервативному положенію хранителя закона, президентъ есть естественный защитникъ обвиняемаго и это правило не есть только обломокъ того времени, когда не всякій обвиняемый пользовался защитой законовѣда, а обязанность эта въ отношеніи къ нему лежала

на судѣ. Если судья не есть изслѣдователь, а только спокойный наблюдатель происходящихъ преній, онъ непременно будетъ защитникомъ обвиняемаго, такъ какъ онъ станетъ предупреждать отступленія отъ закона, которыя только и могутъ быть опасны для подсудимаго. Каждый президентъ англійскаго уголовного суда считаетъ своею обязанностію заботиться о томъ, чтобы предоставить защитѣ наибольшую свободу, чтобы не допускать закономъ недозволенныхъ средствъ доказательства, допущеніе которыхъ могло бы вредно подѣйствовать на присяжныхъ, чтобы обратить вниманіе обвиняемаго на предоставленныя ему права и наконецъ сдѣлать присяжнымъ въ интересѣ обвиняемаго указанія на необходимость внимательнаго обсужденія нѣкоторыхъ пунктовъ доказательствъ.

Общій характеръ дѣятельности президента англійскаго суда отличается рѣдкимъ спокойствіемъ, расположенностію къ обвиняемому и стараніемъ сохранить полнѣйшее равенство оружія между обвинителемъ и защитникомъ. «Что касается президента» говоритъ Прево—Парадолъ, «то онъ предсѣдательствуетъ въ полномъ смыслѣ слова и наблюдаетъ за ареною, на которой онъ выражаетъ дѣятельность свою развѣ тѣмъ, что на нее всходитъ. Никакая неприличная или жестокая борьба не можетъ завязаться между имъ и обвиняемымъ; онъ не можетъ быть ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ и ничто не возмутитъ достоинства его рѣчи. Самые торжественныя засѣданія парламента имѣютъ менѣе спокойствія и важности, чѣмъ пренія тѣхъ уголовныхъ процессовъ, гдѣ завязывается жаркая борьба представителей двухъ партій и оканчивается среди совершенной безстрастности судьи, и ненаружимаго молчанія обвиняемаго (71 ст.).»

Возлѣ коронныхъ судей въ англійскомъ уголовномъ судѣ всегда стоитъ малая жюри или судящіе присяжные. Первоначально судящіе присяжные не имѣли того юридическаго значенія, которое они приобрѣли въ послѣдствіи; они были скорѣе доказчиками, лицами, которыя сообщали королевскому

судъ свидѣнія, на основаніи которыхъ произносимъ былъ приговоръ. Тотъ характеръ, который они имѣютъ нынѣ, они получили со времени Эдуарда III. то есть съ тѣхъ поръ, какъ имъ начали предлагать доказательства. Съ этого времени судящіе присяжные, какъ ихъ изображаютъ тогдашніе англійскіе юристы, образуютъ часть самаго суда и принимаютъ характеръ судей.

Нынѣшній составъ судящихъ присяжныхъ основывается на законѣ 22 іюня 1825 г., которымъ приведены въ порядокъ и дополнены какъ статуты, такъ и практическія правила. Изъ историческихъ памятниковъ видно, что первоначально присяжные были избираемы изъ рыцарей, людей добрыхъ и полноправныхъ, то есть достигшихъ совершеннолѣтія, не лишенныхъ за преступленія правъ, и не принадлежащимъ къ другой націи. Статутомъ Эдуарда I (1296) опредѣлено: избирать присяжныхъ изъ собственниковъ, получающихъ 20 шиллинговъ дохода; позднѣе эта сумма возвышена была до 40 ш. Историческія извѣстія показываютъ, что этимъ статутомъ хотѣли оградить бѣдныхъ людей отъ тяжестей присяжной службы. Статутомъ Генриха V предписано выбирать въ присяжные такихъ лицъ, которыхъ умственное образованіе и имущественный достатокъ служилъ бы для гражданина обезпеченіемъ. При выборѣ лицъ для отправленія присяжной службы главное участіе принималъ шерифъ, въ старое время послушное орудіе правительства, которое при политическихъ процессахъ набирало чрезъ него лицъ, служившихъ его интересамъ. Въ это время нерѣдко дѣлаемы были возраженія, что избранные присяжные не собственники и должны быть отведены. Правило объ избраніи присяжныхъ изъ сосѣдства, имѣвшее особенное значеніе при рѣшеніи гражданскихъ споровъ о поземельной собственности, примѣнялось и къ присяжнымъ, судившимъ уголовныя дѣла; позднѣе оно мало помалу начало ослабѣвать, пока вовсе упомянутымъ закономъ не было исключено изъ употребленія.

Закономъ 22 іюня 1825 г. образовавшіся въ теченіи вѣковъ правила были упрощены и улучшены. Во главѣ сего закона поставлено правило, что присяжнымъ можетъ быть каждый англичанинъ, который живетъ въ графствѣ, достигъ 21 года, не изобличенъ въ какомъ нибудь преступленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется, чтобы присяжный владѣлъ собственностію, приносящею 10 ф. ст., или получалъ отъ содержимой имъ въ арендѣ чужой собственности 20 ф., или былъ домовладѣльцемъ или хотя нанIMATEЛЕМЪ цѣлаго дома, подѣ тѣмъ предположеніемъ, что владѣемый или нанимаемый домъ имѣеть 15 окошеть, или обложенъ податію въ пользу бѣдныхъ и оцѣненъ въ 20 фунт. ст. Законъ этотъ освобождаетъ многихъ лицъ отъ присяжной службы, преимущественно несущихъ какую нибудь общественную службу. Составленіе первоначальнаго списка (urlliste), въ который вносятся лица, способныя вообще быть присяжными, по духу англійскаго права лежитъ на тѣхъ людяхъ, которые по своему положенію хорошо знаютъ отношенія гражданъ и настолько независимы, что дѣйствія ихъ пользуются довѣріемъ общества. Приходскій староста и надзиратель бѣдныхъ готовятъ списокъ (orlliste) для своего прихода и прибавляютъ его къ церковнымъ дверямъ для того, чтобы каждый могъ сдѣлать свои возраженія. Приходскіе списки вмѣстѣ съ сдѣланными возраженіями вносятся въ комиссію, составленную изъ мировыхъ судей округа, который по разсмотрѣніи и рѣшеніи возраженій, составляетъ окружной списокъ (Bezirksliste). Этотъ послѣдній списокъ чрезъ главнаго констабля (High constable) вручается секретарю четвертныхъ мировыхъ засѣданій, который, исправивъ, отправляетъ его къ шерифу. Шерифъ изъ этого списка составляетъ списокъ (Dienstliste) лицъ, которые должны въ ближайшіе ассизы отправлять присяжную службу. Въ настоящее время чиновникъ этотъ есть агентъ мѣстной администраціи, служащій мѣстнымъ интересамъ и состоящій въ зависимости отъ гражданъ графства.—По своему достатку и обязанности несетъ

большія издержки, сопряженныя съ его должностію; онъ недо-
ступенъ подкупу. Обязанный по прошествіи года возвратить-
ся въ ряды гражданъ, онъ не захочетъ пристрастіемъ и угодли-
востію партіямъ навлечь на себя нерасположенность граж-
данъ и приобрести дурное имя. Потому то возложеніе на не-
го составленія служебнаго списка присяжныхъ, одного изъ
важнѣйшихъ дѣйствій при образованіи присяжнаго суда, не
возбуждаетъ опасеній въ гражданахъ и не вызываетъ ихъ
жалобъ.

Сравнивая господствующія во Франціи и Германіи воз-
зрѣнія на присяжныхъ съ издавна укоренившимися въ ан-
глійскомъ обществѣ, не трудно замѣтить различіе въ ихъ ос-
новномъ характерѣ. По счастливому и серьезному развитію
англійскаго общества, политическія страсти, не смотря на ихъ
силу, сдерживаются въ дѣлѣ правосудія. Англійскій гражда-
нинъ, привыкшій открыто высказывать свои политическія убѣж-
денія, научился уважать тоже самое качество и право и въ
другомъ. Потому, когда ему приходится судить въ званіи при-
сяжнаго, онъ не спрашиваетъ, къ какой партіи принадлежитъ
подсудимый и каковы его убѣженія, но виновать ли онъ,
судя по предложеннымъ доказательствамъ. Оттого присяжные,
выбранные шерифомъ, пользуются довѣріемъ, и отводы ихъ
бываютъ рѣдки, не смотря на обширность права, предостав-
леннаго подсудимому. Исключенія встрѣчаются только при
политическихъ процессахъ, поражаемыхъ преимущественно
политическими страстями. Но подобные процессы въ Англии
въ настоящее время бываютъ очень рѣдко. Кромѣ того раз-
личіе между воззрѣніями англичанъ и французовъ выказы-
вается при разсмотрѣніи того вопроса, должно или нѣтъ
требовать, чтобы присяжные владѣли извѣстнымъ количествомъ
собственности. Въ то время, какъ одна часть защитниковъ
суда присяжныхъ во Франціи и Германіи, считая присяжную
службу почетною обязанностію, требуетъ, чтобы каждый граж-
данинъ имѣлъ право быть присяжнымъ, а другая часть го-

сударственныхъ людей и юристовъ, особенно въ Германіи, доказываетъ, что только цензъ можетъ ручаться за то, что присяжные владѣютъ и пониманіемъ и политическою независимостію, англичанинъ смотритъ на дѣло съ практической стороны и не можетъ безъ улыбки слышать нѣмецкихъ теорій. Англичанинъ считаетъ присяжную службу великою тяжестію, которую однакожь онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность несть по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ онъ платитъ подати или отправляетъ должность спеціальнаго костабля. Ни одному англичанину и въ голову не придетъ для пріобрѣтенія права на присяжную службу купить землю или домъ. Въ Англійи съ давнихъ поръ привыкли соединять обязанность несенія всякой общественной тяжести съ владѣніемъ и достаткомъ. Потому находятъ естественнымъ опредѣлить извѣстную величину дохода или указать на извѣстнаго рода владѣніе, какъ на признакъ, по которому гражданинъ долженъ быть внесенъ въ списокъ присяжныхъ. Англичанинъ не думаетъ, чтобы цензомъ выражалась мысль, что только тотъ, кто удовлетворяетъ этому девзу, владѣетъ умственными и нравственными качествами, необходимыми для присяжнаго. Цензъ въ Англійи есть только мѣра гражданскихъ обязанностей члена общества, тяжесть которыхъ очень чувствительна для англичанина, потому что онъ по старой поговоркѣ: время есть деньги, дорого цѣнитъ каждую четверть часа, которую онъ долженъ взять у своей профессіи. Отсюда объясняется, отчего въ каждомъ засѣданіи ассизъ приносится такъ много извиненій присяжными, которыхъ безотлагательныя занятія заставляютъ просить увольненія отъ присяжной службы. Потому же самому и практика бываетънисходительна къ подобнымъ просьбамъ и для подтвержденія ихъ довольствуется только присягою. Но вообще говоря, число лицъ, отправляющихъ присяжную службу въ Англійи, сравнительно больше, чѣмъ было до 1848 г. во Франціи и чѣмъ теперь существуетъ въ Германіи, и мнѣніе, будто англійскіе

присяжные носят на себѣ аристократическій отпечатокъ, совершенно неосновательно. Миттермайеръ говоритъ, что въ бывшихъ въ его рукахъ спискахъ присяжныхъ, судившихъ въ 1850 г. въ центральномъ лондонскомъ судѣ, большая часть присяжныхъ принадлежала или къ мелкимъ торговцамъ или ремесленникамъ и промышленникамъ и только малая часть состояла изъ банкировъ, фабрикантовъ и богатыхъ пивоваровъ. Въ графствахъ присяжные берутся изъ землевладельцевъ; но и между этими присяжными значительную часть составляютъ мелкіе владѣльцы.

Такъ какъ по открытіи въ графствѣ ассизъ или четвертныхъ засѣданій мировыхъ судей должны быть рѣшены всѣ уголовныя дѣла, назначенныя на открываемое засѣданіе, то необходимо для успѣшнаго рѣшенія ихъ очень великое число присяжныхъ. По закону 1825 г., шерифъ приглашаетъ до 144 присяжныхъ и вноситъ ихъ въ два списка. Присяжные одного списка принимаютъ участіе въ рѣшеніи дѣлъ въ первые дни ассизъ, а присяжные другаго въ остальные. По составленіи шерифомъ изъ первоначальнаго списка такъ называемаго служебнаго, каждому обвиняемому дается право представлять всѣ причины къ отводу приглашенныхъ въ присяжные лицъ, чтобы рѣшеніе было вполне произведеніемъ такихъ людей, въ руки которыхъ самъ обвиняемый отдалъ свою участь. Относительно отвода должно различать дѣйствующую судебную практику отъ правилъ, установленныхъ закономъ. Въ Англии вообще очень рѣдки отводы присяжныхъ, хотя права обвиняемыхъ на отводъ очень велики. Миттермайеръ говоритъ, что при личномъ наблюденіи надъ производствомъ уголовныхъ дѣлъ въ Англии ему не приходилось слышать отводовъ ни въ одномъ процессѣ. Это конечно говоритъ о совѣстливости шерифовъ и увѣренности обвиняемыхъ, что приглашенные имъ присяжные честно выполняютъ свою обязанность. Исключеніе составляютъ политическіе процессы. Изъ исторіи видно, что первоначально допускались отводы на основаніи определен-

ныхъ причинъ, по подобію отвода свидѣтелей. Въ послѣдствіи времени взглядъ, что при обвиненіи въ преступленіяхъ, достойныхъ смерти, обвиняемому должно быть предоставлено какъ можно болѣе средствъ къ защитѣ жизни, повелѣ къ предоставленію обвиняемому права отвода безъ указанія основаній. Но между тѣмъ какъ правомъ дѣлать отводъ на основаніи извѣстныхъ причинъ въ равной степени пользовались какъ обвиняемые, такъ и корона, право рѣшительнаго отвода (*peremptoire recuration*) принадлежало только первому. На основаніи теперешней судебной практики, право отвода можетъ быть примѣняемо на слѣдующихъ основаніяхъ: 1.) Обвиняемый можетъ отвергнуть весь списокъ присяжныхъ, но только прежде нежели присяжные дадутъ служебную присягу. Это дѣлается письменно и вызываетъ судебное разсмотрѣніе истины и значенія приводимыхъ фактовъ. Отводъ можетъ быть *challenge principal* (главный отводъ), когда его основываютъ на явномъ пристрастіи чиновника, составлявшаго списокъ, или *challenge to favour*, отводъ на основаніи расположенности, когда въ основаніе его могутъ быть указаны факты, которые хотя недостаточны для доказательства пристрастія чиновника, но могутъ послужить основаніемъ для изслѣдованія. Въ основаніе перваго рода отводовъ могутъ быть приведены слѣдующіе факты: когда шерифъ самъ является обвинителемъ или обиженною стороною или находится въ близкомъ родствѣ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, когда онъ участвуетъ въ другомъ процессѣ, вытекающемъ изъ разсматриваемаго, когда присяжные внесены въ списокъ по предложенію обвинителя или обвиняемаго, когда отводящій предполагаетъ, что присяжные очень расположены къ другой сторонѣ. Къ отводамъ же втораго рода принадлежатъ, напримѣръ, приведеніе такого факта, какъ близкое отношеніе шерифа къ дѣтямъ обвинителя.

Объ основательности послѣдне-указанной причины отвода рѣшаетъ не судъ, а особо назначенные два лица. При обвиненіи въ политическихъ преступленіяхъ защитники очень

часто нападаютъ на весь списокъ присяжныхъ, указывая на пристрастіе составителя. На основаніи существованія тѣхъ же фактовъ, можетъ быть сдѣланъ также отводъ и противъ одного присяжнаго, Кромѣ того каждый присяжный можетъ отстранить себя клятвеннымъ объявленіемъ, что онъ не имѣетъ нужныхъ для присяжнаго качествъ; въ такомъ случаѣ отъ него можно требовать приведенія фактовъ для подтвержденія такого отказа, но никогда онъ не можетъ быть принужденъ объяснять то, что служить ему безчестіемъ. Наконецъ обвиняемому въ измѣнѣ или фелоніи предоставляется право безусловнаго отвода противъ отдѣльныхъ присяжныхъ и при томъ при обвиненіи въ государственной измѣнѣ число отведенныхъ лицъ можетъ простираться до 35, а при обвиненіи въ фелоніи до 24. Когда многіе обвиняемые должны быть судимы одними и тѣми же присяжными, каждый обвиняемый имѣетъ право на полное число отводовъ; если же они судятся однимъ общимъ судомъ, то они всѣ вмѣстѣ имѣютъ право на такое число отводовъ, какое принадлежитъ каждому судимому въ отдѣльности.

А. КИСТЯКОВСКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

A. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

I.

Крѣпостное духовное завѣщаніе, утвержденное и записанное въ книгу послѣ смерти завѣщателя, не можетъ имѣть силы крѣпостнаго завѣщанія (*).—Распоряженіе казенной палаты о назначеніи кою-либо опекуномъ недостаточно само по себѣ, чтобы считать опеку учрежденною, если она на самомъ дѣлѣ почему-нибудь не состоялась. Дѣйствія такого лица ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обязательны для малолѣтняго.

Ямщикъ Рогожской слободы Андрей Ероховъ, въ декабрь 1830 года сдѣлалъ духовное завѣщаніе, коимъ благопріобрѣтенный капиталъ свой въ долговыхъ обязательствахъ раз-

(*) См. дѣло о духовномъ завѣщаніи Самуила Иващенко, Ж. М. Ю. № 6. 1839 г., Русск. Судебн. Практ. № 1.

ныхъ лицъ на 30 т. р. и экипажное мастерство со всѣмъ заведеніемъ, находящееся въ общемъ распоряженіи его съ братомъ Иваномъ, предоставилъ ему, Ивану, съ тѣмъ, чтобы выдалъ дочери завѣщателя Авдотѣ при выходѣ ея въ замужество на приданое 15 т. р., а дома, принадлежащія ему завѣщателю, вообще съ братьями Василиемъ, Николаемъ и означеннымъ Иваномъ, завѣщаль, — если по смерти его не будетъ дѣтей мужскаго пола, оставить во владѣніи и пользованіи ихъ же братьевъ его, съ тѣмъ, чтобы они дочери его Авдотѣ и женѣ дали на части ихъ подлежащія награды капиталомъ.

Завѣщаніе это написано на простой бумагѣ, подписано самимъ завѣщателемъ, тремя свидѣтелями и 13 октября 1831 года представлено Андреемъ Ероховымъ во 2-й департаментъ Московскаго уѣзднаго суда, гдѣ, по удостовѣреніи допросами завѣщателя, писца и свидѣтелей въ подлинности завѣщанія, по опредѣленію суда 25 ноября 1832 года утверждено, о чемъ сдѣлана надпись 3 февраля 1833 г.

Между тѣмъ Андрей Ероховъ 4 ноября 1832 года умеръ, а жена его Марфа обратилась въ Московскую казенную палату съ прошеніемъ объ учрежденіи надъ малолѣтнею дочерью ея опеки, о приведеніи въ извѣстность принадлежавшаго ему имѣнія и о выдѣлѣ изъ онаго слѣдующихъ имъ частей.

Казенная палата, оставивъ опеку надъ малолѣтнею Авдотьею Ероховою подъ управленіемъ и распоряженіемъ ея матери, о выдѣлѣ малолѣтней, согласно духовному завѣщанію отца ея 4-ой части изъ домовъ и объ отсылкѣ денегъ до возраста ея въ приказъ общественнаго призрѣнія, сообщила въ Московское губернское правленіе, а оно предписало 2 департаменту Московскаго уѣзднаго суда.

Затѣмъ казенная палата производила изслѣдованіе о доходахъ съ 7 домовъ Ероховыхъ. При семъ изслѣдованіи Василий и Иванъ Ероховы показывали, что послѣ отца ихъ, Ивана Ерохова, осталось въ Рогожской части 7 домовъ, и въ одномъ изъ нихъ, кромѣ ихъ братьевъ, участвуетъ въ 4-ой части

ямщикъ Мягковъ, и сверхъ того они Василий, и Иванъ, имѣютъ каждый по своему дому, что изъ наслѣдственныхъ семи домовъ шесть въ 1834 году обгорѣли и что доходами они, Василий и Иванъ, не пользовались, а употребили на обстройку до 16 т. р.

По оцѣнкѣ, учиненной въ 1836 году чрезъ Рогожскую часть, цѣнность домовъ уѣзднымъ судомъ исчислена въ 89,920 р.

Уѣздный судъ, признавъ, что изъ сей суммы причитается малолѣтней Авдотѣ Ероховой на 4-ую часть 22,480 р., изъ коихъ слѣдуетъ вдовѣ Марфѣ Ероховой 5620 р., положилъ 11 августа 1836 года: взыскать 22,480 р. съ ямщиковъ Ероховыхъ изъ общихъ ихъ доходовъ.

Но прежде исполненія сего Марфа Ерохова, 8 апрѣля 1837 года, объяснила уѣздному суду, что въ число присужденныхъ ей съ дочерью денегъ она получила изъ суда доходовъ съ домовъ Николая Ерохова 2204 руб. и съ дома Василя Ерохова 345 р.; затѣмъ отъ Николая Ерохова получила себѣ и дочери полное удовлетвореніе въ слѣдующей съ нею части и претензію на него прекращаетъ. А 22 ноября тогоже года она, Ерохова, и ямщикъ Василий Ероховъ подали общее мировое прошеніе въ томъ, что возникшее между ними дѣло они прекратили миролюбно и разошлись безобидно, по каковому расчету Ерохова за обѣ части съ дочерью получила отъ Николая Ерохова 3000 р., и просили, почисливъ дѣло рѣшеннымъ, предать вѣчному забвенію. На основаніи сихъ прошеній, подтвержденныхъ вдовою Ероховою допросами, уѣздный судъ призналъ дѣло это въ отношеніи Николая и Василя Ероховыхъ конченнымъ.

Въ 1840 году дочь умершаго Андрея Ерохова, Авдотья, по пришествіи въ совершеннолѣтіе начала искъ о томъ, что послѣ отца ея осталось общихъ съ братьями не семь, но 10 домовъ, что оцѣнка семи домовъ въ 89,920 р. не соотвѣтствуетъ ихъ достоинству, что мать ея по безграмотству и не-

знанію порядка не имѣла возможности защищать ея права, что завѣщаніе Андрея Ерохова, сдѣланное на дома родовые и утвержденное послѣ его кончины, недействительно, а показаніе дядей ея касательно обстройки ими на свой счет сгорѣвшихъ домовъ не уважительно, почему и просила завѣщаніе отца ея признать ничтожнымъ, выдѣлить ей законную часть изъ 10 домовъ натурою, а также часть изъ доходовъ съ процентами, возвратить ей присвоенное Иваномъ Ероховымъ экипажное заведеніе или взыскать съ имѣнія его деньги и возвратить изъ его же собственности капиталъ 3000 р. съ процентами.

Во время производства сего дѣла обнаружилось: а, что вскорѣ послѣ пожара 1834 года ямщикъ Костинъ помѣнялся съ Ероховыми землями, отдавъ имъ землю подъ №. 335 и взявъ подъ №. 309, а что земля подъ №. 272 оказалась во владѣніи ямщички Чернышевой, и Ероховы объяснили, что она была продана въ 1836 г. съ разрѣшенія Московской казенной палаты за 1725 р., кои отданы выборному ямщику на мирскомъ сходѣ; б, что изъ числа подписавшихся на завѣщаніи Ерохова свидѣтелей, купецъ Ильинъ, равно и завѣщатель, принадлежали къ Рогожскому кладбищу, не исповѣдуя православной вѣры, а Ильинъ былъ родственникомъ съ Иваномъ Ероховымъ; с, что дома Ероховыхъ выстроены на общественныхъ земляхъ и нѣкоторые находятся въ залогъ и подъ запрещеніемъ по выданной изъ комиссіи строеній ссудѣ.

Василій Ероховъ и дѣти умершаго Ивана Ерохова, Андрей, Егоръ и Василій, опровергая искъ Даниловой, показывали, что она, Данилова, и отецъ ея на обстройку домовъ ничего не употребляли, а потому она не должна имѣть притязанія на выдѣлъ ей части изъ сгорѣвшихъ и послѣ вновь ими отстроенныхъ домовъ, кромѣ только на часть обгорѣлыхъ каменныхъ стѣнъ, за кои Василій Ероховъ выдалъ Даниловой и ея матери слѣдовавшія полюбовно деньги.

Между тѣмъ на умершаго Ивана Ерохова поступили денежныя претензіи отъ купцовъ Ильина и Прорѣхова, пер-

ваго въ 15 т. р. асс. по двумъ роспискамъ и послѣдняго въ 1500 р. по векселямъ.

2-й Департаментъ уѣзднаго суда, въ общемъ присутствіи съ городовымъ магистратомъ, рассмотрѣвъ дѣло сіе и признавъ завѣщаніе Андрея Ерохова ничтожнымъ и мировую сдѣлку Марфы Ероховой въ отношеніи дочери ея недействительною, 1-го мая 1846 г. опредѣлил: Марфу Ерохову по учиненной съ братьями мужа сдѣлкѣ въ полученіи отъ нихъ за слѣдовавшую ей часть удовлетворенія отстранить отъ дальнѣйшаго полученія наслѣдства, за тѣмъ все имѣніе Андрея Ерохова признавъ принадлежностью дочери его Даниловой, учинить слѣдующее: а, денежный капиталъ въ документахъ на 30 т. р. асс. съ процентами со дня кончины Андрея Ерохова по день удовлетворенія взыскать съ наслѣдниковъ Ивана Ерохова или ихъ имѣнія и предоставить Даниловой; б, изъ экипажнаго заведенія выдѣлить Даниловой только половинную часть, такъ какъ торговля по оному производилась у братьевъ Андрея и Ивана Ероховыхъ общая; в, выдѣлить Даниловой принадлежавшую отцу ея 4-ую часть изъ всѣхъ 10 домовъ, предоставивъ ямщикамъ Чернышеву и Костину за неправильную продажу и промѣнъ Ероховыми двухъ домовъ просить съ нихъ особо, а какъ Данилова по званію мѣщанки не можетъ владѣть домами, состоящими на ямской землѣ, то обязать ее подпискою со дня ввода во владѣніе продать въ шестимѣсячный срокъ ту часть, какая по жребію ей достанется; г, назначить Даниловой на 4-ую часть доходовъ изъ домовъ по исчисленію суда 7376 р. 59 к. сер., опредѣливъ въ ея пользу съ матери полученные сею послѣднею 544 р. 65 к. сер., въ употребленіи коихъ она отчета не дала, а о 4-ой части доходовъ съ двухъ домовъ подъ №. 309 и 272, находившихся въ постороннемъ владѣніи ямщиковъ Чернышева и Костина, предоставить Даниловой количество сихъ доходовъ доказывать, и когда оно будетъ доказано, тогда взыскать слѣдующую часть съ Ероховыхъ, всё же

10 домовъ подвергнуть опекунскому управленію; д, споръ ямщиковъ Василя и Николая Ероховыхъ о выстройкѣ всѣхъ домовъ послѣ пожара въ 1834 г. на свой счетъ оставить безъ уваженія, не лишая ихъ права отыскивать выданную Марфѣ Ероховой по сдѣлкѣ сумму особо съ доказательствами, а также деньги, употребленныя по ихъ показанію на обстройку домовъ; е, кредиторамъ Ивана Ерохова Ильну и Прорѣхову предоставить просить объ удовлетвореніи по долговымъ документамъ съ послѣдниковъ и ихъ имѣнія по порядку; но удовлетвореніе изъ имѣнія Ивана Ерохова произвести не прежде, какъ по удовлетвореніи Даниловой, ибо ей присуждается сумма какъ собственность ея отца, оставшаяся въ рукахъ Ивана Ерохова; ж, въ обоюдныхъ искахъ Даниловой и матери ея предоставить имъ, если желаютъ, разобратъя особо.

На это рѣшеніе припесли апелляціи въ гражданскую палату Николай Ероховъ, дѣти умершаго брата его Ивана Андрей, Егоръ и Василю Ероховы, ямщикъ Костинъ, опекуны имѣнія умершаго купца Ильна и повѣренный Даниловой Пантелѣевъ.

Пантелѣевъ жаловался токмо въ отношеніи неназначенія Даниловой части изъ доходовъ съ домовъ, находящихся во владѣніи Чернышева и Костина, и невключенія въ счетъ доходовъ суммы за занятіе домовъ самими Ероховыми.

Ямщикъ Костинъ при жалобѣ своей въ гражданскую палату представилъ копию съ приговора ямскаго общества 1846 года, явленнаго въ ямскомъ правленіи о разныхъ предметахъ, между прочимъ и о томъ, что въ числѣ домовъ Ероховыхъ одинъ подъ №. 309 принадлежитъ ему Костину по вымѣну, съ согласіемъ мірскаго общества и по мірскому приговору, по которому выдана ему Костину ссуда, а онъ Костинъ ту землю застроилъ.

По поступленіи дѣла въ гражданскую палату, дочь умершаго ямщика Чернышева, ямщика Чуркина представила въ

палату обязательство, данное отъ ямщика Николая Ерохова, какъ опекуна надъ дѣтьми умершаго брата его Ивана Ерохова, явленное въ 1835 году въ Московскомъ ямскомъ правленіи, о продажѣ Чернышеву съ разрѣшенія Московской казенной палаты принадлежащей опекѣ земли подъ №. 272 за 1725 р.

При рукоприкладствѣ подъ запискою въ гражданской палатѣ повѣренный Даниловой представилъ во 1-хъ копию съ отношенія Московскаго окружнаго управленія государственныхъ имуществъ отъ 18 сентября 1844 года во 2 департаментъ уѣзднаго суда, которымъ окружное управленіе по особому дѣлу Даниловой увѣдомило судъ, что надъ Даниловою, какъ прежде ея замужества до 1839 года, такъ и послѣ, никогда опеки и попечительства учреждено не было, и во 2-хъ, копию съ свѣдѣнія Марфы Ероховой, даннаго въ 1844 году Рогожской части о томъ, что она надъ дочерью своего Даниловою опекуншею никогда и нисколько не была и указовъ объ утвержденіи ея въ должность опекунши ни откуда не получала.

1-й Департаментъ Московской гражданской палаты, разсмотрѣвъ дѣло сіе 23 августа 1848 г. опредѣлилъ: оставить рѣшеніе общаго присутствія въ своей силѣ только въ отношеніи вдовы Марфы Ероховой и купца Прорѣхова, не приносившихъ никакихъ жалобъ; въ прочихъ же частяхъ оное уничтожить и сдѣлать слѣдующее: 1, признавъ духовное завѣщаніе Андрея Ерохова дѣйствительнымъ и подлежащимъ не премѣнному исполненію, оставить по оному капиталъ въ 30-т. р. и экипажное заведеніе Ерохова собственностію наследниковъ Ивана Ерохова, съ нихъ же положить за то въ пользу Даниловой только 15-т. р. асс.; 2, учиненныя вдовою Марфою Ероховою за себя и за дочь свою мировыя сдѣлки съ Василемъ и Николаемъ Ероховыми признать дѣйствительными и потому ихъ, Василія и Николая, отъ всякаго дальнѣйшаго взы-

сканія по иску Даниловой освободить, предоставивъ ей, если означенныя сдѣлки находить для себя невыгодными, или если мать ея не доставила ей той суммы, какую получила за нее по сдѣлкамъ, разсчитываться съ матерью гдѣ и какъ по закону слѣдуетъ; 3. назначить сверхъ того въ пользу Даниловой по оцѣнкѣ домовъ, кои признавали Ероховы общими, не споря противъ оцѣнки, изъ присужденной ей судомъ въ 1836 г. суммы 16860 р. асс. одну третью часть, то есть 5620 р. асс. или 1605 р. 70 к. сер., которую и взыскать съ наследниковъ Ивана Ерохова; 4. въ искѣ Даниловой доходовъ съ домовъ отказать, а положить въ пользу ея со всего опредѣляемаго съ наследниковъ Ивана Ерохова взысканія узаконенные проценты и 5. ямщика Костина и ямщичку Чуркину отъ всякаго притязанія Даниловой освободить, а затѣмъ апелляціонную жалобу повѣреннаго Даниловой отставить, съ наложеніемъ на Данилову штрафа, предоставляя однако ей, если можетъ доказать, что общихъ домовъ у отца ея съ братьями его дѣйствительно было 10-ть, кои всѣ и послѣ пожара оставались въ цѣлости, начать дѣло о семъ снова.

На это рѣшеніе повѣренный Даниловой принесъ апелляцію Правительствующему Сенату, въ коей просить объ утвержденіи рѣшенія первой инстанціи, съ дополненіемъ, сдѣланнымъ имъ въ жалобѣ Палатѣ, относительно доходовъ съ домовъ, и съ допущеніемъ Даниловой ко владѣнію четвертою частию изъ домовъ Ероховыхъ.

Въ дѣлѣ Даниловой представляются къ разрѣшенію два вопроса: 1) о дѣйствительности духовнаго завѣщанія Андрея Ерохова и 2) о дѣйствительности мировыхъ сдѣлокъ Марфы Ероховой.

1. Крѣпостное завѣщаніе, по учиненіи завѣщателю вопроса: точно ли имъ подписано и содержитъ его волю, вносится въ крѣпостную книгу и съ надписью о явкѣ завѣщанія и вписаніи въ книгу возвращается завѣщателю съ его

роспискою въ книгѣ; завѣщаніе же Андрея Ерохова, какъ видно изъ сдѣланной надписи, утверждено и записано въ книгу 3 февраля 1833 года, по смерти завѣщателя, послѣдовавшей 4 ноября 1832 года, черезъ годъ послѣ представленія завѣщанія, а кому выдано и гдѣ хранилось неизвѣстно; кромѣ того оно писано на простой бумагѣ, когда какъ по силѣ 1033 ст. т. X ч. 1-ой крѣпостныя завѣщанія пишутся на гербовой бумагѣ низшаго достоинства.

Если считать это завѣщаніе домашнимъ, то оно не содержитъ въ себѣ нужнаго числа свидѣтелей, ибо подписавшійся на ономъ свидѣтелемъ купецъ Егоръ Ильинъ, будучи, какъ видно по дѣлу, близкимъ родственникомъ съ Ивановъ Ероховымъ, въ пользу коего сдѣлано завѣщаніе, не могъ быть свидѣтелемъ на семь актѣ, а остальныхъ двухъ свидѣтелей для дѣйствительности домашняго завѣщанія недостаточно.

Независимо отъ того, помянутое завѣщаніе, въ положенный 1063 ст. годовой срокъ отъ дня кончины завѣщателя не было гдѣ слѣдовало явлено тѣмъ, у коего хранилось. Такимъ образомъ завѣщаніе Андрея Ерохова, по несоблюденію въ составленіи его и явкѣ предписанныхъ законами для дѣйствительности подобныхъ актовъ условій, не можетъ имѣть никакой силы.

2) Мировыя сдѣлки Марфы Ероховой не могли быть заключены отъ имени малолѣтней ея дочери, нынѣ мѣщанки Даниловой: ибо а) хотя опредѣленіемъ Московской казенной палаты 21 марта 1834 года опека надъ малолѣтнею оставлена подъ управленіемъ и распоряженіемъ матери, но по производству дѣла вовсе не видно, чтобы о назначеніи Марфу Ерохову опекуншею данъ былъ ей указъ, чтобы была учинена опись имѣнію по смерти Андрея Ерохова и чтобы требовались отъ Марфы Ероховой опекунскіе отчеты, и вообще не видно никакихъ опекунскихъ дѣйствій со стороны Марфы Еро-

ховой, напротивъ того сама она въ свѣдѣніи, данномъ Рогожской части и 8 июля 1836 года въ уѣздный судъ доставленномъ изъ той части, объяснила, что опеки надъ малолѣтнею не учреждено и опекуновъ нѣтъ, а въ отзывѣ, данномъ 9 декабря 1844 года въ ту же Рогожскую часть, Марфа Ерохова показала, что надъ дочерью своею опекуншею никогда и нисколько не была и указовъ объ утвержденіи ея въ должность опекуши ни откуда не получала.

Кромѣ того окружное управленіе государственныхъ имуществъ въ отношеніи уѣздному суду отъ 18 сентября 1844 года положительно увѣдомило уѣздный судъ, что надъ дочерью ямщика Ерохова Авдотьей Андреевою, по мужѣ Даниловою, какъ прежде ея замужества, то есть до 1839 года, такъ и послѣ того никогда опеки и попечительства учреждено не было. Посему сдѣлка Марфы Ероховой въ отношеніи къ дочери силы имѣть не можетъ.

За признаніемъ такимъ образомъ духовнаго завѣщанія Андрея Ерохова и мировыхъ сдѣлокъ вдовы его въ отношеніи къ дочери недѣйствительными, оказывается, что послѣ Андрея Ерохова осталась одна дочь, нынѣ мѣщанка Данилова; имѣніе Андрея Ерохова заключалось въ капиталѣ по документамъ на разныхъ лицахъ въ 30 т. р. асс., которые онъ предоставлялъ брату Ивану, въ экипажномъ заведеніи, общемъ съ тѣмъ же братомъ, и въ домахъ, общихъ съ тремя братьями. При немѣнни Андреемъ Ероховымъ кромѣ дочери другихъ дѣтей, она представляется единственною наслѣдницею, и хотя вдовѣ Андрея Ерохова слѣдовала указная часть изъ имѣнія, но она по сдѣлкѣ съ братьями подтвердила полученіе за свою часть удовлетворенія и затѣмъ имѣніе Андрея Ерохова должно принадлежать дочери.

Въ слѣдствіе сихъ соображеній, признавая рѣшеніе общаго присутствія уѣзднаго суда и магистрата о взысканіи съ наслѣдниковъ Ивана Ерохова 30 т. р. съ процентами въ

пользу Даниловой, о предоставленіи ей половины изъ экипажнаго заведенія, о выдѣлѣ Даниловой принадлежавшей отцу 4-ой части изъ домовъ и доходовъ по расчету общаго присутствія правильнымъ, и по прочимъ предметамъ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла, общее Сената собраніе опредѣлило утвердить рѣшеніе общаго присутствія.

II.

Безспорная, въ продолженіе 10-лѣтней давности, разработка рудниковъ въ чужой землѣ можетъ обратиться въ право постояннаго пользованія оными, если они не были разрабатываемы самимъ владельцемъ земли.

Въ общемъ Собраніи 4, 5 и межеваго департамента Правительствующаго Сената разсматривалось дѣло о спорныхъ между Ревдинскимъ и Каслинскими заводами трехъ—Ольховскомъ, Вязовскомъ и Березовскомъ желѣзныхъ рудникахъ.

Означенные спорные рудники находятся въ дачѣ Каслинскихъ заводовъ, которые основываютъ право свое на сіи рудники: во 1-хъ, на купчей крѣпости 1759 года, по которой продана башкирцами дворянину Никитѣ Демидову земля къ Каслинскому заводу, во 2-хъ на отказной книгѣ, выданной Никитѣ Демидову, при вводѣ его въ 1792 году въ безспорное владѣніе имѣніемъ; въ 3-хъ на купчей крѣпости 1809 г., по коей продавъ отъ Петра Демидова купцу Расторгуеву Каслинскій заводъ; въ 4-хъ на купчей крѣпости, данной въ 1764 году бывшимъ владельцемъ Каслинскихъ заводовъ Никитю Демидовымъ на продажу купцамъ Ширяевымъ Шайтанска-

го завода, дошедшаго послѣ къ Ярцову, въ которой купчей упоминается о Вязовскомъ рудникѣ, и на условіи, učinенномъ въ 1799 году прикащиками Каслинскаго и Шайтанскаго заводовъ относительно добычи руды изъ Вязовскаго рудника; наконецъ на бывшемъ генеральномъ межеваніи Каслинскихъ заводовъ, при которомъ со стороны Ревдинской заводской конторы спора не было предъявлено.

Ревдинская заводская контора доказываетъ право свое на разработку спорныхъ рудниковъ тѣмъ, что они отведены въ 1758 году къ Ревдинскому заводу по указу Бергъ-Коллегіи съ выдачею межевыхъ чертежей, и съ того времени до пачатія дѣла въ 1827 году находились въ безспорномъ владѣніи Ревдинскаго завода, съ которымъ перешли къ нынѣшнимъ его владѣльцамъ.

По слѣдствію обнаружено, что всѣ рудники находятся въ дачѣ Каслинскихъ заводовъ, по семи заводами никогда не были разрабатываемы.

По вѣдомостямъ Уральскаго горнаго правленія, они показывались при Ревдинскомъ заводѣ Демидовыхъ. Изъ нихъ три рудника Ольховскіе съ 1815 г. до пачатія въ 1827 г. спора постоянно и безпрепятственно разрабатывались для Ревдинскаго завода, которымъ на тѣхъ рудникахъ устроены заведенія съ поселеніемъ рабочихъ людей; Вязовскій и Березовскій рудники хотя также разрабатывались по временамъ для Ревдинскаго завода, но когда и сколько времени, положительно не доказано.

Екатеринбургскій уѣздный судъ и горное правленіе опредѣлили: спорные рудники отдать по крѣпостямъ въ полную собственность Каслинскихъ заводовъ.

Общее Сената Собраніе нашло, что судебныя мѣста полагаютъ спорные рудники утвердить за Каслинскими заводами на томъ основаніи, что земля, въ коей тѣ рудники находятся, принадлежитъ по крѣпостямъ владѣльцамъ Каслин-

скихъ заводовъ, и что давность владѣнія Ревдинскихъ заводовъ тѣми рудниками, не на правѣ собственности, силы имѣть не можетъ. Изъ дѣла видно, что спорные рудники были отведены къ Ревдинскому желѣзному заводу въ 1758 г., съ выдачею чертежей, по распоряженію бывшей Государственной Бергъ-Коллегіи, по дѣйствовавшимъ тогда узаконеніямъ—бергъ-привилегіи 1713 г. и бергъ - регламенту 1739 года. Посему въ настоящее время представляется *вопросъ*: можетъ-ли быть предоставлено Ревдинскому заводу право разработки рудниковъ, отведенныхъ въ такихъ земляхъ, которыя по праву собственности принадлежатъ другому заводу. Вопросъ сей весьма ясно разрѣшается силою 1478 ст. VII т. уст. горн., въ которомъ постановлено: если рудникъ, приписанный къ частному заводу, но не состоящій въ его дачахъ, будетъ лежать безъ работы одинъ годъ, или если изъ него въ теченіи года не будетъ добыто и поставлено рудъ болѣе 100 пудъ, то оный объявляется тунележащимъ и заводчикъ не имѣетъ уже на таковой рудникъ права. Основываясь на семъ законѣ, и принимая во вниманіе: 1, что произведеннымъ слѣдствіемъ положительно доказывается безспорное владѣніе Ревдинскаго завода тремя Ольховскими рудниками съ 1758 г. по 1827 г., въ которомъ возникъ споръ, и постоянная до того времени ихъ разработка; 2, что рудники сіи, какъ слѣдствіемъ обнаружено, Каслинскими заводами никогда разрабатываемы не были; 3, что они были постоянно показываемы Ревдинскимъ заводомъ въ вѣдомостяхъ горному правленію и 4, что генеральное межеваніе, опредѣливъ границы земель, оградило только право Каслинскихъ заводовъ на земли, но не уничтожило права Ревдинскаго завода на пользованіе рудою въ мѣстахъ, предоставленныхъ правительствомъ по дѣйствовавшимъ тогда узаконеніямъ,—Общее Сената Собраніе заключило: право разработки желѣзной руды въ трехъ Ольховскихъ рудникахъ, по сдѣланнымъ отводамъ, утвердить за Ревдинскимъ заводомъ. Что

же касается до Березовскаго и Вязовскаго рудниковъ, то изъ дѣла не видно, чтобы рудники сіи были въ свое время разрабатываемы тѣми, кому было предоставлено это право, а потому рудники сіи и слѣдуетъ утвердить въ собственность владѣльцевъ земель, въ коихъ находятся.

III.

Публичная продажа, хотя бы и неправильно произведенная, но утвержденная выдачею покупщику данной, перепродажею имъ имѣнія третьему лицу и безспорнымъ вводомъ во владѣніе сего послѣдняго, остается въ силѣ, со взысканіемъ съ виновныхъ членовъ присутственнаго мѣста всей заплаченной послѣднимъ покупщикомъ суммы.

Кишиневскій мѣщанинъ Матвѣевъ, принявъ на себя, по заключенному контракту, постройку дома для вахтера Щеглятьева въ г. Кишиневѣ, перебралъ у него сверхъ условленной платы 20 руб. сереб., которые ремесленную управою присуждено было Матвѣеву уплатить; но въ число оныхъ, по неимѣнію у него денегъ, отдано имъ только 5 руб. сер., а остальные 15 руб. сер. онъ, Матвѣевъ, особою роспискою, 17-го декабря 1845 года, обязался уплатить не позже 29-го іюня 1846 года.

Между тѣмъ ремесленная управа сообщила 3-го ноября 1845 года во 2-часть города Кишинева о взысканіи съ Матвѣева въ пользу Щеглятьева 20 руб. сер. и вслѣдствіе сего, по распоряженію Кишиневской градской полиціи, домъ Матвѣева

былъ описанъ и оцѣненъ въ 20 руб. сер. Въ описи показано: «Домъ валькованый, въ немъ комнатъ двѣ, покрытъ шелевками, огороженъ по улицѣ досками, а кругомъ плетнемъ, подъ нимъ земли-шириною 10, и длиною 30 сажень».

Бессарабское областное правленіе, получивъ представленіе градской полиціи отъ 28 марта 1846 года, и назначивъ домъ Матвѣева, для удовлетворенія претензіи къ нему Щеглятьева, въ продажу съ публичнаго торга на сроки 31 мая и 4 іюня, предписало 11 мая полиціи сдѣлать публикацію и объявить о таковой продажѣ должнику Матвѣеву.

На сіе полиція 19 іюня и 30 іюля донесла, что публикація учинена и Матвѣеву содержаніе указа объявлено, и что, по случаю неявки на назначенные сроки для торговъ желающихъ, истребованъ отъ вахтера Щеглятьева отзывъ о согласіи его оставить домъ Матвѣева за собою въ оцѣночной суммѣ. Посему областное правленіе описанный у Матвѣева домъ оставило за Щеглятьевымъ въ оцѣночной суммѣ и о выдачѣ ему на владѣніе документа, съ приложеніемъ оцѣночной описи и плана, 31 августа 1846 года сообщило въ областной гражданскій судъ.

Гражданскій судъ выдалъ Щеглятьеву 28 сентября того же 1846 года на домъ Матвѣева данную, а Щеглятьевъ, по совершенной тамъ же 11 Декабря 1846 года купчей крѣпости, продалъ этотъ домъ коллежскому секретарю Писаренкѣ за сто рублей серебромъ.

По жалобѣ Матвѣева на означенныя дѣйствія областного правленія, дѣло о продажѣ его дома доходило до разсмотрѣнія 2 департамента Правительствующаго Сената, который, отмѣнивъ распоряженіе областного правленія объ отдачѣ дома Матвѣева въ искъ Щеглятьеву, указомъ 19 ноября 1848 года предписалъ: назначить домъ сей вновь въ продажу и совершить оную съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ узаконенныхъ на сей предметъ правилъ, въ такомъ однакожъ случаѣ, если со стороны Матвѣева

не будетъ произведено уплаты долга Щеглятьеву въ срокъ, установленный закономъ.

Въ исполненіе сего, домъ Матвѣева назначенъ былъ вновь въ продажу съ публичнаго торга на удовлетвореніе Щеглятьева и о вызовѣ въ областное правленіе желающихъ для торга на 31-число января 1849 года и чрезъ три дня на переторжку сдѣлано было надлежащее распоряженіе; но прежде наступленія сего срока, и именно 28 тогоже января, Матвѣевъ, представивъ въ областное правленіе слѣдующіе на удовлетвореніе Щеглятьева деньги 20 руб. сер., просилъ продажею дома его остановиться; а какъ Щеглятьевъ перепродалъ домъ его коллежскому секретарю Писаренкѣ, который болѣе двухъ лѣтъ въ немъ жительствуетъ, то ходатайствовалъ о выводѣ Писаренка изъ того дома и о ввѣдѣ его, Матвѣева, во владѣніе онымъ, со взысканіемъ съ Писаренки слѣдующихъ ему, Матвѣеву, за квартированіе въ домъ его денегъ, примѣрно по 36 руб. сереб. въ годъ.

Вслѣдъ за тѣмъ поступили просьбы отъ вахтера Щеглятьева и коллежскаго секретаря Писаренки объ оставленіи за симъ послѣднимъ дома Матвѣева по поводу покупки онаго отъ Щеглятьева.

Но областное правленіе, оставивъ таковыя просьбы Щеглятьева и Писаренки безъ уваженія, внесенныя Матвѣевымъ деньги 20 руб. сереб. на удовлетвореніе Щеглятьева отослало при указѣ въ Кишиневскую градскую полицію, предписавъ оной домъ Матвѣева возвратитъ ему въ прежнее владѣніе немедленно, и о томъ увѣдомило областной гражданскій судъ.

На это распоряженіе областного правленія Писаренко жаловался Правительствующему Сенату двумя прошеніями 20 іюня и 25 октября 1849 года, и объясняя издержки, какія онъ употребилъ на исправленіе купленнаго имъ у вахтера Щеглятьева дома и на уплату за оный по раскладкѣ квартирной комисіи за прошлые годы и за обѣ половины 1849 года слѣ-

довавшихъ денегъ, просилъ: во уваженіе къ тому, что онъ не самовольно, но по купчей крѣпости и по вводному листу владѣть домомъ, отчуждаемымъ отъ него областнымъ правленіемъ, распоряженіе правленія, обидное для него и противное существу и положенію дѣла, уничтожить; его же, по невинности, отъ всѣхъ дальнѣйшихъ издержекъ и убытковъ освободить и обратить таковыя на того, кто по существу настоящаго дѣла окажется виновнымъ; при чемъ представилъ списокъ матеріаламъ, употребленнымъ на исправленіе и устройство означеннаго дома и на уплату повинностей за оный, всего на сумму 203 руб. 96 коп. сер., и вводный листъ 24 января 1847 года, изъ коего видно, что онъ, Писаренко, введенъ во владѣніе тѣмъ домомъ въ присутствіи понятыхъ, въ слѣдствіе предписанія Кишиневской градской полиціи, по совершенному въ гражданскомъ судѣ 11 декабря 1846 года крѣпостному документу.

Правительствующій Сенатъ, истребовавъ, по содержанію сихъ жалобъ, отъ Бессарабскаго областного правленія объясненіе, 29 марта 1850 года опредѣлялъ: такъ какъ указомъ Правительствующаго Сената отъ 19 ноября 1848 года распоряженіе правленія объ утвержденіи за вахтеромъ Щеглятьевымъ проданнаго за искъ его дома мѣщанина Дмитрія Матвѣева уничтожено, то засимъ ходатайство коллежскаго секретаря Писаренки объ оставленіи въ его владѣніи означеннаго дома по купчей крѣпости, выданной ему Щеглятьевымъ, оставить безъ уваженія; чтоже касается до показанія Писаренки о произведенныхъ имъ издержкахъ на поправку и устройство дома Матвѣева, то обстоятельство это областное правленіе распорядилось уже передать въ Кишиневскій магистратъ, для опредѣленія починкамъ и поправкамъ въ домѣ оцѣнки и взысканія ихъ съ кого слѣдуетъ, а потому объявить Писаренкѣ, чтобы съ объясненіемъ своихъ правъ обратился въ означенный магистратъ. По сему опредѣленію указъ въ областное правленіе посланъ 16 мая тогожъ 1850 года.

На это опредѣленіе Правительствующаго Сената со стороны Писаренки принесена всеподданнѣйшая жалоба, по которой и возобновилось настоящее дѣло.

Сообразивъ изложенныя обстоятельства сего дѣла, общее Сената собраніе и съ своей стороны нашло дѣйствія Бессарабскаго областнаго правленія по продажѣ дома мѣщанина Матвѣева неправильными потому именно, что оно признало таковую продажу несостоявшеюся, не имѣя у себя положительнаго удостовѣренія, были ли сдѣланы объ оной объявленія; ибо исполненіе сего закономъ установленнаго обряда своевременно со стороны полиціи, подвергается сильному сомнѣнію, при соображеніи времени донесенія ея объ этомъ и содержанія подписки, взятой отъ лица Матвѣева. Изъ дѣла видно, что таковое объявленіе сдѣлано чрезъ одну городскую полицію, и что не были ни заготовлены, ни разосланы печатные экземпляры объявленій въ числѣ не менѣе пяти на каждый уѣздъ, гдѣ объявленіе производится, какъ это требовалось статьями 3986 и 3991 X т. св. зак. гражд. изд. 1842 для имуществъ, оцѣненныхъ не свыше 300 р. сер., о продажѣ копѣхъ дѣлается оповѣщеніе чрезъ градскую и земскую полиціи. Кромѣ того продажа означеннаго дома Матвѣева вахтеру Щеглятьеву допущена въ такое время, когда еще не наступило срока платежу должныхъ ему, Щеглятьеву, Матвѣевымъ денегъ по роспискѣ 17 декабря 1843 года. Но при всѣхъ изъясненныхъ отступленіяхъ областнаго правленія въ этомъ дѣлѣ отъ узаконеннаго на продажу имѣній порядка, нельзя однакожъ не обратить вниманія на то, что продажа эта въ настоящее время укрѣпляется: а) выданною Щеглятьеву по распоряженію областнаго правленія отъ областнаго гражданскаго суда данною, б) совершенною Щеглятьевымъ въ томъ же гражданскомъ судѣ купчею крѣпостью на продажу того дома коллежскому секретарю Писаренкѣ; в) безспорнымъ вводомъ сего послѣдняго во владѣніе домомъ, съ сохраненіемъ при семъ случаѣ предписаннаго законами обряда, и наконецъ продолжительнымъ

владѣніемъ сямъ домою его, Писаренки, съ употребленіемъ на исправленіе, устройство онаго и на уплату городскихъ за него повинностей значительнаго противу стоимости его при продажѣ капитала. Принимая все сіе въ соображеніе и убѣждаясь при томъ въ необходимости поддержать твердость публичныхъ продажъ, а съ другой стороны имѣя въ виду несправедливое отнятіе у Матвѣева его собственности, общее Сената собраніе опредѣлило: во 1-хъ оставить во владѣніи Писаренки домъ, приобретенный имъ на законномъ основаніи отъ вахтера Щеглятьева; во 2-хъ взыскать въ пользу Матвѣева съ членовъ областного правленія, виновныхъ въ продажѣ дома его, цѣну, данную за домъ Писаренкою, съ узаконенными процентами со дня продажи, предоставивъ ему, Матвѣеву, отыскивать отъ сего дѣла особо, съ надлежащими доказательствами, и понесенные имъ убытки съ тѣхъ же членовъ областного правленія, и въ 3-хъ возвратитъ Матвѣеву внесенные въ уплату долга Щеглятьеву 20 р. сер., съ причитающимися на оныя процентами.

IV.

Кредиторъ, вступившій съ несостоятельнымъ должникомъ въ мировую сдѣлку, и получившій по ней часть капитала, лишается всякаго права требовать взысканія остальной части съ лица, поручившагося за должника.

Дочь умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника дѣвица Лидія Приклонская подписалась поручительницею на срокъ и по срокъ на двухъ заемныхъ письмахъ, выданныхъ

мѣщаниномъ Волковымъ капитану Сосновскому въ августѣ 1844 года, суммою каждое въ 650 р. сер.

Въ 1846 году, по вступившимъ на Волкова долгамъ, въ томъ числѣ и претензіи Сосновскаго по означеннымъ заемнымъ письмамъ, Волковъ объявленъ былъ несостоятельнымъ должникомъ и предложилъ кредиторамъ своимъ мировую сдѣлку объ уплатѣ по десяти коп. на капитальный рубль, съ разсрочкою платежа на три года. На эту сдѣлку согласилось узаконенное большинство кредиторовъ, въ томъ числѣ и Сосновскій.

Затѣмъ, 28 января 1848 года, Сосновскій предъявилъ означенныя заемныя письма въ Московскую управу благочинія для взысканія по онымъ съ поручительницы по Волковѣ, Приклонской, всей значащейся въ тѣхъ обязательствахъ суммы съ неустойкою и процентами.

Приклонская противъ такового взысканія объявила споръ, главныя основанія котораго состоятъ въ томъ, что поручительство ея, какъ сдѣланное послѣ подписи маклера, остается нигдѣ не засвидѣтельствованнымъ, и что Сосновскій, изъявивъ согласіе на мировую сдѣлку должника, не имѣетъ права обращаться къ ней, какъ къ поручительницѣ.

Московскій надворный судъ, разсмотрѣвъ дѣло сіе, принялъ въ соображеніе, что при большинствѣ кредиторовъ Волкова, согласныхъ на мировую сдѣлку, несогласіе Сосновскаго на оную не могло бы принести пользы и согласіе его не можетъ быть признано вреднымъ дѣйствіемъ для поручительницы: а потому 19 октября 1848 г. опредѣлилъ подвергнуть Приклонскую взысканію одной капитальной суммы.

Гражданская палата, по 1-му департаменту, находя, что на основаніи 1349 ст. X т. ч. I св. зак. гр. поручительство совершается послѣ рукоприкладства должника, и что въ настоящемъ случаѣ правило это не соблюдено, опредѣленіемъ 26 января 1850 г. признала поручительство Приклонской недѣйствительнымъ и освободила ее отъ взысканія по оному.

На это рѣшеніе палаты Сосновскій принесъ Правительствующему Сенату апелляціонную жалобу.

Сообразивъ обстоятельства сего дѣла съ законами, Правительствующій Сенатъ нашель, что Сосновскій, изъявивъ согласіе на мировую сдѣлку, заключенную Волковымъ къ кредиторами его, не вправѣ послѣ сего обращаться съ требованіемъ уплаты долга Волкова къ поручительницѣ по немъ Приклонской. Существо мировой сдѣлки заключается именно въ томъ, что заимодавецъ, соглашаясь получить вмѣсто слѣдовавшаго ему капитала извѣстную, опредѣленную процентами сумму, представляющую сей капиталъ, отказывается добровольно отъ дальнѣйшаго удовлетворенія. Законъ, имѣя въ виду важность и обязательность мировой сдѣлки для заимодавцевъ, постановилъ къ огражденію ихъ правъ съ надлежащею осторожностію правла, на основанія которыхъ составляются и признаются дѣйствительными мировыя сдѣлки. Отъ соблюденія сихъ правилъ зависитъ утвержденіе мировой сдѣлки; съ утвержденіемъ же оной всѣ заимодавцы, изъявившіе на сдѣлку согласіе, обязаны освободить несостоятельнаго должника отъ дальнѣйшей отвѣтственности; посему мировая сдѣлка прекращаетъ конкурсъ и всѣ его послѣдствія такъ точно, какъ бы никогда онаго не было (ст. 2017 т. XI св. уст. тор.).

Независимо отъ сего, нельзя не принять въ соображеніе, что заимодавцы не могутъ изъ участія въ мировыхъ сдѣлкахъ извлекать особыхъ правъ къ преслѣдованію поручителей, отвѣтственность которыхъ прекращается вмѣстѣ съ отвѣтственностію несостоятельнаго должника. Въ противномъ случаѣ, предоставленіе заимодавцамъ права на требованіе недополученнаго по сдѣлкѣ капитала открыло бы средство къ самымъ неблагоприятнымъ изворотамъ между должникомъ и заимодавцемъ ко вреду добросовѣстныхъ поручителей. Послѣдніе должны подвергаться взысканію капитала за должника тогда лишь, когда заимодавцы мировою сдѣлкою не лишили себя права отыскивать капитала въ полномъ его количествѣ.

Обращаясь къ настоящему случаю, Правительствующій Сенатъ призналъ, что Сосновскій, изъявивъ согласіе на полученіе по мировой сдѣлкѣ въ удовлетвореніе долга Волкова по 10 коп. на капиталный рубль, потерялъ по закону всякое право на требованіе уплаты долговой суммы съ поручительницы Приклонской, отвѣтственность которой прекратилась вмѣстѣ съ изъясненіемъ Сосновскимъ согласія на мировую сдѣлку Волкова.

По симъ уваженіямъ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: Приклонскую отъ всякой отвѣтственности по поручительству за Волкова освободить; апелляціонную же жалобу Сосновскаго, какъ неосновательную, оставить безъ уваженія.

V.

При совершеніи запродажныхъ записей не слѣдуетъ взыскивать полупроцентныхъ денегъ въ городской доходъ.

Кирсановскій уѣздный судъ, на основаніи 720 ст. по VI и X прод. св. гражд. зак. т. X изд. 1842 г. (изд. 1857 г. ч. I ст. 889 и 890), взыскалъ въ доходъ города полупроцентныя деньги съ титулярнаго совѣтника Раевского при явкѣ имъ запродажной записи. Тамбовская палата гражданскаго суда, въ разсмотрѣніи коей находилось это дѣло, признало распоряженіе Кирсановскаго уѣзднаго суда совершенно правильнымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ 889, 890 и 1167 ст. X т. ч. I св. гражд. зак. (изд. 1857 г.) На такое постановленіе гражданской палаты титулярный совѣтникъ Раевскій принесъ жалобу Правительствующему Сенату и просилъ возвратить взысканныя съ него въ пользу городскихъ доходовъ пошли-

ны. По разсмотрѣніи обстоятельствъ сего дѣла, общее Сена-та собраніе нашло, что въ ономъ слѣдуетъ разрѣшить во-просъ: могутъ ли договоры запродажи недвижимаго имущества подлежать полупроцентному сбору съ той суммы дого-вора, въ которую актъ написанъ? По точному смыслу 889 и 890 ст. X т. полупроцентный сборъ взимает-ся въ пользу городскихъ доходовъ съ суммы, въ которую контрактъ или договоръ написанъ, если же въ актѣ опредѣ-ляется ежегодный платежъ въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, то сборъ въ пользу города взимается съ суммы, при-читающейся за все число лѣтъ, но когда въ актѣ постанов-ляются одни ежегодные платежи, безъ означенія срока или числа лѣтъ производства оныхъ, или когда они назначаются по смерти одного изъ договаривающихся лицъ, въ такомъ слу-чаѣ сборъ взыскивается съ суммы, равняющейся десятилѣт-ней сложности годоваго, въ договорѣ означеннаго платежа. Очевидно, что лица, совершающія договоры запродажной за-писи, по которымъ одна сторона обязывается только продать другой къ назначенному времени недвижимое имущество, не могутъ подлежать платежу опредѣленнаго вышепомянутою статьею полупроцентнаго сбора съ цѣны, по которой должна быть совершена самая продажа недвижимаго имущества уста-новленнымъ для сего крѣпостнымъ порядкомъ. Запродаж-ныя записи на недвижимыя имущества представляются по силѣ 1683 ст. 1-ой ч. X т. всегда для засвидѣтельствованія къ крѣпостнымъ дѣламъ и не могутъ быть предъявляемы къ засвидѣтельствованію къ дѣламъ маклерскимъ, а полупроцент-ный сборъ въ пользу городскихъ доходовъ взимается исклю-чительно съ тѣхъ разнаго рода контрактовъ и договоровъ, ко-торые на основаніи законовъ могутъ быть представляемы для засвидѣтельствованія не только въ присутственныя мѣста, но и къ маклерскимъ дѣламъ. Основываясь на сихъ соображе-ніяхъ и имѣя въ виду, что при совершеніи купчихъ крѣпо-стей взимается, на основаніи 395 ст. V т. уст. о пошл., по

четыре процента пошлины съ цѣны переходящаго по акту имѣнія, и что по запродажной записи, безъ совершенія по ней купчей крѣпости запрещается 1634 ст. 1-ой ч. X т. допускать ко владѣнію недвижимымъ имѣніемъ, Правительствующій Сенатъ призналъ, что запродажныя записи, для совершенія которыхъ опредѣленъ въ законахъ особый порядокъ, не могутъ быть причислены къ тѣмъ договорамъ, о которыхъ упоминается въ 889 и 890 ст. и при засвидѣтельствованіи таковыхъ записей у крѣпостныхъ дѣлъ, не слѣдуетъ взыскивать полупроцентнаго сбора въ пользу городскихъ доходовъ. Примѣняя сіи соображенія къ дѣлу титулярнаго совѣтника Раевского, общее собраніе Сената нашло, что распоряженія Кирсановскаго уѣзднаго суда и Тамбовской гражданской палаты о взысканіи съ него, Раевского, полупроцентной пошлины при засвидѣтельствованіи у крѣпостныхъ дѣлъ Кирсановскаго уѣзднаго суда запродажной записи на недвижимое имѣніе надворной совѣтницы Альтгеръ, несогласны съ вышеприведенными законами и подлежатъ отмене; а потому опредѣлило: *взысканныя при засвидѣтельствованіи помянутой запродажной записи полупроцентныя деньги возвратитъ по принадлежности.*

Б. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

1.

Дѣло о крестьянкахъ Агатѣ Огуренковой и Прасковьѣ Блиновой, сужденныхъ за неоднократныя кражи.—Повтореніемъ преступленія считается ушненіе такого же, какъ прежде, преступленія послѣ наказанія за первое, хотя бы это наказаніе послѣдовало не по приговору обыкновенныхъ судебныхъ инстанцій, но по постановленіямъ полицейскихъ властей или сельскихъ управленій.

Государственная крестьянка вдова Агата Огуренкова, приписанная къ Меречскому сельскому обществу, Трокскаго уѣзда, Виленской губерніи—женщина крайне бѣдная, не имѣющая ни постояннаго пристанища, ни средствъ къ содержанію себя и дѣтей своихъ, кромѣ испрашиванія милостыни, а порою, при удобномъ случаѣ, и воровства.—Въ 1852 г. она была судима Троксскимъ уѣзднымъ судомъ за самовольную отлучку съ мѣста жительства и приговорена къ наказанію розгами 10 ударами, но приговоръ этотъ не приведенъ надъ нею въ исполненіе. Въ 1854 г. она частью сама, частью съ помощью сына своего Ивана и крестьянокъ Анны и Прасковьи Блиновыхъ, совершила цѣлый рядъ разнообразныхъ кражъ, изъ которыхъ за двѣ первыя она была наказана по приговорамъ

сельской расправы, а за остальные предана формальному суду, въ порядкѣ обыкновеннаго уголовного судопроизводства.

Кражи, въ которыхъ участвуетъ Огуренкова, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) 23 апрѣля 1854 г. Огуренкова похитила ночью изъ кладовой корчемнаго засѣдателя Тересани разные съѣстные припасы на 1 р. 40 к. Эта кража сопровождалась оторваніемъ досокъ, которыми было заколочено окошко въ кладовой. За эту кражу Огуренкова высѣчена 15 ударами розогъ по приговору сельской расправы отъ 24 мая тогоже года. Огуренкова оговорила въ соучастіи съ нею 16 лѣтнюю крестьянку Прасковью Блинову, которая въ взводимомъ на нее преступленіи не созналась.

2) 28 мая Огуренкова, вмѣстѣ съ 9 лѣтнимъ сыномъ своимъ Петромъ и Прасковьею Блиновою, похитила у еврея Нахима Коплуна изъ его ледника разные съѣстные припасы посредствомъ подкопа подъ ледникъ. За эту кражу Огуренкова высѣчена 20 ударами розогъ по приговору сельской расправы отъ 2 іюня тогоже года.

3) Огуренкова, вмѣстѣ съ Прасковьею Блиновою, съ вѣдома матери Прасковіи, Анны Блиновой, увели со двора еврея Вишника или Сироты принадлежавшую этому еврею козу, которую потомъ зарѣзали и съѣли.

4) Ночью 7 іюня Огуренкова, одна, похитила у унтеръ-офицера Жилевича изъ кладовой, куда она пробралась чрезъ окошко, мѣдную кострюлю, желѣзную сѣчку и полъ гарнца соли.

5) Тогоже числа она похитила точно такимъ же образомъ, посредствомъ вынутія окна, изъ кладовой разные съѣстные припасы у еврея Бингельскаго.

6) Ночью 8 іюня Огуренкова сдѣлала кражу разнаго хлѣба у маіорши Померанской изъ кухни, куда она проникла чрезъ вынутіе ею окошка. Эта кража сопровождалась взломомъ замка у шкафа, въ которомъ хранился хлѣбъ.

7) Тогоже числа Огуренкова похитила точно также, чрезъ вынутіе окошка, разное платье у еврейки Давыдовой.

8) Того же числа Огуренкова съ сыномъ своимъ Петромъ подкапывались подъ фундаментъ дома Меречскаго сборщика податей еврея Голтовта, но, встрѣтивъ препятствіе при этой работѣ и услышавъ шумъ, скрылись въ огородъ, гдѣ и были задержаны.

При слѣдствіи Огуренкова, сознаваясь во всѣхъ вышеизчисленныхъ похищеніяхъ, оправдывала себя крайнею бѣдностью и голодомъ.—Прасковья Блинова отзывалась, что она участвовала въ нѣкоторыхъ кражахъ съ Огуренковою, по уговору сей послѣдней. Огуренкова же доказывала, что Прасковья дѣйствовала безъ всякаго съ ея, Огуренковой, сторопы подговора.

Во всѣхъ исчисленныхъ кражахъ цѣна краденнаго не превышаетъ 30 рублей.

Поведеніе Огуренковой на повальномъ обыскѣ не одобрено.—Отъ роду ей было въ 1854 г. 38 лѣтъ.

Дѣло объ Огуренковой рѣшено было Трокскимъ уѣзднымъ судомъ и Виленскою уголовною палатою и внесено въ Правительствующій Сенатъ (2 отдѣленія 5 департамента).

Правительствующій Сенатъ нашель, что изъ подсудимыхъ, по собственному сознанию, сходному съ происшедшимъ дѣйствіемъ, изобличаются: 1. *Агата Огуренкова* А) въ кражахъ по предварительному съ Прасковьею Блиновою уговору и по начамъ а) у еврея Сироты козы, стоящей менѣе 30 р. с., б) у унтеръ-офицера Жилевича, у еврея Бингельскаго, еврейки Давыдовой и маіорши Померанской со взломомъ оконъ, а у послѣдней сверхъ того и съ разломаніемъ замка отъ шкафа, разныхъ вещей; и Б) въ покушеніи на кражу у еврея Голдовта съ подкопомъ фундамента, каковое покушеніе остановлено по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ; 2. *Прасковья Блинова*—въ соучастіи съ первою подсудимою, по

взаимному уговору, въ кражахъ по ночамъ: а) у еврея Коплуна съ подкопомъ стѣны, и б) у еврея Сироты—kozy, стоящей менѣе 30 р.

Независимо отъ сего обвиняются: а) Агата Огуренкова въ подговорѣ крестьянки Прасковьи Блиновой къ воровству, и б) сія послѣдняя въ кражѣ, совмѣстно съ первою, ночью у чиновника Тересани со взломомъ окна, но къ изобличенію ихъ въ этихъ преступленіяхъ не представляется достаточныхъ основаній по неосознанію ихъ и отсутствію положительныхъ доказательствъ по первому обвиненію, а по второму обвиненію навлекается на Блинову подозрѣніе по постоянному оговору Огуренковой и малолѣтняго сына ея и по собственному показанію подсудимой, что она участвовала съ нею въ разныхъ кражахъ.

По уложенію, за доказанныя преступленія, изъ подсудимыхъ Агата Огуренкова подлежитъ слѣдующимъ наказаніямъ: 1. за кражу у еврея Сироты козы по 1 ч. 2159 и 1 п. 4 п. 2166 ст. т. е. по 2 степени 36 ст.; 2. за кражу у утеръ-офицера Жилевича, еврея Бингельскаго, еврейки Давыдовой и маюрши Померанской за каждую въ отдѣльности по 2 ч. 2149 и 1 и 4 п. 2166 ст., т. е. по 2 степ. 35 ст., и 3) за покушеніе на кражу у еврея Голдовта съ подкопомъ фундамента, согласно 120 и 1 ч. 2149 ст. по 4 степ. 35 ст. Но какъ кражи сіи учинены подсудимою послѣ двукратнаго по приговорамъ сельской расправы наказанія за ночныя кражи, изъ коихъ одна сопровождалась первостепеннымъ взломомъ, то она, согласно 2167 ст., и подлежитъ нынѣ наказанію, какъ за кражу съ первостепеннымъ взломомъ (1 ч. 2149 ст.), сопровождавшуюся двумя увеличивающими вину обстоятельствами, т. е. учиненіемъ ночью и въ 3-й разъ (1 ч. 2166, 3 отд. 1 ч. 2149 ст.), слѣдовательно, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, распубликованному въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 14 іюня 1850 г., подсудимую слѣдуетъ подвергнуть наказанію по по-

слѣдному, какъ важнѣйшему изъ сихъ обстоятельствъ, т. е. по 2 степ. 22 ст. уложенія.

Прасковья Блинова подлежитъ наказаніямъ за кражи: 1) у еврея Сироты козы по 1 ч. 2159 ст. и 1 и 4 п. 2166 ст., по 2 степени 36 ст. и 2, у еврея Коплуна разныхъ вещей по 1 ч. 2149 и 1 и 4 п. 2166 ст. т. е. по 1 степ. 35 ст.; при совокупности же сихъ кражъ по 156 ст., послѣдному наказанію, какъ тягчайшему, которое, по несовершеннолѣтію ея, должно быть смягчено, согласно 146 ст. улож. и 1597 ст. XV т. въ 12 прод. св. зак.

Вина подсудимыхъ сихъ съ одной стороны уменьшается чистосердечнымъ сознаніемъ (2 п. 140 ст.), а съ другой увеличивается совокупностью преступленій (156 ст.).

Посему, и принимая въ соображеніе Всемиловивѣйшій манифестъ 26 августа 1856 г. и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 12 ноября 1856 г., Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: 1) крестьянку Агату Огуренкову, не обвиняя въ подговорѣ крестьянки Прасковьи Блиновой къ воровству, за доказанныя кражи лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ неотдаленныя мѣста Сибири безъ тѣлеснаго наказанія. 2) Несовершеннолѣтнюю крестьянку Прасковью Блинову оставить въ подозрѣніи въ кражѣ у чиновника Тересани вещей; за прочія воровства, не подвергая наказанію розгами, отдать, безъ лишенія правъ и преимуществъ лично и по состоянію ей присвоенныхъ, на одинъ годъ въ рабочій домъ или тюрьму, послѣ чего сослать ее для водворенія и употребленія въ работы въ Восточную Сибирь на основаніи установленныхъ особыхъ правилъ. 3) Малолѣтнаго сына Петра Огуренкова, освободивъ отъ наказанія за участіе въ воровствѣ, поступить съ нимъ по 143 ст. улож. 4) Не входить въ сужденіе по не подлежащей ревизіи статьѣ рѣшенія уголовной палаты о крестьянкѣ Аннѣ Блиновой (1297 ст. XV т. въ 6 продол. св. зак. и 132 ст. улож.) 5) Статью

рѣшенія уголовной палаты по предмету возмѣщенія убытковъ утвердить, согласно 2171 ст. улож. и приложенія къ 521 ст. X т. въ 15 прод. св. зак.

Оберъ-прокуроръ, признавая это рѣшеніе правильнымъ, затруднился въ пропускѣ его потому, что оно содержитъ общее правило о вліяніи при повтореніяхъ, преступленій на мѣру наказанія такихъ приговоровъ, которые состоялись не въ судебныхъ мѣстахъ. Онъ представилъ настоящее дѣло г. Министру Юстиціи.

По забраннымъ въ министерствѣ справкамъ оказалось, что до разсмотрѣнія министерства доходили два дѣла того же рода, которыя получили противоположныя рѣшенія:

1. Несовершеннолѣтній крестьянинъ Штенниковъ, избитый въ кражѣ со взломомъ замка, кузнечныхъ мѣховъ и молотовъ, наказанъ 18 ударами розогъ по распоряженію сельской расправы. Когда дѣло о Штенниковѣ дошло въ обыкновенномъ порядкѣ суда до Правительствующаго Сената, (1 отд. 6 деп.) онъ нашель, что расправа не имѣла права входить въ разбирательство кражи взломомъ, подсудной по закону судебнымъ инстанціямъ.

Признавъ состоявшееся въ сельской расправѣ рѣшеніе о Штенниковѣ недѣйствительнымъ, Сенатъ положилъ: на основ. 2143 и 146 ст. улож., не лишая его правъ состоянія, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою.—Министръ Юстиціи счелъ необходимымъ, прежде рѣшенія дѣла о Штенниковѣ въ существѣ, снести съ Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной его императорскаго величества канцеляріи, который, объясняя сей вопросъ общимъ духомъ нашего законодательства, находилъ, что Штенниковъ, какъ попесшій уже наказаніе, хотя и не въ порядкѣ закономъ установленномъ, не можемъ засимъ подвергнуться новому за то же преступленіе наказанію. Соглашаясь съ симъ заключеніемъ, Министръ Юстиціи предложилъ 10 января 1853 г.

Правительствующему Сенату измѣнить въ семь смыслѣ состоящуюся по дѣлу о Штенниковѣ резолюцію.

2. Дворянка Екатерина Попова, оказавшаяся виновною въ кражѣ у своей родственницы разныхъ вещей на сумму ниже 30 р. с., по распоряженію Новогеоргіевского станичнаго правленія, выдержана въ станичной тюрьмѣ три дня на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ предана суду въ общемъ порядкѣ. Правительствующій Сенатъ (2 отд. 6 деп.) полагалъ, за понесеннымъ Поповою наказаніемъ, отъ дальнѣйшаго взысканія ее освободить, но по состоявшемуся въ Государственномъ Совѣтѣ и удостоившемуся Высочайшаго утвержденія мнѣнію признано, что заключеніе Поповой подъ стражу не составляетъ еще наказанія и положено примѣнить къ ней законъ во всей его строгости.

По дѣлу объ Огуренковой Г. Министръ Юстиціи нашель, что къ разрѣшенію представляется вопросъ: должно ли признавать третью кражею ту, которая подлежитъ обсужденію въ обыкновенномъ порядкѣ, если передъ нею совершены были двѣ кражи, наказанныя сельскою распрavoю, хотя бы и съ превышеніемъ власти сею послѣднею.

Въ 137 ст. улож. о нак. уг. и пспр. сказано: «къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе, принадлежитъ и повтореніе того же преступленія или учпненіе другаго, послѣ суда и наказанія за первое.—Смыслъ сего закона показываетъ, по мнѣнію г. Министра, что повтореніемъ преступленія должно признавать совершеніе онаго послѣ суда и наказанія, т. е. не только послѣ наказанія, послѣдовавшаго въ силу судебного приговора, но и вообще послѣ наказанія, опредѣляемаго безъ сего приговора, напримѣръ послѣ наказанія по распоряженію сельской расправы. Иначе, еслибы законъ не обнималъ обоихъ этихъ случаевъ, то выраженіе въ ономъ «*послѣ суда и наказанія*» было бы замѣнено выраженіемъ: «*послѣ наказанія по суду*»,— или: «*послѣ осужденія за прежнія подобныя преступленія*», причемъ бы подразумѣвалось слово: «наказаніе».

Соглашаясь съ резолюціею Сената, г. Министръ положилъ: предварительно разрѣшенія настоящаго дѣла, препроводить опредѣленіе Сената на заключеніе къ главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Главноуправляющій сообщилъ, что признаетъ вполне справедливыми заключеніе Сената и разсужденія г. Министра Юстиціи, принятыя въ основаніе къ разрѣшенію вопроса касательно счета кражъ въ случаѣ повторенія оныхъ. По мнѣнію его, главноуправляющаго, нѣтъ никакого въ дѣйствующихъ у насъ законахъ постановленія, обязывающаго при сужденіи о повторенномъ воровствѣ-кражѣ, принимать во вниманіе, въ числѣ прочихъ особенно къ сему преступленію отнесенныхъ условій, и то, по приговору какихъ мѣсть, полицейскихъ или сельскихъ, или же обыкновенныхъ судебныхъ инстанцій, подвергался наказаніямъ за предшешія кражи обвиненный въ разсматриваемомъ въ послѣдній разъ томъ же законопротивномъ дѣяніи.

13 Іюня 1857 г. Министръ Юстиціи разрѣшилъ Оберъ-прокурору сдѣлать пропускъ опредѣленія Правительствующаго Сената объ Огуренковой.

II.

Дѣло о дворянинѣ Тыртовѣ, сужденномъ за кражи.—Кражею со взломомъ не считается похищеніе самаго матеріала, изъ котораго состоитъ хранилище, хотя бы это похищеніе сопровождалось поврежденіемъ хранилища.

Дворянинъ Сергій Тыртовъ былъ преданъ суду за три кражи:

Первая кража совершена имъ еще во время его несовершеннолѣтія. Проживая въ 1846 г. въ Москвѣ у купца Сонтинна Кампіони, давшаго ему даровое пристанище изъ состраданія къ его бѣдности, Тыртовъ унесъ у сына Кампіони серебрянные карманные часы со стальною цѣпочкою; часы онъ продалъ мѣщанину Евдокиму Иванову, а цѣпочку затерялъ. — Потомъ онъ самъ явился къ Кампіону и признался ему въ преступленіи.

Часы, оцѣненные въ 10 руб., отобраны отъ Иванова и возвращены по принадлежности. Ивановъ отозвался, что онъ считалъ ихъ собственностью Тыртова, и представилъ росписку сего послѣдняго, въ которой Тыртовъ называетъ эти часы своими.

Вторая кража совершена послѣ достиженія Тыртовымъ совершеннолѣтія. 25 января 1849 г. Тыртовъ задержанъ въ Москвѣ полиціею съ похищенными изъ дома г. Новиковой 18 парами костылей и 30 мѣдными личинками, оторванными отъ дверей ея дома. При предварительномъ допросѣ, отобранномъ отъ него въ городской части, Тыртовъ признался, что похитилъ означенныя вещи съ тѣмъ, чтобы ихъ продать. Тоже показаніе онъ подтвердилъ сначала и при формальномъ слѣдствіи, но потомъ отозвалъ свое признаніе и заперся въ кражѣ, объясняя слѣдующимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія поимку его съ поличнымъ. По его словамъ, получивъ порученіе отъ мѣщанина Ивана Прянишникова осмотрѣть домъ Новиковой для найма квартиры какому то помѣщику, онъ посѣтилъ этотъ домъ и, условившись съ дворникомъ о цѣнѣ найма, позвратился въ лавку Прянишникова, который въ то время разбиралъ какіе то мѣдные костыли и личинки. Въ это время вошелъ будто бы какой-то неизвѣстный человекъ и, забравъ эти вещи, представилъ его, Тыртова, вмѣстѣ съ ними въ полицію, гдѣ частный приставъ заставилъ его посредствомъ угрозъ подписать, не читая, показаніе, содержащее признаніе въ кражѣ.

Въ доказательство чинимыхъ будто бы ему угрозъ, Тыртовъ ничего не представилъ.

Онъ былъ опознанъ дворникомъ дома Новиковой, какъ то самое лицо, которое осматривало этотъ домъ.

Костыли и личинки оцѣнены въ 1 р. 70 коп. сер.

Третья кража учинена Тыртовымъ въ Юль 1848 г.— Онъ сознался, что похитилъ у священника Ромодановскаго 5 мѣдныхъ ручекъ отъ дверей и 9 личинокъ. Онъ былъ пойманъ съ этими вещами, но мать его обязалась вознаграждать Ромодановскаго за убытки и послѣдній объявилъ, что онъ не желаетъ слѣдствія по сему предмету.

Правительствующій Сенатъ (1 отд. 6 департамента) призналъ Тыртова виновнымъ въ трехъ кражахъ, изъ коихъ каждая, по суммѣ похищенныхъ вещей, не превышаетъ 30 руб. За кражу, учиненную въ возрастѣ несовершеннолѣтнемъ, Тыртовъ подлежалъ бы, на основаніи 2159 и 146 ст. улож. и 1403 ст. XV т. св. зак. угол. по 12 продолженію, отдачѣ въ военную службу съ выслугою, но безъ лишенія правъ, а за кражи, произведенныя имъ по достиженіи совершеннолѣтія, по 2157 и 2159 ст. улож., подлежитъ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній кромѣ Сибирскихъ.— По совокупности преступленій, согласно 156 ст. улож., слѣдуетъ назначить ему послѣднее изъ означенныхъ наказаній, какъ строжайшее.

На этомъ основаніи Правительствующій Сенатъ положилъ: дворянина Тыртова, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему преимуществъ, сослать на житье въ Пермскую губернію, о чемъ, на основаніи 1308 ст. 6 прод. къ XV т., и поднести его императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ. Въ этомъ приговорѣ Правительствующаго Сената всѣ кражи Тыртова разсматривались, какъ простыя кражи безъ взлома.

Г. Министръ Юстиціи былъ того мнѣнія, что преступленіе Тыртова составляетъ взломъ, какъ по буквальному значенію сего слова, такъ и потому, что поврежденіе насильственными дѣйствіями наружныхъ частей, хранилищъ или входа въ зданіе, амбаръ или комнату и кладовую составляетъ само по себѣ преступленіе болѣе важное, нежели обыкновенное воровство вещи, которую можно взять или снять безъ поврежденія той вещи или того предмета, къ которымъ она придѣлана.— Имѣя въ виду важность сего вопроса, который долженъ неоднократно встрѣчаться и впослѣдствіи, г. Министръ препроводилъ приговоръ Сената на заключеніе къ Главноуправляющему II отдѣленіемъ Собственной его императорскаго величества канцеляріи.

Главноуправляющій полагалъ, что при положительномъ опредѣленіи взлома въ ст. 2149 и 2150 улож. и по общимъ понятіямъ о семъ дѣйствіи, нельзя назвать взломомъ какое либо дѣяніе, кромѣ означенныхъ въ сихъ статьяхъ, именно въ такихъ случаяхъ, когда хранилище денегъ, бумагъ или вещей взломано или испорчено тѣмъ или инымъ образомъ для того, чтобы проникнуть во внутренность онаго и похитить въ немъ находившееся; оторваніе же или отломаніе чего-либо, учиненное собственно для похищенія сей вещи, принадлежитъ къ обыкновенной кражѣ (улож. о нак. ст. 2159); употребленное же при настоящемъ случаѣ насильственное дѣйствіе и вредъ, симъ причиненный, должны быть признаны особенными увеличивающими вину обстоятельствами и могутъ быть поводомъ къ возвышенію наказанія на основаніи пунктовъ 5 и 9 статьи 135 уложенія. Близкая къ подобному заключенію мысль выражена въ ст. 1427. Въ ней за кражу вещей, входящихъ въ составъ дорогъ и мостовъ, вещей, которыя также не иначе могутъ быть похищены, какъ насильственными дѣйствіями и поврежденіемъ, иногда болѣе самыхъ украденныхъ вещей важнымъ, опредѣлена лишь высшая мѣра наказаній, положенныхъ за обыкновенную кражу.

Государственный Совѣтъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, признавъ дворянина Тыртова виновнымъ въ трехъ кражахъ, принялъ на видъ употребленное имъ особенное усиліе для отстраненія препятствій къ одной изъ означенныхъ кражъ, причиненный имъ чрезъ то вредъ хозяйну украденныхъ вещей и совокупность его преступленій; а потому, руководствуясь 135 ст. (п. 5 и 9) и 156 ст. уложенія о наказаніяхъ, положилъ: сего подсудимаго, согласно съ приговоромъ Сената, на основаніи 2157 и 2159 статей, лишивъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Пермскую губернію.

Это мнѣніе удостоено Высочайшаго утвержденія 3 октября 1857 года.

III

Дѣло о баварскомъ подданномъ Деге, сужденномъ за передержательство крестьянки Арефьевой безъ паспорта и безъ объявленія полиціи и за ложныя при слѣдствіи показанія. — Ложное показаніе самаго подсудимаго не составляетъ отдельнаго преступленія, но лишь обстоятельство, увеличивающее его вину.

Къ балонному мастеру баварскому подданному Филиппу Деге отдана была 19 Мая 1847 г. въ ученье 10 лѣтняя крестьянская дѣвочка Софья Арефьева и пребыла у него по 13 Сентября 1850 года.

Деге не объявилъ ни о прибытіи, ни о проживаніи у него Арефьевой ни владѣлицѣ дома, въ которомъ онъ квартировалъ, Мѣдниковой, ни полиціи. — При слѣдствіи онъ первонач-

чально отозвался, что не исполнилъ закономъ предписаннаго порядка потому, что повѣренный помѣщика Коковцова, которому принадлежала Арефьева, отдавши ему Арефьеву, не заключивши съ нимъ, Деге, контракта и не снабдивши Арефьеву паспортомъ, уѣхалъ изъ С. Петербурга.

Потомъ, когда матерью Арефьевой представлена была къ дѣлу копія съ контракта съ повѣреннымъ Коковцова, подписанная самимъ Деге, тогда сей послѣдній показалъ, что не помнитъ, гдѣ находится подлинный контрактъ, котораго онъ не представлялъ къ засвидѣтельствуванію въ ремесленную управу, потому что держать у себя Арефьевой не хотѣлъ по неспособности ея къ работѣ.

С.-Петербургскій надворный уголовный судъ, признавъ Деге виновнымъ: 1) въ передержательствѣ дѣвочки Арефьевой безъ паспорта и объявленія полиціи съ 25 мая 1847 г. по 13 сентября 1850 г.; 2) въ ложномъ при слѣдствіи безъ присяги показаніи, приговорилъ его, по совокупности преступлений, на основаніи 156, 1169 и 1193 статей улож., къ строжайшему изъ наказаній, положенныхъ за эти преступленія, а именно къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ, назначенному за ложныя показанія предъ судомъ.

За неявкою Деге въ установленный срокъ къ выслушанію сего рѣшенія, оно вступило въ законную силу и приведено въ исполненіе. Деге посаженъ въ срочную тюрьму 21 февраля 1853 года.

Между тѣмъ за Деге вступился баварскій посланникъ графъ Брэ, который обратился съ ходатайствомъ къ Министру Юстиціи о смягченіи наказанія во вниманіе къ бѣдному положенію семейства Деге, лишившагося чрезъ его тюремное заключеніе единственнаго средства къ существованію.

Министръ Юстиціи, разсмотрѣвъ подлинное дѣло, нашель, что приговоръ, по коему подсудимый подвергся наказанію, ос-

пованъ на существующемъ законѣ, по такъ какъ главную вину подсудимаго составляло передержательство, за которое онъ подлежалъ только денежному взысканію, то его не слѣдовало подвергать за ложное показаніе высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленной за сей проступокъ.

Имѣя въ виду, что Деге содержится въ тюрьмѣ уже два мѣсяца, г. Министръ утруждалъ его императорское величество всеподданѣйшимъ ходатайствомъ объ освобожденіи Деге изъ заключенія.

Это ходатайство удостоено Высочайшаго соизволенія на освобожденіе Деге изъ тюрьмы.

Въ отвращеніе на будущее время случаевъ неправильнаго примѣненія 1169 ст. улож. къ подсудимымъ, Министръ Юстиціи циркуляромъ 18 іюня 1853 г. № 12683 поставилъ въ извѣстность оберъ прокуроровъ уголовныхъ департаментовъ, губернскихъ и областныхъ прокуроровъ о томъ, что ложное предъ судомъ показаніе самаго подсудимаго не составляетъ отдѣльнаго преступленія, но лишь обстоятельство, увеличивающее, согласно 10 п. 135 ст. улож., вину его.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Процессъ объ убійствѣ 65-ти лѣтней женщины въ общинѣ Нейллы.

Въ августъ сего года на Сенскихъ ассизахъ обсуждалось дѣло объ убійствѣ вдовы Гиньо.

По обстоятельствамъ, обнаруженнымъ при слѣдствіи, подозрѣніе въ этомъ убійствѣ пало на Амелина, извозчика 34 лѣтъ, проживающаго въ деревнѣ Леваллуа, въ общинѣ Нейллы. Подсудимый женатъ, имѣетъ дѣтей и въ прежней его жизни нѣтъ ничего предосудительнаго.

Амелинъ очень маленькаго роста. Выраженіе его физиономіи энергическое, нерѣдко встрѣчающееся у людей рабочаго класса. Глаза его живы, но не имѣютъ въ себѣ ничего особенно страшнаго, у него яркій цвѣтъ лица и густые черные усы. На немъ надѣта блуза, вѣроятно рабочая, потому что она очень грязна; ему не позволили ее переѣмнить во время его арестованія.

На столѣ суда лежитъ камень, который былъ подложенъ подъ тѣло несчастной жертвы, въ то время, какъ она подверглась безчестию, предшествовавшему или сопровождавшему смерть, женское платье, мужская рубашка и дождевой зонтикъ.

Засѣданіе открыто было чтеніемъ обвинительнаго акта, слѣдующаго содержания:

«23 минувшаго апрѣля, около 5 часовъ утра, полицейскій комиссаръ въ Нейлльи былъ извѣщенъ, что женскій трупъ усмотрѣнъ среди чащи деревьевъ на пересеченіи бульвара Евгенія съ улицей Делеземавъ.

«Мѣсто это огорожено изгородью, вышиною въ одинъ метръ и 15 центиметровъ (*), и такъ какъ деревья въ это время года еще не покрыты листьями, то нѣчто въ родѣ прогалины дало возможность землекопу работнику, по имени Ришару, проходившему по бульвару Евгенія, замѣтить одну изъ ногъ трупа, лежавшаго на землѣ. Ришаръ немедленно увѣдомилъ Гомб, сторожа, состоящаго на службѣ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ; почти въ тоже время какой то неизвѣстный вошелъ въ кабакъ Лами, виноторговца, въ улицѣ Тернь, и также объявилъ о трупѣ, усмотрѣнномъ въ оградѣ.»

«Лами прибѣжалъ на мѣсто происшествія, гдѣ уже находились Гомб и кто-то другой, извѣстившіе полицейскаго комиссара.»

«Первоначальный осмотръ, произведенный полицейскимъ чиновникомъ, обнаружилъ цѣлый рядъ фактовъ, требующихъ точнаго опредѣленія.»

«Трупъ лежалъ навзничъ и подъ поясницей подложенъ былъ камень, толщиною въ 15 центиметровъ (*), такъ что въ этомъ мѣстѣ трупъ былъ приподнятъ надъ землею.»

«Въ такомъ положеніи трупа не было ничего случайнаго: сторожъ Гомб объяснилъ, что незадолго передъ тѣмъ, онъ самъ положилъ этотъ камень близъ изгороди, идущей вдоль бульвара Евгенія въ 30 метрахъ (**), отъ того мѣста, гдѣ камень

(*) Метръ равняется приблизительно полутора аршинамъ, а центиметръ, т. е. сотая часть метра, четверти вершка; стало быть изгородь была вышиною около аршина и трехъ четвертей.

(*) Около четырехъ вершковъ.

(**) Около семи сажень.

былъ найденъ. Такимъ образомъ камень былъ принесенъ и положенъ подъ трупъ, съ цѣлью, которую послѣдующія обстоятельства не замедлили обнаружить.»

«Одежда жертвы была разорвана, измарана грязью и кровью, передъ камнемъ лежалъ салопъ, который, какъ видно, былъ измятъ и также испачканъ грязью и кровью. На пѣкоторыхъ частяхъ тѣла, какъ то: шеѣ, лицѣ, рукахъ были очевидные знаки насилія, которому подверглась несчастная женщина. Вокругъ трупа, трава газона была примята и широкой слѣдъ видѣлся по травѣ; слѣдъ этотъ показывалъ, что трупъ тащили къ тому мѣсту, гдѣ онъ найденъ, отъ изгороди, идущей мимо улицы Делеземанъ. Дѣйствительно, при осмотрѣ изгороди оказалось, что въ одномъ мѣстѣ многія изъ планокъ, составляющихъ изгородь, были недавно изломаны въ верхней ихъ части. На концѣ одной изъ нихъ найдено было нѣсколько волосъ, вырванныхъ у жертвы. Внутри ограды, подъ изгородью, найдены въ травѣ, хотя и высокой, но примятой, гребень и чешчикъ.»

«Съ внѣшней стороны ограды на тротуарѣ улицъ Делеземанъ видѣлись слѣды ступней въ двухъ мѣстахъ не далеко другъ отъ друга. Такимъ образомъ ясно, что на улицѣ происходила борьба, что трупъ съ большимъ трудомъ былъ перетащенъ черезъ изгородь, что его волокли вѣроятно за ноги, какъ то показываютъ знаки, оставшіеся на поясищѣ до того мѣста, гдѣ совершенно было преступленіе. По визитной карточкѣ, найденной между одеждою, оказалось что это былъ трупъ Гиньо (quignot), сидѣлки, живущей въ Нейллы.»

«Для полноты и большей ясности необходимо привести здѣсь заключительные пункты рапорта, составленнаго докторомъ, вскрывавшимъ трупъ. Этому доктору было равнымъ образомъ поручено или розыскать причины смерти, или же въ послѣдовательности судебно-медицинскихъ положеній, возстановить обстоятельства, при коихъ совершенно было

преступленіе. Означенныя заключенія такъ точны, что не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія:

1., Вдова Гиньо сдѣлалась жертвою насилія, еще будучи живою, но уже послѣ того, какъ она подверглась побоямъ и послѣ того, какъ ее волокли по землѣ въ безчувственномъ состояніи.

2., Удары были нанесены въ голову и въ лицо. Крикамъ воспренятствовало сильное сжатіе рта и ноздрей; сопротивленіе парализовано обморокомъ, послѣдовавшимъ отъ нанесенныхъ ранъ и неподвижности рукъ, крѣпко сдержанныхъ.

3., Г-жа Гиньо была наконецъ задушена сжатіемъ рукъ вокругъ шеи.»

«Другой рапортъ о произведенномъ осмотрѣ одежды Гиньо показываетъ, что на двухъ юбкахъ, бывшихъ на ней во время совершенія преступленія, оказались пятна особаго свойства, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ совершеніи насилія».

«Ничто, казалось, не обнаруживало преступника; записная книжка, въ одинъ листокъ, на которомъ написано было: «Адольфъ», найдена на тротуарѣ улицы Делезманъ, подлѣ изломанныхъ планокъ изгороди; обстоятельство это могло бы отнравить подозрѣніе, но нѣсколько циническихъ словъ, сказанныхъ Амелиномъ, обратили на него вниманіе, и онъ былъ подвергнутъ допросу. Его затрудненіе въ дачѣ отвѣтовъ, его колебаніе, послѣдствія произведеннаго въ жилищѣ его обыска, а вскорѣ и многіе другіе весьма важныя факты, не замедлили послужить доказательствомъ его виновности».

«Амелинъ проживалъ съ женою и дѣтьми въ деревнѣ Леваллуа. Онъ занимался въ качествѣ извозчика въ заведеніи г. Розэ, въ улицѣ du Chateau въ Нейлльи».

«По слѣдствію обнаружено, что 23-го апрѣля около 4-хъ часовъ утра во время пребыванія Амелина съ прочими работниками въ конюшнѣ, гдѣ они занимались чисткою лоша-

дей, онъ сказалъ имъ, что, проходя наканунѣ вечеромъ по улицѣ Делеземанъ, видѣлъ женщину, лежавшую, какъ казалось, въ пьяномъ видѣ, на тротуарѣ; у нея были, добавилъ онъ, славныя ляшки и хорошіе бѣлые чулки».

«Приведенный полицейскимъ комиссаромъ на мѣсто преступления, Амелинъ остановился именно у того мѣста изгороди, гдѣ были изломаны планки, и когда ему выразили удивленіе на счетъ точности, съ которою сдѣлано показаніе, то онъ объяснилъ, что узнаетъ мѣсто по фонарю, находящемуся неподалеку оттуда; между тѣмъ оказалось, что фонарь этотъ не былъ зажегъ вечеромъ 22 апрѣля, и не могъ слѣдовательно освѣщать сцену, при которой, по показанію Амелина, ему случилось присутствовать».

«Тогда только Амелинъ впервые объявлялъ, что онъ нашелъ и отнесъ домой дождевой зонтикъ, попавшійся ему подъ ноги въ улицѣ Делеземанъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ женщины, лежавшей на тротуарѣ. При обыскѣ, тотчасъ же произведенномъ въ квартирѣ Амелина, оказалось, что зонтикъ былъ спрятанъ въ шкафу и прикрытъ большимъ количествомъ бѣлья. Когда зонтикъ открыли, то вынала на полъ пара перчатокъ, находившаяся между складками матеріи; по слѣдствію доказано, что зонтикъ и перчатки принадлежатъ Гиньо; дочь ея, Дальмонъ, узнала эти вещи».

«Означенныя обстоятельства, по важности ихъ, вызвали заарестованіе Амелина. Засимъ слѣдователямъ предстояло розыскать, какъ провели время подсудимый и Гиньо вечеромъ 22 апрѣля и опредѣлить часъ и мѣсто, когда убійца и жертва его должны были встрѣтиться».

«Относительно мѣста, сомнѣніе невозможно».

«Гиньо обѣдала 22 апрѣля у Дальмонъ, живущей въ улицѣ Fontaine aux Thermes. Согласно показанію, данному Дальмонъ, 24 апрѣля, когда воспоминанія ея были конечно еще весьма точны и опредѣлительны, Гиньо отправилась домой

между половиною девятаго и девятью часами; отъ квартиры дочери до своего жилища она обыкновенно избирала кратчайшую дорогу по направленію къ улицѣ Делеземапъ; всего ей было около часа ходьбы».

«Амелинъ съ своей стороны провелъ вечеръ съ двумя своими товарищами въ кабакъ Андріе на площади Мэри въ Нейллы; чтобы дойти до своего дома, въ деревнѣ Леваллуа, Амелинъ долженъ былъ также встрѣтить на пути улицу Делеземапъ; онъ самъ сознается, что проходилъ этою дорогою, потому что въ этой улицѣ видѣлъ женщину, лежавшую на тротуарѣ, въ обнаженномъ видѣ, и еще потому, что именно въ этомъ мѣстѣ онъ нашёлъ, по собственному его показанію, зонтикъ».

«Означенныя мѣста послужили, слѣдовательно, театромъ преступленія: улица Делеземапъ, бульваръ Евгенія и ближайшія къ нимъ улицы Вилльеръ и Мэри проходятъ по землямъ, принадлежащимъ къ старому парку Нейллы; въ мѣстности этой нѣтъ никакихъ зданій, и улицы эти особенно, ночью, совершенно пустыньны».

«Относительно вопроса о времени совершенія преступленія, обстоятельства, обнаруженныя изслѣдованіемъ, не менѣе точны».

«Амелинъ вышелъ изъ кабака Андріе прежде 10 часовъ».

«Ни Андріе, ни прислужникъ Шанкъ не могли съ точностью опредѣлить времени выхода Амелина и его товарищей, потому что стѣнные часы, висѣвшіе въ общей залѣ, были испорчены. Однакоже, съ помощью воспоминаній Андріе и Шанка объ обстоятельствахъ повидимому пустыхъ, но оставшихся у нихъ въ памяти, они могли утвердительно показать, что не было 10 часовъ, когда Амелинъ вышелъ изъ кабака. Другой свидѣтель Розе, призванный Пикаромъ, бывший въ кабакъ вмѣстѣ съ Амелиномъ, показалъ, что онъ извѣялялъ желаніе уйти, говоря, что «скоро десять часовъ». И такъ, прежд-

де 10 часовъ Амелинъ, вышедши одинъ изъ дома Андриё, долженъ былъ проходить по улицѣ Делезманъ.»

«Посредствомъ разнообразныхъ опытовъ, слѣдователи имѣли возможность убѣдиться, что молодому и сильному мужчине, каковъ Амелинъ, достаточно 20 минутъ, чтобы идти съ площади Мэри до деревни Леваллуа. Между тѣмъ подсудимый пришелъ домой только послѣ десяти съ половиною часовъ, незадолго до 11 часовъ, если вѣрить показанію Делия, его шурина.»

«Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ около часа прошло между выходомъ Амелина изъ кабака и возвращеніемъ его домой, тогда какъ достаточно было употребить на этотъ переходъ и третью означеннаго времени.»

«Съ минуты нападенія, сдѣланнаго на вдову Гиньо и до послѣдовавшей затѣмъ смерти ея, послѣдовало нѣсколько обстоятельствъ, главныя черты коихъ слѣдователямъ удалось воспроизвести по показаніямъ свидѣтелей.»

«На вдову Гиньо сдѣлано было нападеніе, она была избита и повергнута на землю послѣ борьбы, слѣды коей хотя, и уничтоженные вскорѣ дождемъ, видны были еще въ 7 часовъ утра на тротуарѣ улицы Делезманъ; послѣ паденія, она еще была жива и лежала поперегъ тротуара, когда двое людей прошли мимо въ разное время. Сначала нѣкто Гиберъ, не много прежде 10 часовъ, какъ онъ полагаетъ; потомъ нѣкто Гюльденшу послѣ 10 часовъ; оба они видѣли, но каждый въ различномъ положеніи, тѣло, лежавшее на тротуарѣ. И тотъ и другой слышали стоны, видѣли блуждавшаго въ темнотѣ человѣка, котораго не могли вполне рассмотретьъ, слышали шумъ его шаговъ, испугались и поспѣшно удалились.»

«Если такимъ образомъ жертвѣ и были уже нанесены, во время ея защиты, удары, повергнушіе ее на землю и лишившіе ее чувствъ, то однакоже изнасилованіе не было еще совершено; оно произошло уже тогда, когда тѣло находилось

за изгородью внутри ограды; достаточнымъ тому доказательствомъ служатъ мѣры предосторожности, принятыя преступникомъ и положеніе трупа между деревьями».

«Въ показаніяхъ, данныхъ свидѣтелями о времени происшествія, не слѣдуетъ видѣть разнорѣчія, не смотря на невозможность, въ которой каждый изъ нихъ находился относительно точнаго опредѣленія времени того или другаго момента происшествія; они однакоже свидѣтельствуютъ по этому поводу объ обстоятельствахъ, которыя могли быть замѣчены въ одно и тоже время нѣсколькими лицами, указываютъ на опредѣлительныя, характеристическія подробности, дающія возможность возстановить одновременность фактовъ или же взаимную ихъ послѣдовательность. Такимъ образомъ, исправляется и пополняется все, что есть несовершеннаго въ показаніяхъ свидѣтелей по этому предмету».

«Ислѣдованіе обнаружилъ, что встрѣча произошла прежде того, какъ прошелъ свидѣтель Гюльденшу, бывшій въ 10-ть часовъ и 20 минутъ на улицѣ; время могло ему быть положительно извѣстно, такъ какъ онъ посмотрѣлъ тогда на часы; показаніе его согласуется съ показаніемъ Гибера, которое однакоже менѣе опредѣлительно, ибо у Гибера не было тѣхъ же причинъ, какъ у Гюльденшу къ утвердительному исполнѣнію показанію; но Гиберь, проходя по улицѣ Делеземапъ, слышалъ нѣнье нѣсколькихъ человекъ, шедшихъ по бульвару Евгенія и въ тоже время Андріё, запиравшій кабакъ, слышалъ тоже самое нѣнье, а за три четверти часа до того, по сѣтители, въ числѣ коихъ былъ и Амелинъ, вышли изъ кабака. И такъ, когда вдова Гиньо лежала на тротуарѣ, подсудимый давно уже вышелъ изъ кабака и встрѣча его съ нею должна была предшествовать и тому времени, на которое онъ самъ указываетъ, и тому времени, въ которое проходили свидѣтели. Показанія ихъ обнаруживаютъ присутствіе подсудимаго на мѣстѣ преступленія, когда и пустынность мѣста и темнота ночи благоприятствовали злодѣянію. Совершен-

нымъ въ семь отношеніи доказательствомъ служить невольное признаніе самаго подсудимаго. Онъ былъ къ тому выпужденъ и воспоминаніемъ о словахъ, произнесенныхъ имъ утромъ 23 апрѣля, и пайденымъ у него зонтикомъ. Онъ не иначе могъ объяснить все это, какъ признавшись, что онъ проходилъ по улицѣ Делеземапъ тогда, когда Гиньо лежала еще на тротуарѣ, и что онъ ее видѣлъ. Совершенное надъ вдовою Гиньо преступленіе представляется въ двухъ различныхъ фазахъ: борьба на улицѣ, изнасилованіе и убійство внутри ограды; трупъ не былъ еще переброшенъ черезъ заборъ, когда подсудимый его видѣлъ; тогда едва ли было 10 минутъ одиннадцатаго, а между тѣмъ Амелинъ пришелъ домой спустя послѣ того много времени, т. е. около 11 часовъ, и не былъ въ состояніи объяснить причины, почему онъ употребилъ болѣе часа на путь, который можно сдѣлать въ 20 минутъ. Всѣ эти обстоятельства, взятая вмѣстѣ, приводятъ къ заключенію, что Амелинъ дѣйствительно тотъ человѣкъ, который сторожилъ въ темнотѣ, когда Гиберъ и Гюльденшу проходили по улицѣ Делеземапъ, слѣдилъ отчасти за ними и послѣ ихъ удаленія возвратился, чтобы удовлетворить своей постыдной и преступной страсти надъ женщиною, находившеюся уже въ предсмертной агоніи».

«Независимо отъ вышеизложеннаго, изслѣдованіе открыло и болѣе важныя улики. Очень часто дѣти вдовы Гиньо предостерегали ее на счетъ опасности, которой она подвергалась, проходя одна ночью пустыннымъ кварталомъ, гдѣ нельзя было ожидать помощи въ случаѣ нападенія. На предостереженія эти вдова Гиньо обыкновенно замѣчала, что ей будетъ легко защищаться, издарапавъ лица людей, которые бы на нее напали. Обстоятельство это заставило подвергнуть подсудимаго осмотру и на рукахъ его оказались какія-то язвы, которыя онъ приписывалъ то недавней подкожной сыпи, то обращенію съ хомутами; на нижней губѣ была царапина, происшедшая, по отзыву подсудимаго, будто бы отъ того, что на дняхъ онъ уку-

лозь себѣ губу вилкою. Наконецъ вокругъ глазъ у него были багровыя пятна, происхожденіе коихъ онъ объяснялъ тѣмъ, что ему надуло вѣтромъ въ глаза; всѣ эти объясненія опровергнуты заключеніемъ докторовъ».

«И такъ, жертва еще старалась защищаться. Все показывало энергическое съ ея стороны сопротивленіе. Предсказаніе дѣтей Гипно, собственное ея предчувствіе осуществились. Подвергшись нападенію, она защищалась ногтями и кулаками, и убійца ея носитъ на себѣ кровавые знаки этого сопротивленія».

«Это еще не всё: съ самаго начала Амелинъ утверждалъ, что онъ не мѣнялъ бѣлья съ 22-го апрѣля, и что на немъ, при взятіи его подъ стражу, была таже рубашка, какъ и въ воскресенье. Между тѣмъ на квартирѣ Амелина взята была слѣдователями рубашка, которая, по показанію жены его, именно была на немъ въ воскресенье вечеромъ, и которую онъ смѣнялъ только въ понедѣльникъ. На одной изъ полъ рубашки и на обѣихъ обшивкахъ рукавовъ находится много кровавыхъ пятенъ. Побуждаемый слѣдователями къ объясненію причины лживаго своего показанія, Амелинъ отвѣчалъ только общими увѣреніями въ своей невинности, что между прочимъ составляетъ главную его систему защиты. Во время слѣдствія онъ постоянно противопоставлялъ фактамъ вполне доказаннымъ или отрицаніе, или противурѣчащія одно другому показанія,—стараясь избѣгать всякаго прямого и точнаго объясненія восклицаніями и жалобами».

«Таковы обстоятельства, обнаруженные изслѣдованіемъ. Они служатъ достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію Амелина въ совершеніи тройнаго преступленія: извасилованія, убійства и воровства, въ чемъ онъ и долженъ отвѣчать предъ судомъ».

По прочтеніи обвинительнаго акта, президентъ приступилъ къ допросу подсудимаго и свидѣтелей.

Подсудимый Амелинъ, на обычные вопросы объ имени-лѣтахъ и званіи, между прочимъ объяснилъ, что онъ женатъ уже одиннадцать съ половиною лѣтъ, имѣеть двухъ дѣтей и жена его беременна третьимъ.

През. У кого были вы извозчикомъ? *Амелинъ.* У г-на Розе, подлѣ дома мэра въ Саблонвиллѣ.

Воп. Въ которомъ часу уходите вы утромъ на работу?

Отв. Въ четыре часа и возвращаюсь домой въ 8 часовъ вечера.

Воп. По какой дорогѣ ходите вы на работу? *Отв.* Я иду по улицѣ Дюбуа, по улицѣ Делеземанъ и по бульвару Евгенія.

Воп. Вы возвращаетесь вѣроятно по той же дорогѣ. Въ воскресенье 22 апрѣля, въ день преступленія, вы были въ кабацѣ у Андріе вмѣстѣ съ Пикаромъ и Моро? *Отв.* Да.

Воп. Были-ли вы тогда навеселѣ? *Отв.* Нѣтъ, г. президентъ.

Воп. Въ которомъ часу вышли вы изъ кабака? *Отв.* За нѣсколько минутъ до 10 часовъ.

Воп. Что случилось съ вами на дорогѣ? *Отв.* Я видѣлъ въ улицѣ Делеземанъ женщину, лежавшую на тротуарѣ.

Воп. Сколько времени надо было вамъ, чтобы дойти отъ Андріе до того мѣста, гдѣ лежала эта женщина? *Отв.* Не могу навѣрное сказать. Чтобы дойти до дому мнѣ надо около получаса.

Воп. Прежде вы говорили, что вамъ на это надо 20 минутъ; другіе свидѣтели показываютъ еще и того меньше. Мы обращались за справкою по сему предмету въ управленіе путей сообщенія; оно сообщило намъ, что означенное разстояние равняется 1600 метрамъ (*), и чтобы пройти его, надо употребить 15 минутъ; если идти скоро, то достаточно и 12 минутъ. Вы были недалеко отъ истины, сказавъ, что вы про-

---

(*) Около версты съ четвертью.

ходите это пространство въ 20 минутъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вамъ достаточно было 5 или 6 минутъ, чтобы дойти отъ дома мэра до того мѣста въ улицѣ Делеземапъ, гдѣ лежала женщина. Въ какомъ положеніи она лежала? *Отв.* Она лежала на тротуарѣ съ правой стороны, вдоль тротуара, головой по направленію къ бульвару Евгенія.

Воп. Что же вы замѣтили особеннаго? *Отв.* Юбки ея были подняты до пояса.

Воп. Остановивались-ли вы? *Отв.* На полъ-секунды.

Воп. Вы не опустили юбокъ? *Отв.* Нѣтъ я ни до чего не дотрогивался.

Воп. Какое впечатлѣніе произвела на васъ эта встрѣча? *Отв.* Я просто подумалъ, что это женщина дурнаго поведенія, что она пьяна, и что мужчина, вѣроятно бывшій съ нею, убѣжалъ при моемъ приближеніи.

Воп. Вы и не подозрѣвали, что тутъ можетъ крыться преступленіе? *Отв.* О, нисколько!

Воп. Что же еще замѣтили вы? *Отв.* Въ 50 или 60 шагахъ отъ того мѣста я увидалъ зонтикъ и поднялъ пару перчатокъ, попавшихся мнѣ подъ ноги.

Воп. Ночь была такъ темна, что другіе свидѣтели не могли разглядѣть, лежалъ ли на тротуарѣ мужчина или женщина. Послѣ этого странно, какъ вы могли найти перчатки? *Отв.* Я споткнулся на зонтикъ.

Воп. Сначала вы утверждали, что нашли только зонтикъ. Надо замѣтить, что перчатки были испачканы и на концѣ пальцевъ была земля. Вы говорили, въ началѣ слѣдствія, что вамъ свѣтилъ фонарь? *Отв.* Нѣтъ, не то, я говорилъ только, что узналъ мѣсто по фонарю.

Воп. Вы говорили, что онъ вамъ свѣтилъ и это оказалось неправда. Въ которомъ часу возвратились вы домой?

Отв. Въ десять съ половиною часовъ.

Воп. Вы сами прежде говорили, что безъ четверти въ одиннадцать. Шуринъ вашъ, бывшій въ то время у васъ на

квартирѣ, показываетъ, что вы возвратились въ 11 часовъ; правда, другой свидѣтель показалъ, что было только половина одиннадцатаго; во всякомъ случаѣ вамъ на дорогу надо было употребить не болѣе 15 минутъ, а вы пробыли въ дорогѣ болѣе получаса, гдѣ же были и что вы дѣлали? *Отв.* Я не тратилъ въ дорогѣ времени по пустому. Возвратившись домой, я отдалъ женѣ и зонтикъ и перчатки.

Воп. И вы ей ничего не сказали о странной встрѣчѣ?
Отв. Мнѣ тогда это не пришло въ голову.

Воп. Молчаніе ваше вы объясняли прежде осторожностью, опасеніемъ, чтобы съ женою вашею не сдѣлалось нервическаго припадка. *Отв.* Это правда.

Воп. Тѣмъ не менѣе это странно. Спрашивается: была ли у васъ тогда чиста совѣсть и были ли вы спокойны духомъ. Разказомъ о пьяной женщинѣ, вы не могли такъ сильно испугать жену? На другой день вы были менѣе скромны. Жена ваша услышала о преступленіи, вся община о томъ говорила, и тогда только вы разказали ей о вашей вчерашней встрѣчѣ. *Отв.* Да.

Воп. Жена уличаетъ васъ во лжи и говоритъ, что она первая вамъ о томъ сказала, а вы отвѣчали ей: это удивительно, я ничего объ этомъ не знаю. *Отв.* Я дѣйствительно не зналъ, что тутъ было преступленіе.

Воп. Жена сказала вамъ кромѣ того, что можетъ быть принесенный вами зонтикъ принадлежалъ убитой женщинѣ. Молчаніе ваше тѣмъ менѣе можетъ быть объяснено, что въ теченіе дня вы разказывали товарищамъ о вашей встрѣчѣ. Что именно говорили вы имъ? *Отв.* Я сказалъ имъ, что у меня была пресмѣшная встрѣча.

Воп. Вы употребили тогда другія выраженія; отчего не передали вы найденныя вещи полицейскому комиссару? *Отв.* Мнѣ надо было рано уйти на работу.

Воп. Жена ваша могла исполнить это. До обвиненія вы говорили только о зонтикѣ. Когда полицейскій комиссаръ нашель у васъ и перчатки, то на вопросъ его, откуда вы ихъ взяли? вы отвѣчали ему: почему же мнѣ знать, я ихъ никогда не видалъ. *Отв.* Да, я это сказалъ, я тогда совсѣмъ позабылъ о перчаткахъ.

Воп. Слѣдствіе обнаруживаетъ и другое противорѣчіе въ вашихъ отвѣтахъ. Такъ вы говорили, что въ понедѣльникъ на васъ было тоже бѣлье, какъ и въ воскресенье. *Отв.* Да, я не перемѣнялъ бѣлья.

Воп. Жена ваша напротивъ того показываетъ, что вы перемѣнили бѣлье именно въ понедѣльникъ.

По приказанію президента, подсудимому показываютъ рубашку, которую онъ однако же не признаетъ за свою.

Подсудимый. Я перемѣнилъ бѣлье въ воскресенье въ 5 часовъ вечера.

Воп. Когда васъ арестовали, то на рукахъ, губахъ и около глазъ у васъ были знаки? *Отв.* Руки я оцарапалъ о хомутъ, а губу укололъ вилокъ, потому что товарищъ толкнулъ меня подъ руку въ кабакъ.

Воп. Глаза ваши казались подбитыми и пятна сдѣлались явственнѣе именно спустя два или три дня послѣ вашего ареста; по этому поводу докторъ объяснилъ, что ударъ, нанесенный кулакомъ въ лицо, оставляетъ знакъ, который темнѣетъ по прошествіи двухъ или трехъ дней. Даже самый камень, найденный подъ трупомъ, свидѣтельствуетъ противу васъ; вы каждый день проходили и проѣзжали по этой дорогѣ; вы могли замѣтить камень и слѣдовательно знали, гдѣ его найти.

Окончивъ этимъ допросъ подсудимаго, президентъ замѣтилъ, что при трупѣ не оказалось нѣкоторыхъ вещей, какъ-то: маленькаго крестика, медали, медальона и шелковаго кошелька; между тѣмъ означенныя вещи были у Гиньо, когда она ухо-

дила отъ дочери. Допрошенные затѣмъ свидѣтели показали.

Галле, полицейскій комиссаръ въ Нейлльи. Я узналъ, что одинъ изъ спрошенныхъ при началѣ слѣдствія свидѣтелей вель себя очень странно; свидѣтель этотъ является теперь предъ вами подсудимымъ. Его циническіе рассказы слишкомъ ясно противурѣчили съ волпениемъ и горестью, возбужденными происшествіемъ въ другихъ жителяхъ Нейлльи. Явившись на мое требованіе, онъ сказалъ мнѣ: вы позвали меня, вѣроятно, по поводу зонтика. Подсудимый въ началѣ былъ довольно самоувѣренъ, но самоувѣренность эта значительно уменьшилась, когда приступили къ осмотру на мѣстѣ, и къ обыску его жилища. Я повелъ его на мѣсто преступленія, и онъ мнѣ тотчасъ же сказалъ: «вотъ гдѣ лежала женщина». Почему же вамъ это такъ хорошо извѣстно? «Отъ того что тутъ есть фонарь».

Когда я нашелъ перчатки, то онъ сказалъ, что видитъ ихъ въ первый разъ, и дѣйствительно онъ до того времени ничего не говорилъ о нихъ.

Г. Клері, адвокатъ подсудимаго. Не думалъ ли г. полицейскій комиссаръ, что преступленіе могло быть совершено нѣсколькими лицами?

Полицейскій комиссаръ. Это правда, положеніе камня подъ трупомъ, перемѣщеніе трупа съ одного мѣста на другое, все это подало мнѣ сначала мысль, что въ совершеніи преступленія участвовало нѣсколько лицъ.

Президентъ. Это было не болѣе, какъ предположеніе; не надо имъ злоупотреблять въ судѣ. Какія же обстоятельства въ послѣдствіи подтвердили ваши предположенія и заключенія?

Полицейскій комиссаръ. Такихъ обстоятельствъ въ послѣдствіи не обнаружилось.

Г-жа Дальмонъ, дочь Гиньо, показываетъ, что мать ея нѣсколько разъ говорила, что въ случаѣ нападения или какого либо несчастія, она будетъ защищаться чѣмъ ни попало:

она была довольно сильная женщина и, конечно, защищалась.

През. Въ которомъ часу мать ваша ушла отъ васъ? *Свид.* Не могу опредѣлить времени въ точности. Помню только, что минутъ за 20-ть до ея ухода подали свѣчи. Мы сидѣли за картами и я зажгла свѣчи, что бы кончить партію. Она ушла, должно быть, между половиною девятого и девятью.

През. Она ушла тотчасъ по окончаніи партіи? *Свид.* Да, г. президентъ.

През. Должно заключить, что она была на мѣстѣ преступленія около четверти десятого, если только что нибудь ее задержало ее въ дорогѣ. Хорошо ли она себя чувствовала? *Свид.* Хорошо, г. президентъ.

През. Надо сознаться, что, не смотря на всѣ усилія, всегда очень трудно согласовать показанія о времени.

Президентъ, (обращаясь къ г. Дальмону, архитектору): «скажите, что вамъ извѣстно о привычкахъ вашей тещи?» *Свид.* Жена моя лучше ихъ знаетъ. Однажды между разговоромъ я сказалъ Гиньо: ну, а если бы на васъ напали, чтобы вы тогда сдѣлали? Что же такое, отвѣчала она, я буду защищаться зонтикомъ, руками, ногтями.

През. Не говорила ли она вамъ куда именно намѣрена направлять удары? *Свид.* Нѣтъ, она не опредѣлила мѣста, а говорила, что будетъ защищаться какъ ни попало.

През. Напротивъ она говорила, что будетъ стараться попасть въ лицо и въ глаза, и что всего лучше обезоружить человѣка, выцарапавъ ему глаза. *Свид.* Теща моя этого не говорила.

През. Но это написано въ подписанномъ вами показаніи. *Свид.* Можетъ быть оно и подписано мною, но я не могу признать, чтобы Гиньо мнѣ это говорила.

Гиберъ. Я дѣйствительно встрѣтилъ человѣка въ улицѣ Делезманъ около десяти часовъ, но не могъ хорошо его разглядѣть. Мнѣ показалось, что на немъ была синяя блуза не

много старая, или новая сѣрая блуза, ростомъ онъ былъ съ подсудимаго; но походка его, кажется мнѣ, была менѣе тяжела. Впрочемъ точно опредѣлить не могу.

Гольденшу. Въ день преступленія, я вышелъ около десяти минутъ одинадцатаго изъ дому, въ которомъ провелъ вечеръ; было двадцать минутъ одинадцатаго, когда я замѣтилъ на тротуарѣ человѣческое тѣло. Я не могъ различить, женщина ли это, или муштина; видѣлъ одни ноги, потому только и могъ заключить, что это было человѣческое тѣло.

През. Есть противурѣчїе въ показанїяхъ о времени. *Свид.* Я вышелъ изъ дому ровно въ десять минутъ одинадцатаго; часы въ томъ домѣ очень вѣрны.

Моро, извозчикъ у Розе. Мы были вечеромъ въ воскресенье въ кабацѣ у Андриѣ и оставались тамъ съ Пикаромъ послѣ Амелина, который ушелъ должно быть около 10 часовъ. На другой день Амелинъ сказалъ мнѣ: «у меня была пресмѣшная встрѣча, я видѣлъ женщину, лежавшую на тротуарѣ; на меня это сильно подѣйствовало, я убѣждалъ, не знаю, что съ нею такое случилось.»

Андриѣ, винный торговецъ въ Нейллы. Мнѣ говорили, что вечеромъ въ воскресенье подсудимый былъ въ моемъ заведенїи, но я его не видалъ; знаю только, что въ одинадцать часовъ всѣ уже ушли; даже не было одинадцати часовъ, когда они ушли.

Михаилъ Шантръ, рѣщикъ въ Парижѣ. Я, былъ въ заведенїи дяди моего Андриѣ; не могу ничего утверждать, но думаю, что подсудимый ушелъ между 9 и 10 часами.

През. Во всякомъ случаѣ онъ ушелъ прежде 10 часовъ, потому что вы показали, что слышали бой часовъ уже послѣ его ухода. *Свид.* Можетъ быть.

Вилларъ, башмачникъ. Я сидѣлъ у Амелинъ, когда мужъ ея пришелъ въ двадцать минутъ одинадцатаго, онъ сказалъ,

что нашелъ зонтикъ и показывалъ мнѣ его, говоря, что онъ похожъ на мой.

През. Почему вы знаете, что онъ пришелъ въ двадцать минутъ одиннадцатаго. *Свид.* Безъ четверти въ одиннадцать я зашелъ къ сосѣдкѣ Амелинѣ.

През. Вы стало быть постоянно смотрѣли на часы. *Свид.* Да мнѣ надо было попасть въ дилижансъ.

Генеральный адвокатъ Гелло. Свидѣтель, такъ положительно теперь показывающій, далъ при слѣдствіи показанія, совершенно отличныя отъ настоящихъ.

Демль, шуринъ подсудимаго. Я зашелъ вечеромъ повидаться съ моей сестрою, женою Амелина; она ожидала къ ужину мужа; онъ пришелъ только около одиннадцати часовъ и сказалъ намъ: «я нашелъ зонтикъ и пару перчатокъ.»

Клодъ, начальникъ охранительной полиціи даетъ объясненія на счетъ обыска, сдѣланнаго имъ въ жилищѣ подсудимаго, и отобранія рубашки, находящейся въ числѣ доказательствъ и подвергшейся различнаго рода изслѣдованіямъ. Рубашка эта, говоритъ онъ, была отдана ему женою Амелина, сказавшею при томъ, что это та самая рубашка, которую мужъ ея снялъ въ понедѣльникъ.

Клери. Надо было бы провѣрить мѣтку на рубашкѣ. Я получилъ сейчасъ во время засѣданія письмо, которымъ меня извѣщаютъ, что рубашка эта принадлежитъ не подсудимому, а нѣкому Михайлу Дегранжу.

Показаніе это подтверждаетъ воспоминанія жены Амелина, которая теперь положительно утверждаетъ, что мужъ ея перемѣнилъ бѣлье въ воскресенье, а не въ понедѣльникъ. Если на этой рубашкѣ вмѣсто заглавныхъ буквъ имени подсудимаго намѣчены буквы М. Д., т. е. Михайлъ Дегранжъ, то это послужило бы важнымъ объясненіемъ.

През. Письмо, полученное вами не подписано? *Клери.* Напротивъ, оно подписано свидѣтелемъ Мансономъ, спрошен-

нымъ при слѣдствіи. Я сообщилъ это письно г-ну генеральному адвокату.

Адвокатъ подсудимаго разсматриваетъ рубашку и показываетъ, что на ней намѣчены заглавныя буквы Михаила Деграджа, товарища Амелина, которому обыкновенно жена Амелина стирала и чинила бѣлье.

Луиза Демилъ, жена Амелина, пвевя 27 лѣтъ. Когда мужъ возвратился вечеромъ домой, то принесъ съ собою зонтикъ и пару перчатокъ, только что имъ найденные.

През. Въ которомъ это было часу? *Свид.* Между 10 и 11 часами, но ближе къ 10, чѣмъ къ одиннадцати.

През. Не казалась ли вамъ странною находка зонтика? *Свид.* Нисколько, пара перчатокъ меня болѣе удивила. На другой день я сказала мужу: «Развѣ ты не знаешь, что убили женщину, ну если найденный тобою зонтикъ, принадлежитъ ей? Этого еще только не доставало, отвѣчалъ онъ; если бы я это зналъ, то ни за что не поднял бы зонтика». Хорошенько припоминая все бывшее, я теперь увѣрена вполнѣ и клянусь, что мужъ мой перемѣнилъ бѣлье въ воскресенье; прежнее показаніе мое сдѣлано было къ несчастію по ошибкѣ. Сосѣдка припомнила мнѣ, что она видѣла, какъ мужъ мой ходилъ за углями передъ своимъ выходомъ изъ дому. На немъ была тогда чистая рубашка.

Къ тому же одно обстоятельство меня очень безпокоило; ко мнѣ пришли за рубашкой, я была очень взволнована. Двое вошедшихъ господъ попросили посмотрѣть рубашку моего мужа, я имъ ее показала. Одинъ изъ нихъ возвратился и сказалъ: отдайте мнѣ эту рубашку, она можетъ принести пользу вашему бѣдному мужу.

Президентъ. Конечно въ такомъ случаѣ можно много ожидать отъ женщины; но какъ же это случилось, что вы только теперь объ этомъ вспомнили? *Свидѣтель.* Я съ тѣхъ поръ не считала рубашки моего мужа и убѣдилась, что одной не достасть.

През. Какъ же къ вамъ попались рубашки Дегравжа?

Свид. У меня всегда его бѣлье, которое я мою и чиню.

Клери. Не жаловался ли подсудимый на болѣзнь глазъ въ продолженіе зимы?

Жена Амелина. Да, глаза у него почти постоянно болятъ; изъ нихъ течетъ мокрота и они очень впечатлительны.

През. Намъ глаза его кажутся совершенно здоровыми.

При окончаніи допросовъ, президентъ снова спросилъ полицейскаго комиссара, остается ли онъ при томъ убѣжденіи, что преступленіе должно было быть совершено по крайней мѣрѣ двумя лицами. Комиссаръ отвѣчалъ, что это было съ его стороны не болѣе какъ первоначальное предположеніе, которое положительно измѣнилось въ виду обстоятельствъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ.

Затѣмъ президентъ приказалъ показать подсудимому рубашку, которую онъ признаетъ за свою.

През. Вы признаете, что рубашка эта принадлежитъ вамъ; дѣйствительно она была на васъ, когда вы сидѣли въ тюрьмѣ, а между тѣмъ на мѣткѣ нѣтъ вашихъ заглавныхъ буквъ; она намѣчена буквами Р или Г. (г или g), смотря потому, съ какой стороны смотришь на букву. Надо заключить, что вы носили рубашки съ различными мѣтками.

Послѣ словесныхъ преній, присяжные удалились для совѣщанія и черезъ 25 минутъ вынесли приговоръ отрицательный по всемъ вопросамъ.

По объявленіи оправдательнаго приговора Амелинъ заплакалъ, жена его и шуринъ бросились къ нему на встрѣчу.

Въ журналѣ, изъ котораго мы заимствовали содержаніе вышеизложеннаго процесса, не помѣщены ни рѣчь генеральнаго адвоката, ни рѣчь защитника подсудимаго. Должно предполагать, что поводомъ къ тому послужили особыя обстоя-

тельства того преступленія, въ совершеніи коего обвинялся подсудимый. Во всякомъ случаѣ нельзя не сожалѣть объ этомъ, потому что, независимо отъ означенныхъ обстоятельствъ, настоящій процессъ представляется чрезвычайно интереснымъ въ томъ отношеніи, что подсудимый былъ оправданъ присяжными въ виду совокупности тяжкихъ уликъ, которыя, казалось, съ перваго взгляда, достаточны были къ его обвиненію. Ближайшее однакоже обсужденіе дѣла должно, по крайней мѣрѣ по нашему убѣжденію, привести къ признанію въ справедливости приговора; при чемъ нельзя не отдать должнаго уваженія той осторожности, съ которою поступили въ настоящемъ случаѣ присяжные, тѣмъ болѣе, что подобной осторожности едва ли можно было ожидать въ виду особаго негодованія, возбужденнаго въ обществѣ дѣйствительно возмутительнымъ преступленіемъ, подлежавшимъ обсужденію, и въ виду ловко составленнаго обвинительнаго акта.

Подсудимый рѣшительно не былъ въ состояніи объяснить, отчего онъ такъ долго шелъ изъ кабака Андріе до своего дома. Обстоятельство это представляется одною изъ главныхъ уликъ, свидѣтельствующихъ противу него; оно послужило основаніемъ въ обвинительномъ актѣ къ возсозданію всего хода преступленія. Надо отдать полную справедливость тому искусству, съ которымъ составленъ обвинительный актъ: обвинитель удачно воспользовался означеннымъ обстоятельствомъ, ловко свелъ показанія свидѣтелей о времени выхода Амелина изъ кабака и возвращенія его домой; тѣмъ не менѣе выводы его представляются слишкомъ смѣлыми, ибо едва ли можно взять на себя опредѣлить до малѣйшей точности фазы совершеннаго преступленія. Разрѣшеніе такой задачи едва-ли можетъ быть достигнуто съ надлежащимъ успѣхомъ. Если естествоиспытатель, по обломку найденной имъ кости, возсоздаетъ и рисуетъ нашему воображенію образъ допотопнаго животнаго, то обвинитель не всегда имѣетъ эту возможность относительно раз-

сма­три­вае­ма­го имъ прес­ту­п­ле­нiя; его по­пыт­ки воз­соз­дать пол­ную кар­ти­ну со­вер­ше­нiя прес­ту­п­ле­нiя бу­дутъ бол­ѣе или ме­н­ѣе удач­ны, но все такъ ос­та­нет­ся толь­ко по­пыт­ка­ми. Къ то­му же при же­ла­нiи во что­бы то ни ста­ло вос­про­из­ве­сти со­бы­тiе прес­ту­п­ле­нiя, лег­ко мож­но увле­чь­ся и дать про­сторъ про­из­воль­нымъ за­к­лю­че­нiямъ. На­сто­я­щiй об­вини­тель­ный актъ мож­етъ служ­ить то­му прим­ѣ­ромъ, а так­же и до­казатель­ствомъ не­удоб­ства то­го ха­рак­те­ра, ко­то­рый им­ѣ­ютъ акты эти во Фран­цiи. Не­удоб­ство это зам­ѣ­че­но было Мит­тер­май­е­ромъ, ко­то­рый объ об­вини­тель­номъ актѣ по дѣ­лу Ла­фаржъ го­во­ритъ, что это былъ та­кой актъ, въ ко­то­ромъ од­но­сто­рон­нiя по­ка­за­нiя по­верх­но­ст­но вы­слу­шан­ныхъ сви­дѣ­те­лей пред­став­ле­ны за пест­ну и фан­та­зiя про­ку­ро­ра ри­со­ва­ла се­бѣ, какъ мог­ло бы­ть со­вер­ше­но прес­ту­п­ле­нiе и это пред­став­ле­но какъ рѣ­шен­ная вещь. Дѣ­й­ствитель­но, не­льзя не со­г­ла­ситься, что по­доб­ныя про­из­воль­ныя за­к­лю­че­нiя бу­дутъ не­об­хо­ди­мымъ по­слѣд­ствiемъ то­го взгля­да на об­вини­тель­ный актъ, при су­ще­ст­во­ва­нiи ко­е­го фран­цуз­скiй про­ку­ро­ръ слиш­комъ сво­бод­но рас­по­ря­жа­ет­ся им­ѣ­ю­щим­ся у него подъ ру­кою ма­те­ри­аломъ, и не до­воль­ст­ву­ясь ро­лю до­клад­чи­ка, вно­ситъ въ актъ свои умо­за­к­лю­че­нiя (*).

Самъ пре­зи­дентъ въ на­сто­я­щемъ слу­чаѣ, не смот­ря на всѣ старанiя свои дос­ти­г­нуть при до­про­сѣ сви­дѣ­те­лей точ­ныхъ по­ка­за­нiй о вре­мени, соз­нал­ся на­ко­нецъ въ не­воз­мож­но­сти съ на­де­жа­щимъ успѣ­хомъ со­г­ла­со­вать озна­чен­ныя по­ка­за­нiя. Дѣ­й­ствитель­но, труд­но даже ожи­дать точ­на­го по­ка­за­нiя отъ сви­дѣ­те­ля, не им­ѣ­вша­го ни­ка­ко­го по­вода въ бо­ль­шей части слу­чаевъ точно замѣ­тить вре­мя, въ ко­то­рое слу­чи­лось то или дру­гое об­сто­я­тель­ство, по­лу­чив­шее ка­кое ли­бо зна­че­нiе толь­ко въ по­слѣд­ствiи въ от­но­ше­нiи со­вер­шен­на­го прес­ту­п­ле­нiя. Такъ, и въ на­сто­я­щемъ слу­чаѣ все ос­но­ва­но на нѣ­сколь­кихъ ми­ну­тахъ раз­ни­цы; сви­дѣ­

(*) Ж. М. Ю. № 9-и 1860 г. стр. 110 и 111.

тели совершенно бессознательно легко могли ошибиться, показывая нѣсколькими минутами позже или раньше, а между тѣмъ отъ подобнаго показанія зависить оправданіе или обвиненіе подсудимаго, для него важна каждая минута.

На основаніи такихъ разнорѣчивыхъ, по самой сущности своей показаній, мы полагаемъ невозможнымъ придти къ столь опредѣлительному, какъ то сдѣлано въ обвинительномъ актѣ, заключенію о моментѣ встрѣчи, происшедшей между убійцею и его жертвою; въ семъ отношеніи намъ представляются возможными лишь болѣе или менѣе справедливыя предположенія, недостаточныя однакожъ для составленія окончательнаго и полнаго убѣжденія о виновности подсудимаго.

Между тѣмъ въ обвинительномъ актѣ главнымъ образомъ и во всѣхъ подробностяхъ развито заключеніе о томъ, какъ совершено было преступленіе. Основаніемъ въ возсозданію этаго событія послужили показанія свидѣтелей, проходившихъ по улицѣ, бывшей мѣстомъ преступленія, а равно и свидѣтелей, оставшихся въ кабацѣ Андріе по удаленіи подсудимаго.

Взаимное сопоставленіе этихъ показаній приводитъ обвинителя къ положительному заключенію о томъ, что Амелинъ необходимо долженъ былъ встрѣтиться со вдовою Гиньо и что Амелинъ былъ тотъ самый человѣкъ, котораго замѣтили въ темнотѣ ночи проходившіе по улицѣ люди въ то время, какъ какая-то женщина лежала на тротуарѣ.

Что Амелинъ встрѣтился со вдовою Гиньо, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду собственнаго его о томъ показанія; но отъ этаго факта до заключенія о совершеніи Амелиномъ преступленія еще весьма далеко; одно не истекаетъ изъ другаго, и потому мы повторяемъ, что не можемъ не признать слишкомъ смѣлыми заключеній обвинительнаго акта о томъ, что человѣкъ, котораго видѣли проходившіе, былъ никто другой, какъ Амелинъ. Возводить подобное предположеніе въ заключеніе было бы слишкомъ опаснымъ.

Конечно, дальнѣйшія обстоятельства могли подтвердить означенное предположеніе, но мы не видимъ, чтобы обстоятельствамъ, которыя дѣйствительно могли служить къ обнаруженію виновности подсудимаго, было дано надлежащее развитіе, хотя и самый обвинительный актъ не отвергаетъ ихъ огромнаго значенія.

Къ такимъ обстоятельствамъ должны быть по всей справедливости причислены пятна и царапины на лицѣ и рукахъ подсудимаго. Между тѣмъ, ни при изслѣдованіи, ни при допросѣ не было обращено на означенныя пятна и царапины надлежащаго вниманія. О происхожденіи этихъ пятенъ и царапинъ не были допрошены лица, бывшія въ частыхъ сношеніяхъ съ подсудимымъ, и осталось не разслѣдованнымъ, напримеръ, то, были-ли у подсудимаго пятна подъ глазами до дня, въ который совершено было преступленіе или только послѣ того и когда именно знаки эти появились; при допросѣ подсудимаго и свидѣтелей, президентъ почти исключительно останавливался на объясненіи обстоятельствъ, касавшихся предположенія о встрѣчѣ подсудимаго со вдовою Гиньо и образѣ совершенія преступленія; о пятнахъ и знакахъ упомянуто было при допросѣ лишь вскользь, тогда какъ обстоятельства эти представлялись существенно важными при намѣреніи вдовы Гиньо защищаться кулаками и ногтями и въ виду заключеній доктора о происхожденіи пятенъ подъ глазами подсудимаго отъ ударовъ, такъ что при настоящемъ положеніи дѣла нельзя придти къ полному заключенію о происхожденіи знаковъ, тогда какъ при надлежащемъ разслѣдованіи обстоятельство это могло бы повести къ положительному заключенію и служить весьма сильною уликою.

Если необъясненное Амелинымъ долгое отсутствіе его, знаки и пятна на лицѣ, сокрытіе найденнаго зонтика, и указаніе полицейскому комиссару того именно мѣста, гдѣ лежала женщина, навлекали на Амелина подозрѣніе, то подозрѣніе это еще болѣе усиливалось представленною въ судъ ру-

башкою подсудимаго, бывшею на немъ въ день преступленія. На основаніи заключенія экспертовъ, производившихъ химическій анализъ пятенъ, бывшихъ на рубашкѣ, и при совокупности всѣхъ прочихъ уликъ, казалось надлежало признать Амелина виновнымъ въ совершеніи ужаснаго злодѣянія, въ которомъ его обвиняли.—Но съ той минуты, какъ адвокатъ объявилъ, что рубашка не принадлежитъ подсудимому, дѣло приняло иной оборотъ. Насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ, имѣющимся въ журналѣ, изъ коего мы заимствуемъ настоящій процессъ, обстоятельство это произвело сильное впечатлѣніе на публику и на присяжныхъ, такъ что даже генеральный адвокатъ въ рѣчи своей упрекалъ защитника подсудимаго за то, что онъ придалъ этому обстоятельству излишнюю торжественность и неумѣстную театральность, не заявивъ о томъ заранѣе, а оставивъ съ намѣреніемъ это открытіе до самаго окончанія допроса.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно соглашаемся съ мнѣніемъ генеральнаго адвоката тѣмъ болѣе, что, по нашему убѣжденію, означенное открытіе не имѣло столь важнаго значенія, и могло только повести, какъ вновь открывшееся обстоятельство, къ дальнѣйшему онаго разслѣдованію.

Чужая мѣтка на запачканной рубашкѣ не уничтожила еще возможности, что бы рубашка эта была на Амелинѣ въ день совершенія преступленія; въ тюрьмѣ на немъ была также рубашка съ чужою мѣткою, чего онъ и самъ не отвергаетъ, но во всякомъ случаѣ запачканная рубашка, пятна коей оказались столь подозрительными, должна была принадлежать или Амелину или его товарищу; между тѣмъ обстоятельство это при настоящемъ положеніи дѣла остается совершенно не объясненнымъ; даже не было положительно выяснено, когда подсудимый перемѣнилъ бѣлье: до дня, въ который совершено было преступленіе, или послѣ того; слѣдствіемъ надлежало обнаружить происхожденіе пятенъ на рубашкѣ, а при сомнѣніи о томъ, что рубашка эта не была на подсудимомъ, дознать, на

комъ же именно она была, и открыть, съ надлежащею положительностью, имѣли-ли пятна, на ней находившіяся, какую либо связь съ обсуждаемымъ преступленіемъ. До тѣхъ же поръ, пока свѣдѣній этихъ нѣтъ, рубашка не можетъ служить ни въ пользу подсудимаго, ни противъ него, и вообще при томъ положеніи, въ какомъ представлено было дѣло, не было возможности обвинить подсудимаго, такъ какъ обстоятельства, которыя могли бы служить къ обнаруженію его виновности, остались не разъясненными, а остальные улики не были достаточно сильны.

СЛѢДСТВИЮ

II.

Процессъ по обвиненію 15ти-лѣтняго мальчика Карла Вюстнера въ убійствъ своего товарища Палитца.

Въ одномъ изъ номеровъ нѣмецкаго журнала «Die Strafrechtspflege in Deutschland» (уголовный судъ въ Германіи) за нынѣшній годъ мы встрѣтили настоящій процессъ, весьма замѣчательный въ психологическомъ отношеніи. Процессъ этотъ былъ сообщенъ Редакціи нѣмецкаго журнала Дрезденскимъ оберъ-прокуроромъ Шварце, присутствовавшимъ при его производствѣ.

Близъ деревни Готгельфридрихгрундъ (Gotthelfriedrichgrund) (у города Носсена въ Саксонскомъ королевствѣ) расположена группа домовъ, которая носитъ названіе Гайдегейзеръ (Haidehäuser); они отстоятъ на сто и болѣе шаговъ одинъ отъ другаго.

Вечеромъ 7-го января 1859 года вблизи этихъ домовъ найденъ былъ трупъ молодаго семнадцатилѣтняго рудокопа, Франца Палитца, котораго родители жили въ одномъ изъ этихъ домовъ. Продолжительное отсутствіе рудокопа безпокоило его мать, вслѣдствіе чего его старшій братъ, Густавъ, пошелъ ему на встрѣчу по дорогѣ, по которой онъ долженъ былъ возвращаться изъ рудокопни. вмѣсто брата, Густавъ Палитцъ нашель въ одномъ изъ кустовъ его бездыханное тѣло.

При осмотрѣ трупа оказалось слѣдующее:

Заработная плата, которую Францъ Палитцъ долженъ былъ получить въ этотъ день, не была найдена въ его платѣ;

не доставало также платка, въ который онъ обыкновенно завязывалъ деньги.

Лицо и голова трупа были страшно обезображены. Отъ глазъ, носа и рта едва оставались слѣды и всѣ части лица представлялись одною кровавою массою, въ которой можно было ясно различить раздробленныя лицевыя кости. На подбородкѣ и головѣ были также значительныя раны, изъ которыхъ большая часть доходила до костей. На шеѣ былъ замѣченъ красный шрамъ, проходившій чрезъ кадыкъ, изъ чего съ большою вѣроятностью можно было заключить, что убитый задушенъ веревкою.

Слѣдовъ убійцы не было видно, по случаю выпавшаго снѣга.

Было дознано, что въ день убійства Палитцъ, получивъ свою заработную плату въ количествѣ 4 талеровъ и 18 серебрянныхъ грошей (*), оставилъ въ 5 часовъ пополудни рудокопню, что на дорогѣ ему попался другіе рудокопы, которые также возвращались домой, и что въ концѣ онъ шелъ съ мальчиками Эбертомъ и Карломъ Вюстнеромъ, которые работали въ одной съ нимъ рудокопнѣ.

Вслѣдствіе дальнѣйшихъ дознаній, Эбертъ былъ взятъ подъ стражу. На него въ особенности навлекали подозрѣніе показанія Вюстнера. Но такъ какъ это подозрѣніе не получило никакого дальнѣйшаго подтвержденія, то Эбертъ былъ освобожденъ уже 11-го января 1859 года. Затѣмъ прокуроръ произвелъ болѣе подробный допросъ Вюстнеру, который вскорѣ сознался въ совершеніи имъ преступленія.

Прежде чѣмъ изложить признаніе Вюстнера, мы скажемъ нѣсколько словъ о немъ самомъ и о его домашнихъ обстоятельствахъ.

(*) Талеръ равняется 92 к. сер. Серебрянный грошъ не много болѣе 3 к. сер.

Карль, Эдуардъ Вюстнеръ родился 20 февраля 1844 года, изъ чего видно, что во время совершения имъ преступленія ему было около 15 лѣтъ. Его отецъ былъ также рудокопъ. Онъ успѣвалъ только съ большимъ трудомъ и съ помощью своей жены и старшихъ дѣтей заработать необходимое на содержаніе своего семейства. Двое старшихъ сыновей, между которыми находится обвиненный, помогали ему тѣмъ, что занимались горною работою и отдавали заработную плату своему отцу. Съ пасхи 1858 года Карль Вюстнеръ началъ работать въ сосѣдней рудокопнѣ, которая отстояла отъ его дома почти на часъ пути. При ежедневной двенадцати-часовой работѣ онъ получалъ въ четырнадцать дней около двухъ талеровъ (1 р. 84 к. сер.). Кромѣ двухъ сыновей въ отцовскомъ домѣ было еще четверо дѣтей. Бѣдность и нужда искони господствовали въ семействѣ, но ни объ одномъ изъ его членовъ нельзя было сказать чего-нибудь дурнаго.

О самомъ Карлѣ Вюстнерѣ должно замѣтить, что онъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и былъ конфирмованъ на пасхѣ 1858 года. Онъ посѣщалъ школу, и умѣетъ читать, писать и считать; но все его школьное образованіе было болѣе формальное. Его духовный отецъ свидѣтельствуетъ, что онъ шелъ съ паствою, не показывая ничего особеннаго ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Какъ его учитель и духовный отецъ, такъ и его домашніе не говорятъ, чтобы онъ былъ бранчливымъ, вспыльчивымъ, жаднымъ къ деньгамъ или даже къ лакомствамъ. Его родители описываютъ его отчасти «живымъ въ своихъ движеніяхъ», но впрочемъ тихимъ и даже мягкосерднымъ, потому, что у него всегда выступали слезы, какъ скоро его начинали бранить. Его знакомые и товарищи отзываются объ немъ также хорошо. Никто не замѣчалъ у него коварнаго, злаго или мстительнаго нрава. Его начальники въ рудокопнѣ были вполне довольны его прилежаніемъ. И такъ, отъ Карла Вюстнера ни въ какомъ случаѣ нельзя было

ожидать подобаго преступленія. Это преступленіе представляется изолированнымъ явленіемъ, которое не можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ его предшествовавшей нравственной и духовной дѣятельности.

Многіе, и въ особенности мать обвиненнаго, утверждали, что отецъ Вюстнера воспитывалъ своихъ дѣтей съ строгостью, чего не отрицалъ и самъ отецъ. Даже послѣ двѣнадцати-часовой работы, которая только иногда прерывалась по воскресеньямъ, отецъ не допускалъ, чтобы Карлъ проводилъ свое время, ничѣмъ не занимаясь. Онъ долженъ былъ вязать или помогать своему отцу въ домашнихъ работахъ, въ особенности въ починкѣ обуви. Отецъ иногда наказывалъ Карла, но только рукою. Причиною наказаній, по словамъ отца, была небрежность въ заданныхъ Карлу работахъ.

Карлъ былъ одѣтъ весьма бѣдно: у него былъ только одинъ армякъ и пара панталонъ. «Воскресныхъ вещей» (Sonntagssachen) онъ не имѣлъ; по воскресеньямъ онъ иногда надѣвалъ сюртукъ своего старшаго брата, если этотъ послѣдній оставался дома. Его желаніе имѣть шляпу, какую носили всѣ его товарищи, до сихъ поръ не могло быть исполнено.

Около четырехъ часовъ утра уходилъ Карлъ изъ дому, такъ какъ рудокопня была на разстояніи часа пути и работа въ ней начиналась въ пять часовъ. Уходя, онъ бралъ съ собою на весь день пищу, которая состояла изъ хлѣба съ масломъ, а иногда, когда не было въ домѣ масла, изъ сухаго хлѣба; теплѣе кушанье: картофель, супъ или кофе онъ получалъ только вечеромъ, по возвращеніи домой; иногда ему посылали его въ рудокопню, но весьма рѣдко, не болѣе раза въ двѣ недѣли. Напротивъ того, большая часть его товарищей, которыхъ родители жили вблизи отъ рудокопни, получали отъ нихъ теплую пищу въ полдень. Незначительная порція хлѣба, которую давали Вюстнеру, предъ уходомъ его утромъ изъ дому, на весь день, часто была недостаточна, при тяжелой, продолжи-

288

тельной работѣ и почти двухчасовой ходьбѣ. Онъ съѣдалъ иногда весь хлѣбъ уже за завтракомъ. Мать подтвердила, что порція хлѣба была мала. Она говорила: «мы не могли давать больше, при дороговизнѣ и столькихъ дѣтяхъ». Виостнеръ иногда работалъ за нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей; но получаемую имъ за это плату онъ также долженъ былъ отдавать своему отцу.

Въ рудокопнѣ было заведено, что работники могли покупать разные съѣстные припасы, какъ то: хлѣбъ, масло, пиво, у жены своего смотрителя. Плата за эти припасы происходила наличными деньгами или была вычитываема изъ жалованья, которое смотритель выдавалъ работникамъ каждую недѣлю. Отецъ Виостнера позволилъ ему издерживать на съѣстные припасы въ двѣ недѣли два серебрянныхъ гроша, но не болѣе. Однажды Карлъ издержалъ однимъ грошемъ болѣе; отецъ выбранилъ его и угрожалъ, что если это повторится еще разъ, то онъ его сильно поколотитъ.

Однако голодъ, нужда и существующее между работниками обыкновеніе принудило Карла къ большимъ издержкамъ, такъ что наконецъ его долгъ, безъ всякой вины съ его стороны, дошелъ до 1 талера 23 серебрянныхъ грошей. Жена смотрителя уже нѣсколько разъ требовала отъ него уплаты и грозила, что въ противномъ случаѣ она попроситъ своего мужа вычестъ долгъ изъ заработной платы.

Утромъ того дня, когда было совершено убійство, отецъ Виостнера сказалъ ему, что онъ пошлетъ въ полдень старшаго брата въ рудокопню, чтобы получить заработную плату Карла, которая ему нужна послѣ обѣда. Карлъ отдалъ въ назначенное время 3 талера своему брату и въ тоже время заплатилъ маленькую сумму женѣ смотрителя, которая снова угрожала ему вычестъ слѣдующій разъ весь его долгъ изъ его заработной платы, что подтвердилъ и самъ смотритель. Карлъ обѣщалъ расчитаться съ нею на другой день.

При работѣ, говоритъ Вюстнеръ, постоянно приходило ему на мысль, что жена смотрителя угрожала вычесть его долгъ изъ его заработной платы и что онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить ее. Когда онъ объ этомъ думалъ, ему стало страшно: его отецъ не долженъ былъ знать о его долгѣ; если онъ узнаетъ, то онъ прибьетъ его. Три талера, которые онъ далъ брату, не составляли всей заработной платы, такъ какъ часть ея онъ отдалъ жепѣ смотрителя. Какъ оправдать предъ отцемъ этотъ недочетъ? Его мучила мысль, какъ бы добыть денегъ; на него напалъ неизъяснимый страхъ.

Размышляя такимъ образомъ, ему вдругъ пришло въ голову, въ четвертомъ часу пополудни, убить кого-нибудь вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться домой, и именно кого-нибудь изъ работниковъ, такъ какъ въ этотъ день они всѣ получили свою заработную плату. Въ это время онъ еще не думалъ, кого убить, а также *гдѣ и какимъ образомъ*; онъ зналъ только, что на возвратномъ пути за мостомъ можетъ достать себѣ изъ хвороста дубину. Когда онъ рѣшился убить кого-нибудь, ему совершенно не приходило на мысль, что было бы лучше никого не убивать, онъ не испытывалъ никакой внутренней борьбы. Хотя онъ знаетъ текстъ, что кровь того, который проливаетъ человѣческую кровь, должна быть также пролита, но онъ не думалъ объ этомъ текстѣ ни въ то время, когда рѣшился на убійство, ни послѣ. Онъ также не думалъ о томъ, что дѣло идетъ о жизни человѣка, что семейство того, котораго онъ убьетъ, будетъ оплакивать убитаго, и что онъ самъ подвергнется наказанію. Онъ не имѣлъ подобныхъ мыслей; онъ думалъ только, что онъ замышляетъ нѣчто худое, и надѣялся, что о его поступкѣ никто не узнаетъ.

Послѣ пяти часовъ онъ оставилъ рудокопню и пошелъ домой съ нѣсколькими товарищами. Дойдя до кучи хвороста, онъ вытащилъ изъ нея сосновый сукъ. Такъ какъ на этомъ сукѣ лежало много хворосту, то онъ могъ вытащить его толь-

ко съ большимъ трудомъ, онъ даже долженъ былъ переломить его, такъ что тонкій конецъ сука остался въ хворостѣ. Когда онъ приготовилъ палку, тогда *только онъ подумалъ, что ему бы убить Палитца*. Онъ былъ увѣренъ, что Палитца его догонитъ и нѣсколько разъ просилъ своихъ спутниковъ подождать Палитца. Дорогою онъ также въ первый разъ подумалъ о томъ, гдѣ онъ убьетъ Палитца: онъ рѣшился убить его въ ольховой рошѣ, чрезъ которую они должны были пройти.

Вскорѣ ихъ нагналъ Палитца. Прочіе товарищи мало по малу оставили ихъ, уходя домой, такъ что наконецъ Карлъ Вюстнеръ шелъ одинъ съ Палитцомъ. Они говорили между собою о томъ, сколько каждый изъ нихъ получилъ въ этотъ день денегъ. При чемъ Палитца на его (Вюстнера) положительный вопросъ отвѣчалъ, что у него 4 талера 18 серебряныхъ грошей; онъ же (Вюстнеръ) сдѣлалъ этотъ вопросъ Палитцу потому, что *хотѣлъ это знать и его убить*. Когда они были недалеко отъ ольховой роши, близъ ихъ домовъ, тогда онъ обдумалъ: *«что онъ будетъ бить Палитца по головъ; конечно ему сейчасъ пришло на мысль, что послѣ перваго удара Палитца только упадетъ, и не будетъ еще убить и что потому ему придется ударить еще нѣсколько разъ»*. Но какъ въ эту минуту, такъ и предъ совершеніемъ убійства онъ вовсе не думалъ о томъ, что не можетъ быть никакого сравненія между человѣческою жизнію и нѣсколькими талерами денегъ, что его преступленіе откроется и что онъ подвергнется наказанію.

Когда они вошли въ сосновую рошу и были какъ разъ на срединѣ ея, онъ нанесъ Палитцу, шедшему впереди, первый ударъ. При этомъ онъ схватилъ палку обѣими руками и ударилъ съ лѣвой стороны *«со всей силы»* (mit aller Force) въ лѣвый високъ Палитца; *«онъ скорѣе льва, онъ можетъ, нанося ударъ слѣва, бить съ бѣльшою силою, нежели нанося ударъ справа»*.

Послѣ этого перваго удара Палитцѣ упалъ на правую сторону лица и «визжалъ», а также разъ или два сказалъ ему: «*Карлъ, пусти меня*». Тогда ему «стало страшно, онъ сожалѣлъ и думалъ, что кто-нибудь придетъ, потому что Палитцѣ такъ больно». И онъ не могъ, не смотря на просьбу Палитца, вустить его, такъ какъ вѣдь онъ его уже ударилъ.

Палитцѣ хотѣлъ также приподняться, но онъ тотчасъ еще ударилъ его нѣсколько разъ по лѣвой сторонѣ головы и лица. Онъ нанесъ Палитцу, быть можетъ, пять или шесть ударовъ.

Послѣ того какъ онъ такимъ образомъ билъ Палитца, этотъ «все еще хрипѣлъ, имѣлъ немного жизни и дышалъ». Такъ какъ Палитцѣ не былъ еще мертвъ, то онъ положилъ его на лѣвую сторону. Онъ это сдѣлалъ, подсунувъ сперва палку подъ тѣло Палитца и переверотивъ его на спину. Потомъ онъ обошелъ на другую сторону, правою рукою схватилъ шнурокъ, который былъ обмотанъ вокругъ шеи Палитца и на которомъ висѣлъ его фонарь, а лѣвою—ногу Палитца, и, тяня за шнурокъ и ногу, успѣлъ переложить его со спины на лѣвую сторону. При этомъ Палитцѣ схватилъ его руку и пытался отбросить его, но напрасно.

Когда онъ положилъ Палитца на лѣвую сторону, онъ снова ударилъ его, пять или шесть разъ, и именно по правой сторонѣ лица.

Послѣ этого Палитцѣ не былъ уже болѣе въ живыхъ. Затѣмъ онъ бросился къ его правому карману, вынулъ изъ него платокъ, въ которомъ лежали деньги, положилъ въ свой карманъ и при выходѣ изъ рощи спряталъ дубину въ ямъ подъ снѣгомъ (дубина была найдена на указанномъ мѣстѣ). Онъ надѣялся, что «не увидятъ дубины», такъ какъ снѣгъ былъ глубокъ и онъ не думалъ, что онъ такъ скоро сойдетъ.

Все это продолжалось не болѣе десяти минутъ. Онъ продолжалъ свой путь и въ четверть восьмаго былъ дома. Придя

домой «ему стало страшно, когда онъ подумалъ, что его схватятъ, что это откроется». Прийдя домой, онъ тотчасъ вынесъ лампу въ сосѣдную комнату. Тамъ онъ осмотрѣлъ себя и увидѣлъ, что его колѣно, армякъ и сапоги замараны кровью. Прежде онъ не замѣтилъ этого. Его руки не были въ крови. Онъ «немного рукою стеръ кровь» съ колѣпа и армяка; потомъ онъ снялъ сапоги, которые онъ надѣвалъ на панталоны, и вытеръ запачканные кровью голенища соломою, припесенною имъ изъ конюшни. Солому онъ опять отнесъ въ конюшню. На подошвахъ сапоговъ не было видно крови, вѣроятно потому, что тогда лежалъ снѣгъ.

Снявъ армякъ и вымывъ,—что впрочемъ онъ дѣлалъ каждый день, возвратившись домой,—руки, на которыхъ отъ вытиранія платья было немного крови, онъ вынулъ изъ печки сушъ, приготовленный для него его матерью, и ѣлъ его. После супа онъ ѣлъ хлѣбъ съ масломъ. «Кушанье казалось ему вкуснымъ». Онъ еще не вынималъ изъ своего кармана взятаго у Палитца платка, но отъ времени до времени ощупывалъ его пальцами и такимъ образомъ удостовѣрился, что въ немъ между прочими деньгами находятся три талера.

Поѣвши, онъ взялъ чулокъ и началъ вязать, что онъ всегда дѣлалъ по приказанію своего отца, возвратившись вечеромъ домой. Но вскорѣ ему захотѣлось спать и онъ уснулъ, положивши руки на столъ и голову на руки. Онъ связалъ можетъ быть только два круга.

Онъ проснулся въ восьмомъ часу, разбуженный приходомъ своей матери. Она пошла съ нимъ въ сосѣдній домъ, гдѣ его отецъ занимался рѣзаніемъ коровы.

Предъ уходомъ изъ дому, мать спросила его, отчего онъ въ полдень прислалъ только 3 талера, тогда какъ онъ долженъ былъ получить 3 талера 17 грошей. Онъ ей отвѣчалъ, что въ то время ему еще не отдали всѣхъ денегъ, при чемъ онъ передалъ ей одинъ талеръ. Взявъ его, мать замѣтила, что

вѣдь это болѣе. Тогда онъ ей сказалъ, что въ этомъ галерѣ заключается плата за тѣ часы, которые онъ работалъ за одного изъ своихъ товарищей и о которыхъ онъ уже говорилъ ей. Мать была успокоена этимъ объясненіемъ.

На дорогѣ *«у него болхло сердце: ему было страшно, такъ какъ онъ убилъ Палитца; онъ думалъ, что это откроется».*

Онъ помогалъ своему отцу въ его работѣ. Вообще въ этотъ вечеръ онъ въ первый разъ въ своей жизни присутствовалъ при томъ, какъ его отецъ рѣзалъ скотину.

Въ двѣнадцатомъ часу они пришли домой. Онъ еще немного помогалъ своему отцу при разрѣзаніи и взвѣшиваніи кусковъ мяса, затѣмъ онъ съѣлъ еще одинъ кусокъ хлѣба съ масломъ и отправился на свою постель, на которой вмѣстѣ съ нимъ спала его четырехлѣтняя сестра. Въ этой же комнатѣ стояла другая постель, на которой уже спали двое его братьевъ.

Онъ вскорѣ заснулъ. Прежде чѣмъ онъ заснулъ, ему пришла мысль, найдутъ ли они, что онъ убилъ Палитца. Болѣе онъ ни объ чемъ не думалъ. Онъ спалъ спокойно всю ночь и проснулся только около 4 часовъ, когда обыкновенно будить его мать.

Въ пятомъ часу (8 января) онъ ушелъ изъ дому на работу. Онъ шелъ къ рудокопню своею обыкновенною дорогою. У него были съ собою взятыя имъ у Палитца деньги, кромѣ одного талера, отданнаго наканунѣ матери. Онъ спряталъ ихъ съ платкомъ въ одну ямку у дороги, чтобы потомъ мало по малу брать ихъ оттуда (какъ платокъ, такъ и деньги были найдены въ показанномъ Вюстнеромъ мѣстѣ). Дойдя до ольховой рощи, ему стало (показалъ онъ при слѣдствіи) *«страшно въ этомъ мѣстѣ; ему было очень не хорошо, когда онъ проходилъ чрезъ сосновую рощицу».* Онъ замѣтилъ, что Палитца не было уже тамъ.

Въ рудокопѣ никто не замѣтилъ въ Вюстнерѣ ничего особеннаго, даже послѣ того, какъ пришло извѣстіе, что нашлн трупъ Палитца. Никто изъ встрѣчавшихъ Вюстнера въ этотъ и въ слѣдующіе дни также не замѣчалъ въ немъ ни безпокойства, ни чего либо бросающагося въ глаза. Онъ исполнялъ свою работу, какъ обыкновенно.

При своихъ признаніяхъ и показаніяхъ онъ вообще сохранялъ тоже равнодушіе и спокойствіе, которыя показалъ съ самаго начала, при первыхъ вопросахъ со стороны жандармовъ и прокурора. Онъ довольно развязно и, не показывая ни малѣйшаго вида глубокаго душевнаго волненія, рассказалъ приготовленіе къ преступленію и его совершеніе. При этомъ не было замѣтно ни раскаянія, ни особаго страха предъ наказаніемъ. Онъ былъ, по его показанію, увѣренъ, что его не осудятъ на смерть, такъ какъ онъ всегда слыхалъ, что несовершеннолѣтніе не могутъ быть казнены. Онъ отнюдь не старался представить свой поступокъ въ лучшемъ видѣ или оправдать его. Онъ указалъ только на нужду, въ которой онъ находился, и на страхъ, который на него напалъ послѣ угрозы жены зрителя. До своего признанія онъ безъ всякаго смущенія повелъ судъ и прокурора на мѣсто совершенія преступленія и рассказалъ имъ, гдѣ онъ сошелся съ Палитцемъ и гдѣ онъ будто бы его оставилъ. Онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ на основаніи его показаній взяли подъ стражу невиннаго Эберта.

Въ продолженіи всего слѣдствія онъ былъ тихъ и спокоенъ и показывалъ въ отношеніи слѣдственнаго судьи, который понималъ его характеръ и обращался съ нимъ съ тактомъ и осмотрительностію, большое довѣріе и большую откровенность. Вюстнеръ между прочимъ показалъ, что онъ боялся за Эберта, который былъ невиненъ и не могъ ни въ чемъ сознаться.

Признаніе обвиненнаго вполне подтвердилось всѣми обстоятельствами дѣла.

Какъ преступленіе, такъ и личность молодого убійцы возбуждали большое вниманіе и привлекли въ залу засѣданія суда многочисленную публику.

Пренія по настоящему процессу имѣли мѣсто 3-го марта 1859 года въ окружномъ судѣ въ Мейсенѣ, подъ предсѣдательствомъ апелляціоннаго совѣтника Отто.

Когда ввели Карла Вюстнера, то онъ спокойно и безъ смущенія отправился на скамью обвиненныхъ. Присутствіе публики и обращенное на него вниманіе повидимому не отягощало и не обезпокивало его.—Его наружность произвела благоприятное впечатлѣніе. Онъ не великъ ростомъ, имѣетъ свѣтлыя волосы и бѣлый, нѣсколько блѣдный цвѣтъ лица, небольшіе глаза, но безъ злаго выраженія. Всѣ черты лица производятъ впечатлѣніе тихаго, спокойнаго и добродушнаго мальчика. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ быстро, спокойно и разсудительно. Глаза его были устремлены на предсѣдателя и свидѣтелей.—Онъ сидѣлъ немного отворотившись отъ публики, но очевидно съ тою цѣлью, чтобы смотрѣть на предсѣдателя.

На вопросъ предсѣдателя, знаетъ-ли онъ, что Палитца убитъ, онъ спокойно отвѣчалъ: «да». На слѣдующій вопросъ: «кто его убилъ», также спокойно и безъ смущенія—«я». Съ подобнымъ же равнодушіемъ онъ отвѣчалъ на вопросы, касающіеся подробностей преступленія, рассказалъ крикъ и мольбы Палитца при его убійствѣ, увѣрялъ, что ни при совершеніи преступленія, ни послѣ совершенія преступленія онъ не чувствовалъ безпокойства или раскаянія, а только боялся, «что это откроется». Онъ рассказалъ далѣе исторію своей жизни; онъ отнюдь не жаловался на свою судьбу, на бѣдность и нужду, господствующую въ родительскомъ домѣ, на незначительное количество пища или строгость отца; онъ не показывалъ зависти къ лучшему положенію большей части своихъ товарищей. Ни рассказъ его поступка, ни причинъ, побудившихъ его къ нему, не возмутили его; онъ постоянно держалъ себя

спокойно, равнодушно и развязно; его лицо постоянно выражало добродушіе; онъ не показывалъ ни ребячества, ни грубости, ни ограниченности умственныхъ способностей.

Предсѣдатель нашелъ нужнымъ узнать степень школьнаго образованія Вюстнера. Это испытаніе было довольно интересно. Отвѣты Вюстнера слѣдовали быстро одинъ за другимъ и были большею частію правильны. Онъ, не останавливаясь, сказалъ на память много текстовъ изъ библіи и довольно хорошо объяснялъ ихъ, между прочимъ также текстъ: «кто прольетъ человѣческую кровь». Онъ показывалъ большія способности къ ариѳметикѣ и казалось былъ доволенъ этимъ испытаніемъ. Онъ былъ весьма внимателенъ и вообще велъ себя, какъ прилежный и любознательный ученикъ. Деревенскій учитель отозвался объ немъ, что онъ рѣзвый, но послушный мальчикъ, имѣетъ посредственныя способности, хорошо училъ тексты изъ библіи и отличался въ ариѳметикѣ. Между учениками школы онъ былъ, по выраженію учителя, изъ среднихъ.

Вюстнеръ увѣрялъ, что онъ сожалѣетъ о своемъ поступкѣ. Впрочемъ и эти увѣренія онъ высказывалъ тѣмъ же хладнокровнымъ тономъ. Онъ сказалъ при этомъ, что онъ присутствовалъ бы при похоронахъ Палитца, если бы имѣлъ на то время.

Намеки объ ожидающемъ его наказаніи не произвели ни какого впечатлѣнія. Еще въ тюрьмѣ онъ говорилъ, что его вѣроятно осудятъ на работы на всю жизнь. Рѣчь прокурора онъ выслушалъ съ тѣмъ же спокойствіемъ.

Думали, что видъ родителей Палитца и его братьевъ, которыхъ Вюстнеръ не видалъ со времени взятія его подъ стражу, произведетъ на него впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что Вюстнеръ постоянно былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Черная одежда матери убитаго, звукъ ея дрожащаго голоса, изліянія горя и отчаянія сильно потрясали сердца всѣхъ присут-

ствовавшихъ. Другіе члены этого всѣми уважаемаго и пользовавшагося особенно хорошею славою семейства произвели на присутствовавшихъ также благоприятное и вмѣстѣ съ тѣмъ горестное впечатлѣніе. Но Вюстнеръ продолжалъ сохранять свое хладнокровіе, онъ только нѣсколько разъ наклонялъ свою голову и смотрѣлъ въ землю.

Однако были минуты, когда Вюстнеръ терялъ свое хладнокровіе. Когда его отецъ былъ вызванъ, какъ свидѣтель, обвиненный былъ видимо сильно взволнованъ: онъ отворотилъ свою голову и нѣсколько разъ закрывалъ лицо руками. Отецъ говорилъ твердо, не выражая печали о своемъ сынѣ и о совершенія имъ преступленія. Въ его показаніяхъ видѣнъ былъ человѣкъ, окрѣпшій въ борьбѣ съ нуждою. Затѣмъ была вызвана мать Вюстнера, которая его выростила и которая всегда кротко обращалась съ нимъ. Скорбь о любимомъ сынѣ рисовалась въ чертахъ ея лица, слышалась въ звукахъ ея голоса. При видѣ ея, Вюстнеръ началъ плакать тихо, но горько, и наконецъ его громкія рыданія слились съ плачемъ его матери. Онъ также былъ взволнованъ, когда допрашивали его старшаго брата, съ которымъ онъ всегда жилъ въ ладу, и когда учитель той школы, въ которой онъ получилъ свое образованіе, говорилъ о немъ и его поведеніи.

Карлъ Вюстнеръ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и осужденъ, принимая во вниманіе его молодость, къ 18-лѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ.

Послѣ закрытія засѣданія суда и удаленія публики, одинъ замѣчательный юристъ (*), присутствовавшій при преніяхъ, говорилъ съ Вюстнеромъ и старался привести его къ сознанію совершеннаго имъ преступленія. Оберъ-прокуроръ Шварце говорилъ съ нимъ также, убѣждалъ его въ необходимости исправиться и указалъ ему на горесть его матери и на остав-

---

(*) Его имени не обозначено въ журналѣ, изъ котораго мы заимствовали настоящій процессъ.

леніе имъ отеческаго дома. Слова ихъ имѣли полный успѣхъ: Вюстнеръ началъ горько плакать и увѣрять, что онъ теперь вполне сознаетъ, что онъ заслужилъ «*большое наказаніе*».

Хотя адвокатъ Вюстнера просилъ объ отмініи приговора, однако его ходатайство не имѣло успѣха и 16 апрѣля 1859 года Вюстнеръ поступилъ въ рабочій домъ.

Изложивъ обстоятельства и ходъ настоящаго процесса, мы приведемъ прекрасное мнѣніе оберъ-прокурора Шварце, съ которымъ мы съ своей стороны вполне согласны.

Вюстнеръ показалъ почти невѣроятное для своего возраста, во всякомъ случаѣ неестественное равнодушіе. Это равнодушіе выказывается въ томъ, какъ онъ, еще почти дитя, задумалъ и привелъ въ исполненіе планъ убить и ограбить своего товарища, который его никогда не обижалъ и съ которымъ онъ никогда не ссорился, какъ онъ немедленно послѣ убійства ѣлъ, вязалъ и помогалъ своему отцу въ его кровавой работѣ, какъ онъ отдалъ своей матери деньги, какъ онъ спокойно спалъ и какъ онъ велъ себя на другой день, какъ онъ признался въ своемъ преступленіи и рассказалъ всѣ его подробности. Это равнодушіе повидимому указывало на такую дикость и грубость нрава, какую мы только рѣдко встрѣчаемъ даже у самыхъ загорѣлыхъ преступниковъ. Между тѣмъ ни въ своей прежней жизни, ни во время слѣдствія Вюстнеръ не показывалъ слѣдовъ подобной дикости и грубости. Слухъ, какъ будто бы онъ нѣкогда мучилъ собаку, оказался лишеннымъ всякаго основанія и проистекшимъ изъ смѣшенія лицъ. Вюстнеръ никогда не находилъ удовольствія въ грубыхъ сценахъ или разказахъ, никогда не читалъ разбойническихъ романовъ (*Räuberromane*) и никогда не видѣлъ дурнаго примѣра въ отеческомъ домѣ. Мы опять встрѣчаемъ его хладнокровіе въ томъ, какъ онъ думалъ о тюремномъ заключеніи на всю жизнь и какъ онъ ожидалъ приговора суда. Мальчику, которому

нѣтъ еще 15 лѣтъ—быть заключеннымъ на всю жизнь, или, какъ въ послѣдствіи оказалось, на 18 лѣтъ,—быть лишеннымъ своей свободы и своей юности,—попасть на столь долгое время между чужихъ людей, въ такое мѣсто, которое игривая фантазія разрисовываетъ всѣми ужасами и мученіями! И не смотря на все это онъ равнодушенъ, спокоенъ и развязенъ! Понятно, почему онъ всѣмъ казался столь трудно разрѣшимую загадку.

Мы думаемъ, что мы не ошибаемся въ слѣдующей оцѣнкѣ Вюстнера.

Онъ убилъ своего товарища и перенесъ съ легкостью мысль о тюремномъ заключеніи на всю жизнь, *потому что онъ еще не зналъ цѣны жизни, онъ еще не научился цѣнить ее.* Проклятіе бѣдности и нужды породило его преступленіе. Съ ранней юности жизнь улыбнулась ему перадожно; нужда и забота окружили его, онъ самъ долженъ былъ работать и даже исполнять самыя тяжкія работы. Онъ не видалъ золотаго сна юности; ея рѣзвость и веселость остались ему также чужды, какъ и ея игры. Не взирая ни на какую погоду долженъ былъ бѣдный мальчикъ, дурно одѣтый и плохо накормленный, рано утромъ отправляться въ дальній путь на работу; голодъ и холодъ были часто его спутниками; возвратившись вечеромъ послѣ тяжелой работы домой, онъ снова долженъ былъ работать. Какую прелесть представляла ему до сихъ поръ его жизнь? До сихъ поръ его употребляли какъ рабочую силу, изъ которой его строгій и суровый отецъ, побуждаемый нуждою въ домѣ, старался извлечь по возможности больше выгоды. Къ этой эксплуатаціи присоединяется страхъ предъ отцемъ. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, выучное животное, которое ежедневно исполняетъ тяжкую работу и которое только боится кнута погонщика; онъ былъ рабъ работы; онъ долженъ былъ заслужить заранѣе опредѣленную плату. Вотъ въ чемъ заключалось его назначеніе. Если онъ не заслуживалъ этой платы, то онъ навлекалъ на себя тѣлесное наказаніе.

Какую цѣну имѣла для Вюстнера жизнь? Онъ сдѣлался тупъ и равнодушенъ. Какъ мало онъ цѣнилъ свою собственную жизнь, такъ же мало онъ цѣнилъ и жизнь другихъ. Онъ совсѣмъ не сознавалъ, какое высокое благо онъ отнимаетъ у своего ближняго, отнимая у него жизнь.

А потеря свободы? А работа, которая его ожидала въ исправительномъ заведеніи? Ни то, ни другое не могло быть для него страшилищемъ. Какую свободу пользовался онъ до сихъ поръ? Работа, которая его ожидала въ исправительномъ заведеніи, не могла быть тяжелѣе его настоящей работы.

Предположимъ даже, что онъ глубоко обдумалъ предстоящее ему наказаніе, — что впрочемъ невѣроятно, — его судьба могла только улучшиться. Во всякомъ случаѣ ему предстояла болѣе легкая работа, теплая и лучшая пища, болѣе теплая одежда и пр. Ему предстояла работа при дневномъ свѣтѣ, а не глубоко подъ землею. Окончивъ работу, онъ могъ отдохнуть и пр.

Человѣкъ, который столь мало наслаждается счастьемъ въ жизни и которому уже въ юности суждено испытать всю нужду и тяжкую заботу жизни, мало уважаетъ жизнь другихъ; онъ становится равнодушнымъ ко всѣмъ лучшимъ побужденіямъ и находится въ опасности впасть въ скотское тупоуміе и сдѣлаться чуждымъ человѣческому образованію и человѣческимъ чувствамъ.

Но мы думаемъ, что Вюстнеръ еще не потерялъ для человечества. Мы основываемъ эту вѣру преимущественно на его любви къ своимъ родителямъ и братьямъ и на его благодарномъ воспоминаніи о своемъ школьномъ времени. Онъ показалъ своимъ поведеніемъ при показаніяхъ его родителей, въ особенности матери, и его учителя, восприимчивость къ хорошимъ побужденіямъ, онъ показалъ чувство благодарности. Не смотря на бѣдствія и нужду, въ немъ сохранилась любовь къ матери. Быть можетъ въ то мгновеніе, когда его мать задыхающимся отъ слезъ голосомъ показывала о своемъ бѣдномъ ди-

тяти, слеза матери тяжко запала въ его сердце и вызвала въ его душѣ пріятныя воспоминаія, украшенныя любовью и самозабвеніемъ матери. Подобное же дѣйствіе произвело воспоминаніе о годахъ, проведенныхъ въ школѣ. И здѣсь быть можетъ, не смотря на то, что учитель казался болѣе серьезнымъ и строгимъ, нежели ласковымъ, онъ вспомнилъ какую-нибудь радостную сцену дѣтства и разница между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ тяжко легла на его сердце.

Мы основываемъ нашу надежду на благотворный переворотъ въ духовной жизни Вюстнера также на томъ, что онъ, не смотря на всю послѣдовательность въ приведеніи въ исполненіе своего плана, все таки дѣйствовалъ довольно необдуманно. Онъ долженъ былъ знать, что на него, какъ на спутника Палитца, прежде всего падеть подозрѣніе, и что уплата долга, при его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, возвыситъ это подозрѣніе. Большой недостатокъ обдуманности заключается также въ томъ, что онъ тотчасъ схватился за самое страшное средство, чтобы избавиться отъ своего затруднительнаго положенія, что онъ не прибѣгнулъ ко лжи о потерѣ денегъ или къ кражѣ.

Если при испытаніи Вюстнеромъ наказанія успѣютъ развить въ немъ *человѣка*, если пробудятъ въ немъ дремлющія, но еще не заглушенные начатки добра, тогда онъ еще можетъ возвратиться въ гражданское общество *хорошимъ человѣкомъ*. Но прежде всего должно растопить ласкою и кротостью ледяную кору его сердца, а потомъ привести его къ ясному сознанію всей тяжести своего преступленія, которое теперь онъ еще не понимаетъ. Когда онъ дойдетъ до этого сознанія, когда станетъ для него ясно, какъ низко онъ упалъ, только тогда будетъ возможно успѣшное очищеніе и исправленіе его нравственности. Мы надѣемся, что тогда онъ, хотя постоянно тревожимый воспоминаніемъ своего ужаснаго поступка, возвратится съ любовью къ жизни и съ уваженіемъ къ божескимъ и человѣческимъ

законамъ и своею безукоризненною дѣятельностью приобрѣтетъ себѣ уважаемое мѣсто въ гражданскомъ обществѣ.

Не смотря на этотъ взглядъ на преступленіе Вюстнера, мы не отрицаемъ, что уголовный судъ не долженъ былъ забывать, что онъ судитъ страшное, систематически выполненное убійство. А потому судъ справедливо отвергнулъ мнѣніе защитника Вюстнера, что обвиненнаго должно наказать только нѣсколькими годами тюремнаго заключенія. Мы даже думаемъ, что подобная кротость, оскорбительная для живущаго въ народѣ чувства справедливости, не имѣла бы на самаго Вюстнера того благодѣтельнаго вліянія, котораго можно ожидать отъ болѣе строгаго рода наказанія. Вюстнеръ долженъ, прійдя къ полному сознанію, въ самомъ родѣ наказанія найти тяжесть своего преступленія и необходимость внутренняго переворота.

Въ заключеніе Шварце говоритъ, что должно считать особеннымъ счастіемъ для Вюстнера, что онъ поступилъ подъ надзоръ директора рабочаго дома въ Цвиккау, который въ ревностномъ исполненіи своей тяжкой обязанности показываетъ удивительный тактъ и глубокое знаніе человѣческой природы. Осенью 1859 года, осматривая цвиккауское исправительное заведеніе, Шварце посѣтилъ Вюстнера.

Онъ былъ помѣщенъ въ особой кельѣ и пользовался каждый день нѣсколькими часами уроковъ, въ томъ числѣ и священника заведенія. При входѣ Шварце, Вюстнеръ видимо обрадовался увидѣть его и сказалъ «вѣдь вы обѣщали навѣстить меня». Во время пребыванія Шварце въ кельѣ, голубь влетѣлъ въ открытое окно, ища хлѣбныхъ крошекъ. Очевидно, что Вюстнеръ, смотрѣвшій безпокойно то на Шварце, то на голубя, пріучилъ голубя прилетать за кормомъ. Онъ признался въ этомъ и выразилъ опасеніе, чтобы ему это не было запрещено. Шварце воспользовался этимъ случаемъ, чтобы указать ему, какъ было бы для него неприятно, если бы ему запретили

кормить голубя. Но какъ же послѣ того должна была грустить мать Палитца, потерявъ своего ребенка столь страшнымъ образомъ. Вюстнеръ былъ видимо взволнованъ этимъ замѣчаніемъ, много плакалъ и вообще показалъ болѣе мягкое настроеніе духа, нежели при производствѣ надъ нимъ суда.

Слѣды

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РОССИЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.
И. ПИСКАРЕВА. С.ПБ. 1860.

Появленіе въ свѣтъ книги съ заглавіемъ «введеніе къ изученію російскихъ законовъ» вѣроятно обратило на себя вниманіе лицъ, слѣдящихъ за успѣхами отечественной юридической науки. Въ самомъ дѣлѣ, что должно разумѣть подъ введеніемъ къ *изученію* законовъ какой-либо страны; другими словами: какія предварительныя свѣдѣнія долженъ приобрѣсти желающій изучить законодательство извѣстнаго государства? Отвѣтъ ясный: такой человекъ долженъ прослѣдить философію права въ ея историческомъ и современномъ развитіи, познакомиться съ исторіею положительныхъ законодательствъ государствъ древняго и новаго міра и наконецъ приобрѣсти основательныя свѣдѣнія въ исторіи законодательства той страны, дѣйствующее право которой онъ желаетъ изучить. Безъ такихъ предварительныхъ познаній невозможно *изученіе* законовъ, а развѣ только поверхностное знакомство съ ними. Слѣдовательно въ «введеніи къ изученію законовъ» должны необходимо заключаться подобныя свѣдѣнія. Мысль эта не новая, и сознанная необходимость въ такихъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ вызвала даже особую науку—энциклопедію законовѣдѣнія, которая на самомъ дѣлѣ и представляетъ собою введеніе къ изу-

ченію законовъ. Припомнимъ, какъ опредѣляетъ Неволинъ энциклопедію законовѣднія. По его словамъ «энциклопедія законовѣднія есть обзоръ наукъ законовѣднія въ общей ихъ связи какъ со всѣмъ человѣческимъ вѣдѣніемъ, такъ и между собою. Энциклопедія законовѣднія есть теорія науки законовъ, какъ одной изъ областей человѣческаго вѣдѣнія,—ученіе о построеніи сей науки, о планѣ ея и о томъ, какъ сей планъ представляется выполненнымъ, или можетъ быть выполненъ въ дѣйствительности, наука, изображающая составъ, строй, организмъ науки законовъ, единство ея, происхожденіе множества наукъ юридическихъ изъ единства и воспріятіе ихъ въ единство.» Кромѣ того, справедливая мысль, что эта наука, въ томъ значеніи, какое придаетъ ей Неволинъ, должна служить *введеніемъ* къ изученію законовъ,—ясно видна изъ слѣдующихъ словъ покойнаго профессора: «энциклопедія необходима въ особенности для начинающихъ курсъ наукъ юридическихъ: а) энциклопедія, обозрѣвая науки юридическія въ общей ихъ связи со стороны содержанія, тѣмъ самымъ даетъ начинающему твердыя точки для того, чтобы онъ могъ установить свои понятія при *изученіи* наукъ законовѣднія. Безъ нея разнообразіе содержанія совершенно бы подавило его; въ цѣломъ онъ видѣлъ бы предъ собою почти одинъ только хаосъ; онъ блуждалъ бы какъ будто въ странѣ неизвѣстной, среди обширнаго океана, не зная, гдѣ онъ находится, что лежитъ у него сзади, что спереди, что по его сторону, что по другую; б) Энциклопедія, обозрѣвая науки юридическія въ общей ихъ связи со стороны формы, указываетъ начинающему правильную методу изученія законовъ. Безъ такого указанія онъ легко можетъ уклониться отъ прямого пути, можетъ сдѣлаться нетвердымъ въ шагахъ своихъ; во всякомъ случаѣ долженъ будетъ идти къ своей цѣли слѣпо, безъ сознанія. Правда, для тѣхъ, которые обучаются въ заведеніи, гдѣ весь порядокъ ученія опредѣленъ правительствомъ, потребность энциклопедіи въ этомъ отношеніи менѣе можетъ быть чувствительна; но и они должны

имѣть отчетливое познаніе о томъ, что съ нами и для нихъ дѣлается. Многое сверхъ того при изложеніи всякой науки, а слѣдовательно и наукъ юридическихъ, необходимо должно быть предоставляемо собственному занятію воспитанника; при этомъ знаніе правильного способа ученія для него необходимо. Еще болѣе нужно для него такое знаніе по выходѣ его изъ учебнаго заведенія, когда онъ совершенно предоставляется себѣ самому и когда тѣмъ не менѣе онъ все долженъ пополнять и распространять свои познанія; в) Энциклопедія удовлетворяетъ естественному желанію учащагося—имѣть какое-нибудь понятіе о предметахъ будущаго своего ученія, обзрѣть предварительно весь путь свой съ самаго начала до конца.»

Посмотримъ теперь, какъ взглянулъ г. Пискаревъ на этотъ предметъ. Эпиграфомъ къ своему сочиненію взялъ онъ изреченіе Ульпіяна: «jurisprudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia, justis atque injustis scientia.» Если авторъ взялъ себѣ этотъ эпиграфъ съ тою цѣлію, какая обыкновенно соединяется съ предисловіемъ изслѣдованію эпиграфа,—то отсюда мы вправѣ заключить, что г. Пискаревъ намѣренъ былъ широко взглянуть на свою задачу и что въ его книгѣ найдемъ твердое основаніе для «изученія россійскихъ законовъ.»

Сочиненіе свое авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, начинается объясненіемъ общихъ понятій о правѣ, законахъ и законовѣдѣніи и сперва излагаетъ, что такое *право*, говоритъ объ органахъ, участвующихъ въ образованіи права, о положительномъ характерѣ права и опредѣляетъ отношеніе между правомъ и нравственностію. Всѣ эти важные, фундаментальные вопросы въ юридическій наукѣ авторъ разрѣшилъ на трехъ страницахъ довольно крупнои печати и притомъ образъ разрѣшенія ихъ заимствовалъ у Ренненкамфа.

Далѣе г. Пискаревъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: «формы, въ которыхъ выражается право въ обществѣ: обычаи и законы положительные; системы права; своды и уложенія; объясненіе понятія законовъ положительныхъ». Все это изложено авторомъ на двухъ съ половиною страницахъ. Спи-

савъ опредѣленіе *обычая* изъ «энциклопедіи» Неволлина и заимствовавъ у него же, къ сожалѣнію вкратцѣ и не безъ ущерба истинному смыслу подлинника, опредѣленіе понятія *положительныхъ законовъ* и значенія *сводовъ* и *уложеній*, (см. §§ 53-й, 54-й и 55-й т. 1-го Энциклопедіи), авторъ, «останавливаясь на понятіи законовъ положительныхъ», опредѣляетъ «значеніе ихъ въ государственномъ союзѣ». «Положительные законы, говоритъ онъ, суть постоянныя, общія правила для внѣшнихъ дѣйствій людей, составляющихъ государственный союзъ, предписанныя или утвержденныя верховною государственною властію подъ страхомъ принужденія къ исполненію ихъ». Не знаемъ, почему авторъ не удовольствовался опредѣленіемъ положительныхъ законовъ, заимствованнымъ у Неволлина, и привелъ еще второе опредѣленіе, по видимому собственнаго изобрѣтенія, ибо опредѣленіе г. Пискарева едва-ли годно къ употребленію. На доказательство этого не нужно многихъ словъ и достаточно замѣтить на первый разъ, что это опредѣленіе лишено юридическаго смысла, потому что, какъ извѣстно, не всякія внѣшнія дѣйствія лицъ могутъ и должны подлежать опредѣленію положительныхъ законовъ. Впрочемъ относительно этого предмета авторъ имѣетъ особый взглядъ, — о чемъ мы сейчасъ скажемъ.

Изложивъ свое опредѣленіе, г. Пискаревъ дѣлаетъ ближайшее объясненіе его. *Постоянство* законовъ, говоритъ онъ, «понимается въ смыслѣ относительномъ; законъ является вслѣдствіе сознанный необходимости его существованія, по этому онъ и существуетъ до тѣхъ поръ, пока продолжается это сознание; съ уничтоженіемъ же его, законъ самъ собою отменяется, теряетъ свою примѣняемость». Эта мысль вполне новая и мы впервые слышимъ, что положительные законы въ государствѣ отменяются *сами собою*. А верховная-то власть, о которой упоминаетъ авторъ въ своемъ опредѣленіи, развѣ при этомъ не играетъ никакой роли? или она только предписываетъ правила, а отменяются они уже безъ ея вѣдома? Ип-

интересно было бы знать мнение об этом г. Пискарева, тем более, что в рассмотрении по частям своего определения, он выпустил почему-то объяснение положения своего, что законы суть *правила, предписанные или утвержденные верховною государственною властью*. Понятие, что законы суть *общия* правила, авторъ объясняетъ такъ: «все люди, живущие подъ управленіемъ одной и той же верховной власти, имѣютъ равное право пользоваться законами, отъ нея исходящими. Основаніе этого правила заключается въ *характеръ разумности* (?), которая даетъ всемъ людямъ одинаковое значеніе; верховная власть, признавая законы общими правилами, вводитъ въ жизнь дѣйствительную то, что необходимо по разуму». Здѣсь замѣтимъ, что авторъ дѣлаетъ напрасный комплиментъ положительнымъ законамъ: нигдѣ и никогда не были они *общими* въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ о нихъ г. Пискаревъ, ибо не было еще государства, гдѣ бы все граждане его имѣли равное право пользоваться всеми законами: состоянія, существующія въ государствахъ, достаточно, между прочимъ, доказываютъ это. Автору должно бы быть извѣстно, что *правд* лицъ, составляющихъ государственный союзъ,—признаніе и огражденіе коихъ является единственнымъ предметомъ заботливости для законодательной дѣятельности и опредѣленіе и охраненіе которыхъ составляетъ единственно-возможный предметъ положительныхъ законовъ (*),—бываютъ двухъ родовъ: права, принадлежащія каждому лицу, какъ лицу и гражданину,—*права общія*, и права, принадлежащія извѣстному гражданину, зависящія отъ его личныхъ свойствъ и особенностей его положенія въ общественномъ союзѣ,—*права особенныя*; слѣдова-

(*) Въ этомъ отношеніи мы вполне раздѣляемъ мнѣніе Мейера, который даетъ слѣдующее опредѣленіе закона: «закономъ называется исходящее отъ верховной власти правило, которымъ устанавливаются права. Сама власть верховная въ этой дѣятельности называется властью законодательною. Это свойство закона, что имъ устанавливаются права, только и можетъ руководить насъ въ отличіи законовъ отъ другихъ актовъ нераздѣльной верховной власти». (Русск. гражд. право; чтенія Д. П. Мейера, изд. подъ редакцію А. Вишня. Выпускъ 1, стр. 31).

тельно и законы, содержащимъ которыхъ являются эти права, могутъ быть общими и особенными. Такимъ образомъ общность вовсе не составляетъ существеннаго элемента положительныхъ законовъ и постановленіе верховной власти можетъ быть не общимъ и все таки быть положительнымъ закономъ.— Положеніе, что законы суть *правила для вѣншихъ дѣйствій*, г. Пискаревъ объясняетъ тѣмъ, что «внутреннія дѣйствія недоступны для познанія другихъ и для опредѣленія ихъ и потому находятся внѣ сферы законовъ положительныхъ; что же касается до дѣйствій вѣншихъ, то законамъ должны подлежать всѣ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ вліяніе на общество. Въ обширномъ смыслѣ каждый шагъ человѣка служить къ пользѣ или вреду ближняго и слѣдовательно каждое дѣйствіе его должно бы быть опредѣлено закономъ; по разнообразію житейскихъ отношеній, нѣтъ возможности написать полное уложеніе для всѣхъ дѣйствій человѣческихъ». . . . Вотъ причина, почему не оказалось юридическаго элемента въ разбираемомъ опредѣленіи. Счастье еще, что г. Пискаревъ не находитъ возможности написать полнаго уложенія для всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, а то пришлось бы человѣку навѣки отказаться отъ мысли, что онъ существо разумно—свободное. Считаемъ излишнимъ возражать что-либо противъ такихъ мыслей. Въ заключеніе, объ этой части труда г. Пискарева замѣтимъ, что здѣсь осталось необъясненнымъ, что разумѣлъ авторъ подъ выраженіемъ «системы права,» выставленнымъ въ заголовкѣ этой части; ибо о системахъ права мы не нашли ни одного слова.

Послѣ опредѣленія положительныхъ законовъ авторъ говоритъ о раздѣленіи ихъ на ихъ главные роды и виды. Объ этой части труда г. Пискарева мы считаемъ излишнимъ говорить, по той же причинѣ, по которой не разбирали и понятій его о правѣ и различіи права отъ нравственности,—т. е. потому что она не принадлежитъ собственно г. Пискареву, а выписана цѣликомъ изъ энциклопедіи Неволина, какъ въ этомъ читатели могутъ убѣдиться, слѣживъ изложеніе г. Пискарева съ §§ 88—101 энциклопедіи.

Далѣ авторъ, слѣдуя порядку, принятому въ энциклопедіи Неволнна, разсматриваетъ «законовѣдѣніе въ общемъ его составѣ,» гдѣ говоритъ: 1) о законовѣдѣніи, какъ наукѣ, 2) о необходимости законовѣдѣнія, 3) о составныхъ частяхъ законовѣдѣнія и 4) о способахъ изученія законовъ. Изъ этихъ параграфовъ первые два, за исключеніемъ немногихъ строкъ, списаны цѣликомъ изъ энциклопедіи Неволнна. Говоря о составныхъ частяхъ законовѣдѣнія, авторъ дѣлитъ его на *теоретическое* и *практическое*, разумѣя подъ первымъ изложеніе *общихъ началъ права*, а подъ вторымъ изложеніе правилъ, которыя служатъ руководствомъ въ примѣненіи *общихъ началъ права* къ случаямъ общественной жизни. Читатели вѣроятно подумаютъ, что подъ *общими началами права* понимается, какъ и слѣдовало ожидать, теорія права, философія юридической науки; ничуть не бывало: здѣсь просто понимаются, какъ сейчасъ увидимъ, *дѣйствующие законы*. Теоретическое законовѣдѣніе составляютъ, по словамъ автора, государственное право, гражданское право и народное право, изъ коихъ первое имѣетъ слѣдующіе виды: государственное право въ тѣсномъ смыслѣ, военное право, финансовое право, полицейское право, уголовное право и судебное право; практическое законовѣдѣніе авторъ дѣлитъ на юридическую практику частнаго и уголовного права, государственную практику внутреннюю и государственную практику вѣдшую. Определенія этихъ составныхъ частей, не объясняющія предмета, объясняютъ однако понятія автора объ *общихъ началахъ права*, составляющихъ, какъ выше сказано, предметъ теоретическаго законовѣдѣнія. Возьмемъ какое-нибудь изъ этихъ определеній, напр. уголовного права: «уголовное право, говоритъ г. Пискаревъ, есть систематическое изложеніе уголовныхъ законовъ *даннаго государства*». Вообще о третьемъ параграфѣ замѣтимъ, что мы не понимаемъ, почему авторъ, раздѣливъ законовѣдѣніе на теоретическое и практическое, подъ первымъ разумѣетъ только изложеніе дѣйствующаго законодательства,

какъ будто философія и исторія законовъ не входятъ въ область законовѣдѣнія и особенно *теоретическаго*; а то, что авторъ разумѣетъ подъ практическимъ законовѣдѣніемъ, т. е. юридическую практику, состоящую въ искусствѣ примѣнять законы къ различнымъ случаямъ общественной жизни, — не есть *законовѣдѣніе*; и самъ же авторъ говоритъ, что «законовѣдѣніе есть совокупность свѣдѣній о законахъ», а не объ искусствѣ примѣнять ихъ къ данному случаю. — Четвертый параграфъ, — о способахъ изученія законовъ, — есть сокращенное изложеніе мыслей Неволіна объ этомъ предметѣ.

Таково содержаніе перваго отдѣла сочиненія г. Пискарева.

Второй отдѣлъ имѣетъ заглавіе: «очеркъ ви́шней исторіи русскаго законодательства.» Этотъ отдѣлъ чрезвычайно кратокъ (8 страницъ) и потому естественно ограничивается однимъ перечисленіемъ памятниковъ, вышедшихъ до изданія свода законовъ. Замѣчанія о каждомъ памятникѣ не характеристичны, нѣсколько не новы и обнаруживаютъ на себѣ сильное вліяніе II тома энциклопедіи Неволіна, откуда нерѣдко взяты цѣликомъ цѣлые періоды (ср. энциклопедію Неволіна §§ 985-1001.)

Третій отдѣлъ представляетъ собою «обозрѣніе источниковъ для познанія нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, съ историческими свѣдѣніями», и дѣлится на три части: 1) источники для познанія дѣйствующихъ общихъ законовъ; 2) источники для познанія нынѣ дѣйствующихъ особенныхъ законовъ и 3) источники для познанія нынѣ дѣйствующихъ мѣстныхъ законовъ. Излагая источники для познанія дѣйствующихъ общихъ законовъ, авторъ говоритъ о полномъ собраніи законовъ и сводѣ законовъ, — и послѣ краткихъ свѣдѣній объ исторіи составленія свода законовъ, объясняетъ, сколько томовъ въ полномъ собраніи, какія оно имѣетъ приложенія и за тѣмъ съ полною подробностію выписываетъ оглавленіе каждаго тома свода законовъ. Объ источникахъ особенныхъ законовъ (т. е. военныхъ, морскихъ и церковныхъ законовъ) также находимъ краткія историческія свѣдѣнія и оглавленіе томовъ и раздѣловъ. Наконецъ

объ источникахъ мѣстныхъ законовъ сообщены также весьма неполныя свѣдѣнія, ограничивающіяся внѣшнимъ обзоромъ и то перѣдко въ общихъ словахъ.

Въ концѣ книги находимъ «примѣчанія,» состоящія изъ ссылокъ на различныя сочиненія и библиографическихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ юридическихъ памятникахъ.

Таково «введеніе къ изученію російскихъ законовъ» г. Пискарева. Оканчивая отчетъ объ этой книжкѣ, скажемъ, что напрасно авторъ не предпослалъ ей предисловія, гдѣ бы объяснилъ цѣль, побудившую его къ напечатанію его труда; теперь же для насъ эта цѣль совершенно непонятна. Но можетъ быть, г. Пискаревъ не имѣлъ цѣли писать «введенія къ изученію законовъ» въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому предмету, а желалъ только, какъ учитель законовѣднія, написать *руководство* для своихъ слушателей.

По нашему мнѣнію, всякое руководство должно соединять въ себѣ слѣдующія главныя качества: 1) строгую *систему* изложенія, при которой сочиненіе было бы проникнуто однимъ началомъ, одною мыслию, отчетливо проведенною по всѣмъ частямъ его, такъ чтобы эти части неразрывно связывались одна съ другою, какъ протекающія изъ одного главнаго источника, 2) *стройность и общедоступность* изложенія, требующія полноты въ раскрытіи основныхъ, главнѣйшихъ началъ и положеній науки, не затемняемой мелкими подробностями и 3) *занимательность* изложенія, вслѣдствіе которой учащійся съ интересомъ читалъ бы руководство, такъ чтобы оно привлекало его къ себѣ, а не отталкивало своєю сухостию и безжизненностию.

Трудъ г. Пискарева, сколько намъ кажется, не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ требованій. О строгой системѣ конечно нечего и говорить, такъ какъ авторъ не внесъ въ свое сочиненіе основной мысли, а ограничился занятваніемъ положеній изъ разныхъ авторовъ, вслѣдствіе чего необходимо обнаруживается отрывочность изложенія и малая

связь между отдѣльными частями предмета, такъ что въ руководствѣ г. Пискарева (если только трудъ его—руководство), учащемуся не на чемъ сосредоточить своихъ мыслей, не на чемъ опереть свою память, и онъ становится въ необходимость безотчетно заучить руководство наизусть. Далѣе, второму выставленному нами условію сочиненіе г. Пискарева, какъ это видно изъ предшествовавшаго обзора, діаметрально противорѣчитъ, ибо какъ выше было указано, главные начала и положенія науки изложены до того кратко и несубдительно, что этотъ отдѣлъ сочиненія не имѣетъ никакой цѣны а напротивъ второстепеннымъ обстоятельствамъ дано относительно обширное мѣсто. Такъ, напр., «общія понятія о правѣ, законахъ и законодѣніи», составляющія фундаментъ науки, изложены во всѣхъ отношеніяхъ недостаточно и чрезвычайно кратко, между тѣмъ какъ обзоръ источниковъ дѣйствующаго законодательства, занимающее большую часть сочиненія, наполнено выписками оглавленій томовъ свода законовъ и другихъ законоположеній. Такія свѣдѣнія совершенно излишни въ столь краткомъ руководствѣ, каковъ трудъ г. Пискарева, и даже вредятъ дѣлу: они излишни потому, что учащійся легко можетъ узнать самъ оглавленіе каждаго тома свода законовъ, взявъ его въ руки, и вредны потому, что безъ нужды обременяютъ память учащагося. Наконецъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что рассмотрѣнное сочиненіе не можетъ быть и занимательнымъ; и мы увѣрены, что если воспитанникъ, котораго заставляютъ учить это руководство, и выучитъ его, то никакъ не съ любовію, а изъ страха наказанія, и вообще получить о наукѣ права весьма невыгодное понятіе.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

КОММИССИОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

*на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго
дворца, въ домъ Завытнова.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ и юридическіе и древнія царскія грамоты Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній, собранныя С. Мельниковымъ. Казань. 1859. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50.

АКТЫ, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изданы подъ редакцію Н. Калачева. Т. 1. Спб. 1857. Ц. 2 р. съ пер. 3 р.

БЪЛОПАШЦЫ и обѣльные вотчинники и крестьяне. В. Вишнякова. Сиб, 1859. Ц. 30 к. съ пер. 50.

ВЗГЛЯДЪ на историческое развитіе Русскаго, порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго Русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ Римскимъ, Французскимъ и Прусскимъ. Рѣчь К. Кавелина. Спб. 1860. Ц. 50 к. съ пер. 75.

ИНСТИТУТЫ ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА, въ 4 книгахъ, перев. съ Латинскаго **Θ. Проскурякова**, дополненный извлеченіями изъ другихъ юстиніановыхъ законовъ и снабженный объясненіями переводчика. С.-Петербургъ. 1859. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

О НАСЛѢДСТВѢ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія Царя Алексѣя Мпхайловича. **И. Бѣляева**. М. 1858. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ВВЕДЕНІЕ къ изученію Россійскихъ законовъ. **И. Пискарева**. Спб. 1860. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

О НАЧАЛАХЪ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ. Историческое разсужденіе **В. Никольскаго**. М. 1859 ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

О ПРИОБРѢТЕНІИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ на землю по Русскому праву. Соч. **Ивана Энгельмана**. Спб. 1859 п. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75.

О ПУБЛИЧНОСТИ И УСТНОСТИ уголовного судопроизводства по русскому положительному праву. Спб. 1857 ц. 30 к., съ пер. 55 к.

ОПЫТЫ по исторіи русскаго права. **Б. Чичерина**. М. 1858 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКЪ Русскаго вексельнаго права. Читенія **Д. Мейера**. Изд. **А. Впцынымъ**. Казань, 1857. ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

РАЗВИТІЕ ПОПЯТІЙ о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. Разсужденіе **А. Богдановскаго**. М. 1857. ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ русскому уголовному судопроизводству. Состав. **Николай Стояповскій**. 2 части М. 1858 ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

РУССКІЙ НАРОДЪ и Государство, исторія Русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. Соч. **В. Лешкова**. М. 1858. ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

СОБРАНИЕ важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго Русскаго права. И. Лазаревскаго и Я. Утина. Спб. 1859. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 10 к.

СОЧИНЕНІЯ Константина Кавелина. 4 тома. М. 1860. Ц. 5 р. съ пер. 7 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ сочиненій К. А. Неволіна. 6 томовъ, содержащихъ въ себѣ: 1) Энциклопедію законовѣдѣнія. 2 тома. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.—2) Исторію російскихъ гражданскихъ законовъ. 3 тома. Ц. 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.—Спб. 1858 г. 3) Изслѣдованія о различныхъ предметахъ законовѣдѣнія. Спб. 1859. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

УСТАВЫ гражданского судопроизводства Сардиніи и Венгріи. Спб. 1859. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ. Томы третій и четвертый изданные П. Рѣдкимъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. Спб. 1859—60. Ц. 4 р. съ пер. 5 р.

ЮРИДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ практической гражданской права, преимущественно частнаго, т. е. объ отношеніяхъ семейственныхъ и по имуществамъ и договорамъ. Часть первая. Сост. Л. Демисъ. Спб. 1859. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

СОСТАВ... 1880

СОСТАВ... 1880

СОСТАВ... 1880

СОСТАВ... 1880

СОСТАВ... 1880

СОСТАВ... 1880

СОСТАВ... 1880

СЛОВО

СЛІД

СПБГУ

000192566

ЮФ СПБГУ

СПбГУ

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министертва Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть руб. сер.*, а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь руб. пятьдесятъ копѣекъ сер.* 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 года (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года,) *три руб. сер.* безъ доставки, съ доставкою же *три руб. семьдесятъ пять коп. сер.*

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволено. С.-Петербургъ. 7 ноября 1860 года.
Цензоръ *Обертъ.*